

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 1978

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

ИЗ ГРУЗИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА . . . 3

ПРОЗА

- НОДАР ДУМБАДЗЕ. Откуда в городе ястреб? Рассказ . . . 14
- РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман . . . 21
- ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. От Машрика до Магриба . . . 51

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АЛЬГИМАНТАС БУЧИС. «Бессюжетность» действительности и проблемность литовской прозы . . . 106

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — Гурам АСАТИАНИ

Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Гиви ЖВАНИЯ, Марк ЗЛАТКИН, Исидор КОЗАЕВ, Георгий ЛОМИДЗЕ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Эммануил ФЕЙГИН, Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Шиола и Мтрехели

До сих пор Гудушаури
Величался эриставом¹,
Правил праведной рукою.
А теперь — на что похоже! —
Или стал чужим слугою? —
Ни проезжим, ни прохожим
Близ Ачхвати нет покоя:
К путнику зачем пристал он?

Не пустил Мтрехели в Хёви²,
— Дай коня! — Отдал Мтрехели.
Эристав опять бранится,
Не насытишь эристава.
— Лук отдай! — и тянет руку
К тонкому резному луку.
— Как отдам? Вблизи — граница:
Жить без лука не пристало.
Всем принадлежит дорога.
Враждовать — какая польза?
Пропусти заради бога,
Наживать врага побойся.
— Я — Гудушаури! Мне ли
На тебя смотреть? А ну-ка...

Тут убил его Мтрехели,
Просадил насквозь из лука.
— Долго ты глодал Ачхвати,
Помышлял глодать без срока?
Нет, Гудушаури, хватит!
Погрызи теперь дорогу.

Повернул назад убийца,
Полетел подобно буре.
По пятам погоня мчится,
Гневу божьему подобна —
Скачут, вскрикивая злобно,
Родичи Гудушаури.

¹ Эристави — феодал, наместник области.

² Хёви, Мохевия — горный район у вершины Казбека по ущелью Терека.

Из книги «Фиалки на горе», подготовленной к изданию Главной редакционной коллегией по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП Грузии.

Церковь! И Мтрехели прямо
К храму в поисках защиты,
Да закрыты двери храма
Богородицы, закрыты!
И к сестре Гудушаури
Бросился тогда убийца:
— Не укроешь ли, сестрица?
Будь защита и ограда.
Свет господней благодати
Да сойдет на душу брата!

— Черный! С памятью о брате —
Да утешу душу брата —
Так и быть, войди под кровлю.
Родичи, не осрамите,
Кос не срезьте, не сроните,
Стены не пятняйте кровью.

Стала женщина к порогу,
Гостя в доме укрывая,
Но стрела нашла дорогу:
В кровле — прорубь дымовая.

Говорят — не знаю, так ли? —
Что скала упала вскоре
Над Ахалцихе. Под склоном
Погребла владельца сакли,
Пренебрегшего законом.

...Матери злосчастной — горе!

* * *

Стол — не стол, пока ширбоко
Не взлетела песня-птица.
Не умеешь пить из рога?
Не годится, не годится...
И девчонка не годится,
Возражающая громко.

Ищущий вола

Слева и справа — горы.
Между других — Святая.
Вол приходит напиться
К берегу быстрых волн.
Красная рыба плещет,
Брызги в реке взметая.
Стукнет хвостом и — красным
Станет пятнистый вол.

Мимо прошел хозяин,
Не убавляя шага.
Рыба — в речных глубинах
Канула, отцвела.
...В дерево бьет рогами,
Громко зовет, бедняга.
Ищут его, однако,
Не узнают вола.

Канет в густом тумане,
Выберется нескоро.
Если опять дорога
Правильно привела, —
Будет стоять и плакать
У своего забора:
Ищет его хозяин —
Не узнает вола!

Фиалки на горе

Как на той горе, на крутой горе —
Синие фиалки в снежном серебре.
Посадил фиалки — розы проросли,
Красоты такой не видали вы.
Да пришли олени. Если бы паслись,
Радости моей не топтали бы!

...Зять и тесть охотились в ясный день.
Опустилась туча — да между них.
Зять стрелу отправил — упал олень.
Тесть стрелу отправил — упал жених.

— Дочь моя, Дареджан, пропал мой зять..
Только ты себя, Дареджан, не губи.

— Ах, отец, зачем ты его убил?
До смерти покоя тебе не знать!
Ах, родимый мой, почтенный мой,
Дай топорик — путь прорублю прямой,
Дай свечу — дороженьку освещу —
Может, каплю алую отыщу...

— По реке пойдешь, вверх и вниз пойдешь —
Там найдешь своего любимого.

...Вверх по речке шла, вниз по речке шла —
Там нашла своего любимого.

Задыхаясь от черной жажды,
Птица очи ему клевала...

— А-кша, ворон безрадостный!
Эти очи я целовала.
Как глядели они однажды!

...Вверх по речке шла, вниз по речке шла —
Там нашла своего любимого.

Задыхаясь от черной жажды,
Птица плечи ему клевала.
— А-кша, ворон безрадостный!
Эти плечи я обнимала.
Обнимала я их однажды!

...Вверх по речке шла, вниз по речке шла —
Там нашла своего любимого.

Задыхаясь от черной жажды,
Птица бедра ему клевала.
— А-кша, ворон безрадостный!
Эти бедра я обмывала.
Обмывала я их однажды!

... Как на той горе, на крутой горе —
Синие фиалки в снежном серебре...

* * *

Мертвые туры, сила какая
Бросила вас со скалы этой темной?
— Юноша, вроде тебя, — неумный —
Тихо подкрался с самого края.

Взмыла стрела — наконечник железный —
Мы позабыли о черной теснине
И, обезумев, взмыли над бездной!
Ворон над нами кружится ныне...

* * *

В море жизни плывем бездумно —
За волною плывем покорно.
Для чего горевать безумно,
Два весла опускать в глубины?
Жребий вынут, гляди спокойно:
Не уйдешь от своей судьбины.

* * *

Выйди, выйди, не поленись,
На вершину взгляни скорей —
Туры замерли на скале
И рогами переплелись!
Даль рассветная широка.
Тур, безумный, пошевелись:
Грянет выстрел — сорвешься вниз
И уронишь свои рога...

* * *

Темень над Саирмэ.
Даль оглашая бром,
Гибель пророчит мне,
Каркает черный ворон.
Жил я и улыбался!
Господи, неужели,
Сброшенный лапой барса,
Сгину в сыром ущелье?

Разве достойно мужа
Заживо гнить у обрыва?
Друг неразлучный, Лурджа¹,
Где твоя синяя грива?

...Слышу храп лошадиный:
Нет, мы вернемся все же
К матери, в дом родимый!
...Если сможешь, боже...

* * *

Улетел любимый сокол,
Я уснул, а сокол — взвился.
Сел на тополе высоком
И туманом заслонился.

Слова, что мучают меня

Слова, что мучают меня,
Произнесу сейчас.
Живите — память о живом —
Умру, не ровен час, —
А кто-нибудь слова мои
Пандури² повторит,
И будет радоваться жизнь.
А я в земле зарыт.

Хотя бы в памяти людей
Хранились имена...
Хотя бы разошлись стихи,
Оставили следы...
Хотя бы не валился дом,
Была верна жена...
Хотя б у гробовой плиты
Да зацвели цветы!

¹ Лурджа — скакун.

² Пандури — трехструнный музыкальный инструмент.

Еще спрошу: умру, и кто
Мою оплачет смерть?
Кто станет долго горевать,
Мучительно скорбеть?
Душа подсказывает мне,
Что будет горевать
Одна-единственная мать,
Родительница-мать,

Конечно, родичи себя
Не станут украшать.
Ну да, загомосит жена,
Свою судьбу кляня.
Но вскоре и она пойдет
Другого утешать.
Всяк утешителя найдет,
Забудет про меня.

Но в этом сердце — не умру.
Родимая в тиши
Меня припомнит много раз,
Совсем лишится сна.
Она злосчастное дитя
Оплачет от души.
...Как забываем матерей,
Что выкормили нас?!

Жалеют матери детей —
Свою родную плоть,
Но забываем матерей,
Уж так заведено...
А не за это ли людей
И покарал господь?
Не потому ли и страдать
До смерти суждено?

* * *

Повстречает молодец смерть —
«Засыпаю», — молодец думает.
Вытечет горячая кровь —
«Пот струится», — молодец думает.
Тряские посылки возьмут —
«Сел в седло высокое», — думает.
Впереди священник идет —
«Вестника отправили», — думает.
В темную могилу кладут —
«То постель прохладная», — думает.
В изголовье камень-валун —
«То подушка женина», — думает.
Засыпают стылой землей —
«Одеяло теплое», — думает.
Муравьи, лягушки придут —
«То жена и детушки», — думает.

Окольцует горло змея —
«Это — руки женские», — думает.
Упадет на мрамор вода —
«Слезы материнские», — думает. ,

Ростом

Возвращается Ростом удалой,
За плечом ночные тени взлетают.
Возвращается из плена домой
Тот, кого убитым считают.
Притомился под ним белый мул —
Едет, юный, по горам от Занёти.
За Аتكвэром—перевалом ему
Вся как есть открылась Сванёти:
Белый месяц на небе светит!
Белый снег — прогоняет тьму!

* * *

Если ты мой друг, значит, другом будь —
Свой подол с твоим поспешу связать.
Если ты мой враг, дай об этом знать:
Встретимся тогда — узок горный путь.

* * *

Между любовью моей и тобой —
Гора, покрытая льдом.
Перевалить хребет голубой
Можно. А что потом?!

* * *

«Ожерелье, — девушка сказала, —
Тонкую цепочку уронила:
По ущелью шла — чулок вязала,
А цепочку вот не сохранила.
Кажется, нашел мою цепочку
Тот, кто ищет белую овечку.
О, пастух, верни отцов подарок —
Да плодится у тебя отара! —
Встретимся потом на тропке горной —
Буду благодарной и покорной...»

* * *

Скорбь в душе — источник боли,
Да глухие камни в поле —
До кончины, до кончины
Не переведутся.

Коль невзлюбишь человека,
Коли он тебя невзлюбит —
Так отыщутся причины,
Не переведутся...

* * *

Валуны на быстрине источило.
Поистоптана дорога в село.
Ожидание вконец истомило,
Истомило молодых, извело.

* * *

Не поддавайся скорби:
Скорбь переломит, сгорбит.
Если ты впрямь умен —
Лучше уйди. И вскоре —
Сам переломишь горе.
Сказано: «Мир — силен».

* * *

Свадьба у Балхамишвіли,
Прямо скажем, — поразила.
Мы три дня врагов рубили,
И была в деснице сила,
А припомню эту свадьбу —
Все бледнеет перед нею:
До чего же трудно было...
В жизни не было труднее!

* * *

Как привел отару
На вершину Бурдо, —
Ветер в грудь толкает,
Возвращает будто.
Бабочка усопших¹
Встретилась у бездны,
Крылышко алено,
Словно платье милой.
Осені, всевышний,
Знаменіем крестным!
Что с моею милой?
Сердце защемило...

Старою старухой
На пороге встречен.
— Как прошли отары
По путям овечьим?
— Овцы слава богу, —
Отвечаю старой. —

¹ Бабочка усопших — буквально: бабочка души.
Горцы верят, что душа умершего превращается в бабочку.

Но откуда слезы?
Что же, в самом деле,
Милая не встретит
Пастуха с отарой?
— В Шавети¹ голубка..
Скоро три недели.

...Бабочку припомнил.
Господи, ужели
Душу погребенной
Повстречал в ущелье?!
— Старая, однако,
Беспощадна старость!
Ты бы отвечала:
«Дома нету». Все же —
Радость ожиданья
У меня б осталась:
Вот сейчас увижу
Ту, что всех дороже...

* * *

Жалею тебя, стрелок,
Застигнутый ночью черной,
Застрявший у Цвётот-дзири.
Как же ты одинок
В этом холодном мире!

...Сиа́та² лежит у ног
Рядом с трубой подзорной.
Копаеть рукой песок,
Готовишь стылое ложе.
Даже поесть не можешь:
Хрустят ледяные зерна —
Не лезет в горло кусок!

* * *

Девушку, пропавшую некогда,
В Гандже³ поискали бы, тут она.
Так откормлена — дальше некуда:
Ем кишмиш. Шелками опутана.

Округлилась я у татарина,
Что Луна в ночи полнолуния.
Утром цепь стальная подарена,
А ночами стража: в полоне я!

Юноши плечистые, статные,
Не жалеите медную денежку,

¹ Шавети — страна мрака, царство смерти.

² Сиа́та — старинное кремневое ружье.

³ Ганджа — город в Азербайджане, нынешний Кировабад

Родичи мои ненаглядные,
Выкупите бедную девушку.

Родичи, увижусь ли с вами я?
Полонянке не до веселия...
Или твоего кукования
Не услышу, птица весенняя?!

Здравица

Многая лета тебе, Амиран!
Да будет тебе дан,
Чтобы жил да не умирал,
Век, что изжил Адам.

Живи! Да так, чтобы ноготь-мал
И тот не болел, не мешал.
Чтобы врага, который напал, —
Выстрел опережал.

Оборони тебя и защиты,
Господи, обереги —
От голодухи, обвала в пути
И разлива реки.

От заимодавцев злых,
От женского языка.
Забудь печали! Живи без них
До той минуты, пока

Я по полям не пройду. Тогда —
Долго ли старику? —
Зайцев я соберу в стада,
Выкупаю, постригу.

Шерстку мягонькую ссучу
Да смотаю в клубок.
Тебе ноговицы свяжу: хочу
Чтобы не стыл, не мок.

Пока ноговицы не довяжу,
Не принесу,
Не покажу —
Дай тебе жизни бог!

Цангала да гогона*

Цангала да гогона,
Далалале цангала...
Виноград принесла она —
Виноградинки не дала!
В церковь ягоды понесла.
Церковь доброй ко мне была:
Помолиться-то не дала —
Щель могильную вырыла.
Мне могила была узка,
Хоть толкали и комкали.
Обломали тогда бока —
Завалили обломками...
Цангала да гогона,
Далалале цангала...
Ну, танцор! На носках летит,
Будто два у него крыла.
Если ногу он повредит,
Виновата будет она...
Цангала да гогона,
Цангала да гогона,
Цангала да гогона,
Далалале цангала...
В город девочка пришла,
Виноград принесла она.
Хоть бы ягодку мне дала! —
В церковь ягоды понесла.
Цангала да гогона,
Далалале цангала...
Ну, ловкач! На носках летит,
Будто два у него крыла.
Если ногу он повредит,
Виновата будет она...
Цангала да гогона!

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

* Грузинская народная песня, сопровождаемая танцем.

ОТКУДА В ГОРОДЕ ЯСТРЕБЬ?

Арчилу Эргемлидзе.

Дыхание моря достигало кофейни. Воздух был тяжелый, соленый и влажный. Я и Ачико сидели за круглым столиком и в ожидании кофе потягивали коньяк из крохотных, с наперсток, рюмочек.

Бармен, армянин-репатриант, четко манипулировал маленькими медными джазве, двигая их на раскаленном песке, — точно музыкант, выстукивающий на доли ритм блюза.

Кофейня, сооруженная из обожженного бамбука под огромной цветущей магнолией, сама похожа была на отдыхающего, который вышел на набережную попить кофе.

Бармен принес джазве и наполнил наши чашки до краев.

Я, не дожидаясь, пока осядет пенка, отпил глоток, глубоко вдыхая пьянящий аромат.

— Ты что, луженый? — спросил меня Ачико, поспешно ставя обратно свою чашку.

— Нигде не варят кофе так, как в Батуми, — помолчав, сказал я с удовлетворением.

— В Сухуми, — заметил Ачико и поднес чашку к губам, но отпить не решился, только жадно вдохнул пар и прикрыл от удовольствия глаза.

Пока Ачико раскачивался, я выпил свой кофе и опрокинул чашку на блюдечко, как обыкновенно делают любители гадания на кофейной гуще.

— Ты умеешь гадать? — поинтересовался Ачико.

— Да так, немножко.

— Кто научил?

— Соседка, Ляля. Она потрясающе гадает. В прошлом году, перед тем как я уехал на рыбалку на Кодори, она мне погадала. Сказала, будь осторожен, тебе встретится змея.

— Естественно, человек, отправившийся рыбачить на реку, может встретить змею, чего там гадать! — засмеялся Ачико.

— Что было, то и рассказываю.

— Ладно, валяй, — махнув рукой, сказал он.

— В первый же раз, как я закинул сеть, выгацил из воды полутораметровую змею...

— Врешь! — прервал он меня.

— Клянусь матерью!

Ачико протяжно свистнул.

— Она мне еще раз гадала...

— И что?

— Вижу, говорит, тебя на чьей-то могиле, ты стоишь на коленях с цветами в руках.

— И что?!

— Наутро умер Гулда.

— Ну да!.. Заливаешь!.. — чашка застыла в руке Ачико.

— Вечером того дня она прибежала ко мне выразить соболезнование... стала извиняться, я, говорит, дура, глупая, такое тебе нагадала... а сама ревет...

— Ерунда, простое совпадение, — сказал Ачико и задумался.

— Возможно. Только с того дня я больше не гадал...

— Ерунда, — повторил Ачико и перевернул свою чашку прямо на столик.

Я не промолвил ни слова и отпил коньяк.

— Ну-ка, загляни в мою чашку, — через некоторое время сказал Ачико и протянул мне свою чашку.

Я взял у него чашку, заглянул. Дно было совершенно закрыто осадком, а на стенках обозначились какие-то причудливые узоры и иероглифы.

— Не умею я гадать, — сказал я, протягивая ему чашку обратно.

— Давай, давай, — подзадорил он.

— Плохая чашка, — сказал я.

— А все же, что ты там видишь? — не отступал он.

— Море. Море вижу и корабль...

— А капитана? — засмеялся он.

— Птицу вижу.

— Может быть, самолет? — снова засмеялся он.

— Настолько я не разбираюсь, — сказал я и вернул чашку.

Кофейня со стороны дороги приличия ради была огорожена неким подобием проволочной изгороди. Вдруг на эту изгородь прилетел воробей.

— Чирик! — возгласил он и оглядел нас обоих с огромнейшим любопытством.

— Ага, твое предсказанье сбылось, птица вот она, че-
ред за капитаном корабля! — начал балагурить Ачиико.

Воробей глядел на нас, глядел, потом взъерошился, рас-
пушил перышки, встряхнулся и вдруг, сорвавшись с изгороди,
прилетел и сел прямо на наш столик.

— Однако, какой нахал, — удивился Ачиико.

Воробей набросился на маленький кусочек хлеба, пытается
ухватить его клювом. Его крохотные лапки и коготки смешно
скользили по пластику стола. Наконец он кое-как ухватил клю-
виком хлеб и улетел снова на изгородь. Оттуда он продолжал
смотреть на нас, не выпуская из клюва своей добычи, затем
раскрыл крылья и куда-то улетел.

— Видал, как он на нас ограбил, этот разбойник? — удив-
ленно глядя на меня, сказал Ачиико.

— Гениально назвали его русские — воробей! — за-
метил я.

— То есть в чем гениальность?

— «Вора бей», понимаешь?

— Да ради бога, это ты сейчас придумал, — пренебре-
жительно сказал Ачиико.

— Не я, русские придумали этой пичуге такое имя.

— Вообще-то верно, название точное, — усмехнувшись,
согласился он. — Гляди-ка, он опять тут как тут! — восклик-
нул Ачиико и подвинул кусочек хлеба на самый край стола.

Воробей на этот раз к хлебу не прикоснулся, сидел себе
на изгороди, склонив головку, и вызывающе глядел на нас.

— Чирик, чирик, — произносил он время от времени и
менял при этом место.

— Могу спорить, что он знает грузинский и подслуши-
вает нас, — серьезно сказал Ачиико.

— Смотри, не ляпни что-нибудь, вдруг он турецкий шпи-
он! — предупредил я Ачиико и от души расхохотался.

— Ты шутишь, а он, гляди, как слушает.

Воробей и вправду вел себя удивительно. Он склонил го-
ловку таким образом, что одно его ушко было обращено к нам.

— Кыш, сплетник этакий! — прикрикнул на него Ачиико
и взмахнул рукой.

Воробей не шелохнулся.

— Ну, господин воробей, чего изволите? — осведомился
тогда Ачиико.

Воробей что-то ему ответил.

— О-о, пожалуйста, сию минуту! — Ачиико засуетился
и поставил на землю свою чашку.

— Чего он хочет? — поинтересовался я.

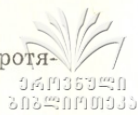
— Кофе, говорит, желаю, небось сами пьете, а я разве не
человек?

Воробей слетел с изгороди на землю и с опаской стал при-
ближаться к чашке.

— Иди, иди, не бойся! — подбодрил его Ачиико.

Воробей заглянул в чашку и принялся клевать кофейный
осадок.

— Но, но, не увлекайся, чего доброго, сердце испор-
тишь, — забеспокоился Ачиико и нагнулся, чтобы поднять чаш-
ку.

Воробей вмиг улетел обратно на изгородь. Ачиико насыпал себе на ладонь хлебные крошки и протянул воробью.

— Закусывайте, сударь!

Воробей после недолгого колебания распустил крылышки и подлетел к руке, но не сел, а начал описывать вокруг нее круги. Видимо, считая, что осторожность не мешает, он несколько раз облетел протянутую ладонь. Ачиико не шевельнулся, и воробей решился: сел ему на ладонь. Но прежде чем начать склевывать крошки, он заглянул в глаза Ачиико.

Невольно и я посмотрел ему в глаза. Они были полны безграничного удовольствия и любви, карие глаза Ачиико. Воробей доверился этим глазам... и спокойно начал клевать крошки с огромной ладони.

Покончив с этим делом, воробей снова уселся на изгороди и вытер клювик о раздувшийся зоб.

Затаив дыхание я наблюдал за этой картиной. Если бы кто-нибудь со стороны видел все, что здесь сейчас происходило, ни за что не поверил бы, что воробей этот не дрессированный и Ачиико не его дрессировщик.

— Ты просто Дуров! — с восторгом сказал я ему.

— Не я Дуров, а он, смотри, что он со мной выделывает, — возразил вошедший в азарт мой приятель и насыпал крошки себе на голову. — Пожалуйте, сударь, угощайтесь! — пригласил он птичку, широко разводя при этом руки.

И вдруг произошло что-то невероятное... невероятное и ужасающее... Огромная крестообразная тень пронеслась над столом и... воробышек исчез! Исчез наш воробей!

— Что случилось? — побледнев, спросил ошеломленный Ачиико.

— Ястреб... — едва ворочая языком, проговорил я.

— Куда делся воробей?! — надтреснутым голосом спросил ошеломленный Ачиико.

Я приподнял плечи и с трудом проглотил слюну.

Он вдруг сорвался с места, как безумный, и подскочил к бармену.

— Помоги!

— В чем дело?!

— Воробей!

— Что за воробей? — обалдел бармен.

— Ястреб, моего воробья унес ястреб!

— Что ты говоришь, слушай, откуда в городе ястреб?! —

взмахнул рукой бармен и вернулся за свою стойку.

Ачиико бросился ко мне.

— Куда делся воробей?!

— Сядь, — попросил я его.

— Куда делся, говорю!!

— Ястреб его унес...

— Как это унес?! Мы сидели втроем, ели, пили, смеялись, а он налетел, утащил — и все, и больше ничего?!

— Полно, Ачиико, — взмолился я.

Ачиико смотрел на меня безумными глазами.

Потом сел, опустил лицо в ладони.

Долго он так сидел.

— Ладно, Ачиго, будет тебе... — я положил руку ему на плечо.

Он стремительно поднялся и ушел прочь.

— Куда ты?

Он не ответил. Ушел, не оглядываясь.

Какое-то время я продолжал сидеть один. Потом ко мне подошел бармен.

— Упился? — спросил он.

— Кто?

— Твой друг.

— Да нет, понимаешь, мы ведь даже и не пили, сидели втроем, вот так: я здесь, он там, а он...

— Кто это «втроем»? — бармен подозрительно поглядел на меня, потом на бутылку, но бутылка была почата всего лишь на два пальца.

— ...воробышек сидел там, на изгороди, и вдруг, этот ястреб...

— Да вы что, спятили оба, откуда в городе ястреб?! — вышел из себя бармен.

— Говорю, ястреб, вот как тебя сейчас вижу...

— С тебя десятка, — холодно прервал он меня.

Я протянул ему десятку и встал.

Когда я вернулся в наш номер, Ачиго лежал навзничь на своей кровати.

Он плакал.

Когда-то давно я, начинающий переводчик, с трепетом и какой-то особой робостью приступила к переводу романа молодого прозаика Нодара Думбадзе «Я вижу солнце». Сегодня, спустя много лет, имея за плечами довольно солидный опыт переводческой работы, взявшись вновь за перевод произведения Нодара Думбадзе, я ощутила все тот же трепет и ту же робость.

Так бывает, когда приближаешься к тому, что волнует тебя, к предмету твоего увлечения, влюбленности. Вероятно, последние слова применительны в данном случае постольку, поскольку предмет такого чувства, такого отношения — литературное произведение, создание духа, сердца и ума автора, то есть нечто живое, одухотворенное.

Говорится в народе: «не место красит человека, а человек место». И хотя первое крупное произведение Нодара Думбадзе — «Я, бабушка, Илико и Илларион» — было опубликовано в журнале «Цискари» не на первых страницах, а ближе к последним, оно просумело сразу же и оповестило общественность о рождении нового несомненного таланта.

Тонкий, блестящий юмор, удивительная лиричность и задушевность, динамичность повествования, предельно простой и одновременно живой и увлекательный сюжет,

яркие, запоминающиеся, глубоко симпатичные образы героев, красочные, зримо выписанные пейзажи, стремительно-напряженные диалоги — все это вместе взятое привлекало и уже не отпускало, в полон брало читателя.

Так и пошло, так и повелось: каждый новый роман Нодара Думбадзе становится у нас явлением. А романов у него не мало: «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Не бойся, мама!», «Белые флаги», «Закон вечности»...

Мне видится некая символика в этой, конечно же, ненамеренной, объективной эволюции названий его произведений: от «Я, бабушка, Илико и Илларион», веющего чем-то полудетски-домашним, свежим, как светлое утро на берегу тихого озера, когда солнце только встает и незаметно тает сиреневатый туман над дальними вершинами, — к «Закону вечности», сурово-гулкому и властно-му, точно звук набата.

Талант Нодара Думбадзе на протяжении прошедших лет входил в силу, становился щедрее, ярче. Ширилась тематика, обретая все большую значимость, шлифовалось профессиональное мастерство.

А когда появились на свет рассказы, мы увидели второе, не менее интересное и характерное лицо Думбадзе-прозанка.

Рассказы рождались один за другим и составили прекрасную книгу — «Десять рассказов», отмеченную глубиной авторской мысли, радующую способностью автора абстрагировать обыденное, жизненно-повседневное в высокие символы бытия, вовлекающую читателя в размышления и раздумье над проблемами, имя которым — вечные.

В рассказах мы вновь узнаем творческий почерк Нодара Думбадзе: незамысловатые ситуации, герои — простые люди, и еще — братья наши меньшие, животные, без которых — и он хорошо это знает! — опустело бы в мире и ущемилось бы, ущербным стало бы сердце человеческое. Не мудрствуя лукаво, безо всякой сентиментальности, без нажима и не без свойственного ему юмора с грустинкой повествует автор о важном, глубинном и порой — трагическом.

В рассказах, как и в романах, обращает на себя внимание живой, динамичный, полный внутреннего действия диалог.

Подлинного художника рождает боль и огонь души, способность обнаженным сердцем прикасаться к окружающему миру, к людям, ко многим скорбям их и недолговечному, хрупкому счастью (ибо длительное счастье переходит незаметно в элементарное благополучие и перестает быть счастьем, которое есть озарение, искромётные сполохи молний, короткое замыкание — в фокусе — всех благостных начал судьбы человеческой), способность понимать — и то, что ведомо художнику, что познано им, и то, что не вышло, не дано ему познать и испытать, — и — дар прорицания.

Не однажды в жизни убеждаешься в справедливости и бесхитростной правде так называемых прописных, даже избитых истин. Как, например: глаза — это зеркало человеческой души. Да, что никуда не спрячешь и что выдает-таки все тайны — это глаза.

Глаза Нодара Думбадзе, отражающие напряженное движение мысли, из глубины которых проглядывает затаенная печаль и которые в один миг умеют заискриться веселыми озоринками смеха, лукавым, добродушным юмором, вернее всех слов говорят о доброте и тепле его души, о том, что человек этот умеет понимать и сострадать, умеет видеть за кадром — в глубине, за первым планом.

Есть писатели, под пером которых все, даже самые радостные явления и события обретают мрачное освещение, есть такие, которые тяготеют к изображению и осмыслению самых тягостных и — что в последнее время стало симптоматичным в мировом масштабе — патологических явлений, ситуаций, героев.

Нодар Думбадзе — один из тех, кто в жизни видит и всегда стремится видеть солнце и хочет, чтобы яркий свет его видели все. Потому, о чем бы он ни писал, основные, определяющие краски его палитры — светлые, теплые.

Однако вернусь к тому, с чего, в сущности, повела речь: к рассказу «Откуда в городе ястреб?». В столь невеликом по объему рассказе, повествующем о событии, казалось бы, вовсе незначительном, меня поразила и привлекла глубокая правда жизни, поднятая до философского обобщения. Это — слово о неожиданности и непостижимости наших привязанностей, о внезапности и лишающей разума непостижимости утрат, потрясающих нас.

Я, разумеется, не намеревалась анализировать творчество Нодара Думбадзе или разбирать отдельные его произведения, или писать его творческий портрет. Отнюдь нет: попросту мне захотелось, воспользовавшись подходящим случаем — публикацией перевода упомянутого выше рассказа, приветствовать моего славного современника и товарища в столь значительный для него день пятидесятилетия, когда талант и труд его удостоились высокой правительственной награды — ордена Октябрьской Революции. И если мне к тому же удалось донести до русского читателя то, что сказал и как сказал он в рассказе «Откуда в городе ястреб?», я буду бесконечно рада и скажу спасибо своему сердцу.

Камилла КОРИНТЭЛИ

ЛИСТЬЯ ПАПОРОТНИКА

Р о м а н

«Здравствуй, Натиа!

Прошло всего несколько дней, как я уехал из Тбилиси, но в моей новой жизни столько событий, что все мое не столь уж далекое прошлое кажется мне просто детской забавой. В дороге не было никаких происшествий, не считая того, что в поезде все спокойно спали, а я всю ночь не сомкнул глаз. Причин тому немало... Но об этом в другой раз.

А теперь я хочу сообщить тебе, что я уже устроился на работу, причем должность у меня не простая — я начальник огромного эксплуатационного участка и получаю такую большую зарплату, что голова кругом идет — целых двести рублей! Причем это основная зарплата. А если я буду умницей и участок будет работать хорошо, как объяснил главный бухгалтер шахты, зарплата моя может утроиться: за счет выполнения плана, за каждую тонну угля сверх плана, за экономию лесоматериала и электроэнергии, за качественный уголь и... Одним словом, если это в самом деле так, то скоро я буду одним из богатых людей города. То-то будет рада моя старая Мелано.

Но... сбудется ли это?

Я не хочу скрывать, Натиа, что на всей земле ты единственный человек, с кем я могу поговорить по душам. И если тебе не лень, послушай мой долгий рассказ.

Вторая часть первой книги печатается с сокращениями. Сокращенный вариант первой части опубликован в №№ 2, 3, 4 журнала «Литературная Грузия» за 1977 год.

В отделе кадров треста меня радушно встретил внешне непривлекательный, но очень добрый и еще более словоохотливый старичок и, если я правильно понял его, сказал, что меня могут назначить на должность начальника участка. Но дал мне понять, что это решает не он, и велел ждать управляющего. Вскоре тот явился. Мой добрый гений молниеносно собрал мои документы и, сияя, скрылся за дверью кабинета управляющего. Я представляю, как он, едва переступив порог, радостно сообщил управляющему, что небеса сжалились над ними, наконец-то им повезло, к ним пришел инженер с красным дипломом. Кому же, как не ему, работать начальником участка (признаться, я даже не помышлял о такой удаче, я был согласен на самую простую должность). Но из кабинета управляющего мой словоохотливый старичок вышел явно обескураженный. Он всучил мне в руку какую-то бумагу и сказал, что меня посылают на вторую шахту в распоряжение местной администрации. И ушел. Он был так растерян и удручен, что даже не попрощался. Я вовсе не был обижен, что не назначают меня начальником участка и что мне предстоит начинать карьеру с более низкой должности. Честно говоря, даже был рад тому. Я не раз слышал, да и на практике сам убедился, какая это трудная и беспокойная должность. И пока шел на вторую шахту, мысленно все взвесил и не раз благодарил в душе дальновидного управляющего, спасшего меня от этой хлопотливой должности.

В кабинете начальника второй шахты я пробыл минуты две, не больше, Высокий, широкоплечий, кряжистый, как дуб, мужчина, всеми уважаемый на шахте Сардион Рачвелишвили оглядел меня с ног до головы, задал несколько вопросов, бросил равнодушный, нет, скорее даже небрежный взгляд на мой красный диплом, нажал на кнопку звонка и, когда вошла в комнату секретарша, велел отпечатать приказ о моем назначении начальником третьего эксплуатационного участка. Это известие явно удивило бледного, болезненного мужчину, который молча сидел в углу кабинета. Ни он, ни я не промолвили ни слова. Минуту спустя я уже сидел в канцелярии и молча наблюдал за тем, как секретарша Маргалита Хецуриани бойко отстукивала на машинке приказ. Одно я все-таки заметил — Маргалита явно спешила отпечатать этот приказ, причем на лице ее я даже читал некоторое злорадство. Почему она так торопилась? Только ли с целью угодить Сардиону? Не думаю... Но тебе, наверное, это не интересно... (И вообще, почему я все это рассказываю тебе, а, Наташ?..)

Так вот, чтоб не очень распространяться... Я утешал себя тем, что начальник шахты наверняка знает, что делает. Я, конечно, плохой психолог, но Сардион Рачвелишвили понравился мне с первого взгляда... Что ж, поживем — увидим... Потом та же Маргалита сопровождала меня в общежитие. Комendant общежития, оказывается, жена моего заместителя. Она пригласила меня к себе, мой будущий заместитель — Антимоз Чахунашвили был дома. Мы вместе отобедали... Выпили... На следующее утро проснулся в таком расположении духа, как, вероятно, Наполеон после Аустерлицкого сражения. Должен признаться, ничто не может сравниться с чувством, которое испытываешь, когда просыпаешься в белоснежной, чистой по-

стели и считаешь, что весь мир — твой. Наполеону принадлежала вся Европа, мне же — третий эксплуатационный участок. Разница, уверяю тебя, весьма незначительна...

Но, говорят, солдаты любили Наполеона, прямо-таки боготворили его, а меня... Нет, я не могу сказать, что рабочие меня ненавидят... Но когда на общем собрании им объявили, что вот я — их новый начальник, они молча, вежливо встали и так же молча вышли из зала. В зале остались только мы с Маргалитой. Потом, когда мы тоже вышли в коридор, там уже не было ни души, все разошлось по домам. На полу валялся растоптанный окурок — и только... Как видишь, ни оваций, ни фанфар, ни знамен и ни криков «ура!»...

Но, кроме шуток, Натиа, я не думаю, что шахтеры примут меня в штыки. Или же, более того, возненавидят меня. Они ведь меня пока совсем не знают, поэтому ни любить, ни ненавидеть меня просто не могут. Дело в том, что до меня начальником участка был некий Джибраил Хелтуплишвили (пока что я его не видел), которого очень любили шахтеры. Это чувствуется буквально на каждом шагу, во всем. За что его сняли, я до сих пор не знаю. Но знаю, что шахтеры отчаянно защищали своего начальника, требовали вернуть его. Но Сардион, по-видимому, упрямый... Вместо опытного Джибраила шахтерам навязали юношу из Тбилиси, который пока что и сам не понимает, чем объяснить такое доверие и уважение.

Видимо, у начальника шахты не было другого выхода. Так что первоочередная моя задача мне ясна и понятна: я должен суметь заменить Джибраила Хелтуплишвили. А это не так уж просто.

Вот, Натиа, все, о чем мне хотелось рассказать. Посмотрим, что принесет мне завтрашний день. Ясно одно: верна поговорка, что у страха глаза велики...»

Если бы даже Теймураз написал это письмо, послать его все равно не смог бы — он не знал адреса Натии. А матери, старой Мелано, он написал такое письмо:

«Здравствуй, мама!

Как ты поживаешь? Сообщаю тебе, что меня встретили здесь замечательно. Устроился хорошо. Подробности сообщу в скором будущем. Передавай привет Мзевинар и детям...

Твой Теймураз».

* * *

— А, вот и вы! Долго же вы заставляете ждать себя! Вы что думаете, я нахожусь на этой должности только лишь для того, чтоб ждать вас? — с такими словами встретил Сардиона Рачвелишвили и Минаго первый секретарь райкома Лонгиноз Пейкришвили. — Вообще-то мне грех жаловаться, работа у меня самая спокойная... И скучать мне не дают. Вот сегодня утром врывается ко мне Чархалашвили, директор консервной фабрики. Горит план, кричит, помоги с железной дорогой, а в сентябре я лицом в грязь не ударю, увидишь... Хорошо... Есть, значит, мне чем заняться. Уладил дело. Только проводил его, звонит Маглаперидзе — вышла из строя большая пила,

посодействуй, уговори министерство, пусть помогут в этом месяце, а уж в сентябре я постараюсь... Опять-таки, как видите, не до скуки... И наконец... являетесь вы. Но, кажется, вам и в сентябре не полегчает, а Сардион, что скажешь?

— А что я могу сказать?

Пейкришвили протянул Сардиону вчетверо сложенный лист бумаги. Сардион узнал заявление Голетиани.

— Тебе знакома эта бумажка?

— Разумеется.

— И что же?

— ?..

— Хм... — Пейкришвили развернул заявление и еще раз пробежал его глазами. — Здесь, признаться, больше говорится о Дамианэ Чкониа. Он тоже должен был прийти. Подождите-ка, кажется, явился, легок на помине...

Открылась дверь, обтянутая черным ледерином, и в самом деле в кабинет заглянул Дамианэ Чкониа.

— Можно?

— Входи, входи, Дамианэ. — Пейкришвили привстал. Чкониа занимал такую должность, что с ним не мешало быть осторожным. Горный надзор административно не подчиняется никому не только в районе, но и в республике.

Сардион и Минаго тоже стоя приветствовали Чкониа.

— Прошу, садитесь. — Пейкришвили сел и снова развернул заявление Голетиани. — Как видите, Дамианэ, пришлось и вас побеспокоить...

— Знаю, знаю... — Дамианэ вытер платком потное лицо. — Когда у вас неполадки, тотчас вспоминаете о Дамианэ Чкониа.

— Разумеется... — согласился Пейкришвили. — Так вот... в райком поступило заявление...

— Можно мне почитать? — Дамианэ протянул к заявлению свою короткую руку.

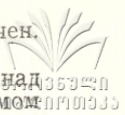
— Конечно!..

Пока Дамианэ читал заявление, все молчали. Только и было слышно, как тикают часы.

Дамианэ наконец прочел заявление и вернул его Лонгинозу.

— Этот Голетиани, видать, человек образованный. Пользуется такими словами, что не каждый сумеет... «В то время, когда наша страна...», «Халатное отношение к делу...», «Советский закон и человек...» Не повьисит ли его в должности, а?

— Ха-ха-ха! — громко засмеялся Лонгиноз, и вслед за ним Сардион и Минаго. Последнему было, конечно, не до смеха. Он уже знал, что после этого совещания Пейкришвили попросит его остаться и, разумеется, спустит с него семь шкур. Но что поделаешь?.. Пейкришвили нажал на кнопку звонка и попросил секретаршу принести минеральной воды. Девушка вскоре вернулась с несколькими бутылками боржома. Пейкришвили разлил по стаканам воду, выпил сам и поставил одну бутылку рядом.

— Голетиани, разумеется, крайне удручен и озабочен.

— Верю, — подтвердил Дамианэ.

Воцарилась тишина. Сардион видел, что Пейкришвили над чем-то раздумывает, что он готовится сказать что-то. И в самом деле, секретарь райкома встал, прошелся по кабинету, снова вернулся к столу. Садясь, многозначительно взглянул на Минаго Чарквиани.

— Секретарь парткома второй шахты, видимо, считает излишним информировать райком о происшествиях на шахте. Ты забыл, мой дорогой Минаго, о своих обязанностях... Ну, об этом после... Мы еще поговорим... А теперь скажи-ка мне, Сардион, о каком Хелтуплишвили идет речь в этом заявлении? — Пейкришвили снова придвинул заявление к Сардиону.

— О Джибраиле Хелтуплишвили, — недоуменно произнес Сардион,

— И что же?

Секретарь райкома напрасно ждал ответа. Все молчали, словно воды в рот набрали.

— Отвечайте же. Это разве не тот самый Джибраил Хелтуплишвили, которого вы больше трех лет возносили до небес? О котором кричали на всю страну? Так тот самый или нет? Или же все эти три года мы обманывали сами себя и оболванивали других?! А этот человек работал из рук вон плохо, немело руководил участком и обманывал нас? Нет, все знают, что работал он на совесть, был примером для других. И мы ценили его. Ни один корреспондент не уезжал из нашего города, не познакомившись с Джибраилом. И такого человека, такого нужного на шахте человека вы снимаете с работы? И я, секретарь райкома, узнаю об этом случайно, из заявления частного лица! Вот какой у нас секретарь парторганизации на второй шахте!

Лонгиноза Пейкришвили нельзя было узнать. Вместо прежнего приветливого собеседника за столом сидел побледневший от гнева человек и нервно потирал руки.

Сардион и Дамианэ понимали, что Пейкришвили не соби-рался говорить с ними в таком тоне. Просто сейчас он не мог сдержаться. Всем было неловко. Дамианэ потому, что с ним всегда и всюду считались и в таком тоне при нем, во всяком случае, до сих пор не разговаривал никто. Сардион чувствовал угрызения совести и не знал, куда девать глаза — ведь как раз Минаго тут совсем ни при чем. К тому же Сардион понимал, что Пейкришвили разгневан вовсе не потому, что его вовремя не известили о случившемся. Сам старый шахтер, он отлично понимал, чем грозит шахте увольнение такого опытного человека, как Джибраил, и назначение на его место совсем неопытного инженера. А вторая шахта — самая большая, и от того, как она работала, зависела судьба не только треста, но и города и района в целом. И еще Сардион понимал, что гнев Пейкришвили вызван скорее поведением Дамианэ Чкониа.

Неловкость ситуации почувствовал, видимо, и сам Лонгиноз. Более того, в глубине души он даже был на стороне Сардиона и Минаго. Что они могли поделать? Закон на стороне

Дамианэ Чкониа. Лонгиноз Пейкришвили знает это... Но как, как теперь можно помочь им? Почему молчат Сардион и Минаго?

Лонгиноз встал, закурил и снова прошелся по кабинету. В это время открылась дверь и появилась секретарша.

— Пришел тот самый человек, батона Лонгиноз...

— Кто?

— Тот самый, с больной ногой...

— И что же?

— Ну прямо жизни от него нет, хочешь не хочешь, а подавай ему ответ на его заявление.

Лонгиноз улыбнулся. Не смогли сдержать улыбки и другие.

— Пригласи. Пусть входит.

Спустя минуту вошел в кабинет Голетиани, остановился перед окном, молча кивнул всем. Неловко потоптавшись на месте, он, не поднимая головы, произнес:

— Я пришел за ответом...

— Вот мы для этого и собрались здесь. Можете присутствовать при нашем разговоре. Тайны из него мы не делаем.

— Нет, мне вовсе не обязательно присутствовать. Правительство доверило вам такие посты, и, я думаю, вы не пожалете сил, конечно... Но войдите в мое положение, Сардион, дорогой, я не делал тайны из своего заявления, я ничего не скрыл от тебя... Я измучен... Не только я, вся моя семья. Все отвернулись от нас, все сделались моими кровными врагами. Но ведь нет моей вины... Всю свою жизнь, сколько помню себя, я работал для народа, для правительства и партии...

— Мы все, все понимаем, — прервал его с улыбкой Лонгиноз Пейкришвили. — Мы постараемся все устроить... Вы идите отдыхайте, будьте уверены, все уладится... Мы всей душой желаем...

— Мало только желать... Разве этим делу поможешь?.. Если... Одним словом... Так, значит... Очень многое зависит от Дамианэ Чкониа, и я от имени всех наших шахтеров прошу, как только можно... Помогите нам... Я думаю...

— Конечно, конечно, — ответил вместо Дамианэ Пейкришвили. — Мы сделаем все возможное, уверяю тебя.

— Ну, спасибо на добром слове. Что ж, я пошел...

Голетиани вытер платком потное лицо, взял свой костыль и не спеша вышел из кабинета.

Лонгиноз подошел к двери, повернул ключ.

Все поняли, что главный разговор начинается сейчас. Сардион и Дамианэ невольно вытянулись, Минаго нервно комкал какую-то бумажку, глядя в одну точку.

Лонгиноз сел. После недолгого молчания начал:

— Не понимайте мои слова так, будто я вмешиваюсь в дела шахты. Должность начальника участка — не номенклатура райкома, это дело только начальника шахты. Но то, что произошло в эти дни на вашей шахте... в самом деле выходит за рамки только этой шахты, и потому, дорогие мои товарищи, позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу. Итак, освобожден от работы Джибраил Хелту-

плишевили и на его место назначен другой — кто бы он ни был, я пока не об этом говорю. Это не значит вовсе, что просто сняли с работы одного и на его место назначили другого. Увольнение Хелтуплишвили — это огромная травма прежде всего для всего коллектива участка. Это значит, что поставлен под вопрос успех не только участка, но и всей шахты, и если хотите знать, даже всего треста... Между прочим, я попросил прийти и начальника треста, но он почему-то запаздывает... Я уже говорил вам, что ни один корреспондент не уезжал отсюда без материала о Джибраиле, его успехах. Те же корреспонденты приедут сюда и завтра, разумеется, заинтересуются, как дела у нашего прославленного шахтера?... Что мы ответим? Я не знаю, товарищи, не знаю... Вот я и собрал вас всех здесь, чтоб поговорить... Приблизительно я теперь уже догадываюсь, как развивались события... Благодаря вот этому самому заявлению. Если у тебя, Сардион, есть что сказать, говори, я слушаю тебя...

— Что тут говорить?..

— Твоя воля. А вы, Дамианэ?

— Хм! — Дамианэ вздохнул, покачал головой. — Мне нечего добавить. Вообще-то, откровенно говоря, вопрос увольнения Джибраила зависел только от Сардиона, только от него...

— Бедный Сардион... — махнул печально рукой Сардион.

— Подожди-ка...

— Да я...

— Нет уж, выслушай! Нас собрали здесь для откровенного разговора. Забыл, ведь я тебя еще три года назад предупреждал, чтоб Джибраил непременно позаботился о дипломе. Говорил? Предупреждал? Нет так ли?

— Да ведь я не пеку дипломов.

— Ага! Не печешь... А что делать Дамианэ Чкониа? Отвечать вместо тебя? Извините! Я дал вам возможность исправить полсжение, у вас было целых три года! Три! Сколькие за эти три года поступили в техникумы, на заочные отделения институтов... Вы же... Что я мог поделывать? А у нас законы строги — человеку без специального образования мы не можем доверить судьбу шахтеров. Пятый параграф — читайте! Пятый!

— Знаем... Читали...

— Значит, плохо читали...

— Я уже сказал, что не пеку дипломов. А Джибраил не мог поступить в институт, у него нет даже аттестата.

— Тем более! Тем более! — Дамианэ широко развел руками.

— Нет даже среднего образования? — удивленно вскинул глаза секретарь райкома.

— Нет! — Дамианэ так разошелся, что не мог остановиться. — Нет, им знания не нужны! Образование не нужно! Они, видите ли, практики! Им доверяют шахтеры! А ты, Дамианэ Чкониа, стой и считай, скольким шахтерам пообломают шеи эти практики...

— Голетиани никто шею не ломал. Он сам во всем виноват...

— Это меня не касается!.. Государство выдает мне зарплату за то, чтоб я следил, как исполняются законы, и это я, уверяю вас, исполняю честно и добросовестно. И если я иногда намеренно закрываю глаза на что-то, это вовсе не значит, что так будет продолжаться бесконечно. Я тебя еще три года тому назад предупреждал, Сардион! Скажи, что это не так?..

— Хотя бы среднюю школу окончил, что ли. — Лонгиноз Пейкришвили был явно озадачен.

Сардион тяжело вздохнул.

— Три года! Этого мало?! Скажите, мало!.. Нет, им, видимо, подавай все тридцать три года!

— Успокойтесь, Дамианэ, прошу вас.

— Я спокоен. Свой долг я выполнил.

— Да, но...

— Что?..

— С тем самым пятым параграфом я тоже знаком... — Лонгиноз пытался говорить как можно спокойнее. — И я его знаю... Но... Он говорит о том, что надо заботиться о безопасности шахтеров, не так ли? Этот параграф запрещает нам отдавать судьбу шахтеров в руки случайных людей. Не так ли? Что же случилось в данном случае?

— Что?! — рука Дамианэ застыла на лысом затылке.

— А то, что Сардион был вынужден поручить участок молодому, неопытному инженеру.

— Извините! Извините! Инженер, инженер с дипломом — случайный человек?!

— Нет, я не говорил этого. Но... Вы отлично знаете, что молодой, только сегодня прибывший из столицы инженер должен пока познакомиться с людьми, изучить местные условия труда, пройти так называемую горную акклиматизацию и потом...

— Кто же заставлял вас назначать неопытного человека начальником участка? Я вам этого не говорил.

— Вот в этом заявлении написано, что Сардион Рачвелишвили начальником участка назначил человека, который только минуту назад сошел с поезда.

— Меня это не касается.

— Да, это так, Дамианэ.

— Меня это не касается, повторяю!

— Хм...

— У этого парня, — Сардион потер лицо руками, — у этого парня диплом инженера уже был в кармане, когда он сел в поезд.

— Сардион, ты еще можешь шутить?

— Я говорю правду.

— У него диплом с отличием... — выдавил из себя Минаго

— Ты помолчи! — Лонгиноз резко обернулся к Минаго. — Тебе следует молчать!..

— Погодите! Погодите! — пунцовый Дамианэ вскочил с места и нервно стал мерить кабинет шагами. — Что же выходит?! Если у него есть диплом, то какой же это ребенок? А

если он ребенок, почему назначали именно его? Неужто у нас в тресте не было инженеров?

— Трест мне не подчиняется. А на шахте у каждого инженера свое дело. Без дела никто не слоняется.

— Значит, пусть участком руководит ребенок?

— Ты ведь сам только что сказал, что если он уже инженер, то какой же это ребенок?

— Ловишь меня на слове?

— Нет, доверяю документам. В том красном дипломе написано, что предьявитель его — инженер. Пятый параграф же гласит, что в шахте на ответственные должности должны назначаться только инженеры и техники. Чего же вы хотите?

— Я — ничего... — Дамианэ спрятал платок в карман, — только запомни, Сардион, если на этом участке...

— Извините, извините... — прервал Дамианэ Лонгиноз Пейкришвили, — извините, что прерываю вас, но... Чего вы теперь хотите от Сардиона? В законе написано — инженер... Он и назначил инженера. Теперь с него спроса нет.

— Не знаю, право, — развел руками Сардион. — В законе не написано, чтоб это был непременно опытный инженер. Теперь... теперь, с этим участком что бы ни случилось, я умываю руки. Так-то!..

— Вы правы, — подтвердил Пейкришвили.

— Хм! — Дамианэ не находил нужных слов. — Хм!.. Лонгиноз налил себе боржому, выпил.

— Мы здесь собрались не для того, чтоб состязаться друг с другом в знании параграфов. Мы же не дети, в конце концов... Народ, партия, государство доверили нам такое дело!.. Неужели мы, столько пережив, столько добившись, не сможем сохранить достигнутого. Прошу правильно понять меня... Я, разумеется, вовсе не собираюсь учить вас... Но... Если мы... Если горный надзор будет смотреть на жизнь только через параграфы, если начальство шахты будет вершить дела только лишь формально, мы-то знаем, что из этого может получиться!.. Скажите, зачем, ради чего так поступать? Этот налаженный участок, шахта, трест, в конце концов...

— Извините! Нет уж, извините, что прерываю... Но кто велел руководству шахты, или кто просил его, или же кто дал ему права решать дела формально? Кто? Я? Горный инспектор? Дамианэ Чкониа?

— Вы меня не так поняли.

— Знаешь что, Дамианэ! Садись-ка ты на мое место, и я посмотрю, как ты будешь решать дела не формально!

— Сидел! Я уже сидел на твоём месте. Работал я начальником шахты.

— И ни один практик не был у тебя на ответственной должности?

— Практик?

— Ну что, не был?

— То было другое время! Тогда в Грузии десять инженеров с трудом можно было насчитать. Сравнил тоже! Раньше и теперь!..

— Конечно, ты всегда оправдаешься! — махнул рукой Сардион и отвернулся от Дамианэ.

— Успокойтесь, успокойтесь, товарищи! Мы собрались здесь не для того, чтоб спорить и обвинять друг друга. Надо трезвее смотреть на вещи... Мне кажется, нетрудно понять, что поведение Сардиона, я имею в виду его скоропалительное решение назначить новоиспеченного инженера начальником участка, продиктовано не разумом, нет, а скорее гневом. Я не хочу вовсе сказать, что он сделал это назло кому-то, но...

— Пстой, пстой-ка! — не утерпел теперь уже Сардион.
— Вот вы, вот вам моя шахта и вот вам тамошние инженеры и техники... Вы...

— Дай сказать, Сардион!

— Нет уж, выслушайте меня. Повторяю... вот вам все тамошние инженеры, и если вы найдете человека, которого можно перевести с одного места на другое так, чтоб не пострадало дело, пожалуйста... Я готов дать голову на отсечение! Не мог я поступить иначе, не мог, поймите вы все, наконец!

После этих слов Сардиона все долго молчали. Было ясно, что Сардион поступил правильно. Что оставалось ему делать? К тому же и Лонгиноз, и Дамианэ хорошо знали Сардиона. Коли назначил он молодого специалиста, то не упустит его из своего поля зрения, поможет когда надо, одним словом, будет всегда рядом! Не одного он вывел в люди, обучил шахтерскому делу. Но все-таки есть опасения, есть...

— Где же Акакий? — Лонгиноз вздохнул и взялся за телефонную трубку. — Может, он примирит нас?..

Секретарь райкома звонил напрасно. В кабинете управляющего трестом никто не снимал трубки.

— Нет его. — Лонгиноз снова тяжело вздохнул. — Потом будет говорить, что у него были неотложные дела... Что подлаешь?.. — Лонгиноз отодвинул в сторону бутылку с минеральной водой и в задумчивости провел рукой по зеленому сукну стола. — Что будем делать, товарищи?

— О восстановлении Хелтуплишвили не может быть и речи, — резко бросил Дамианэ.

— Хорошо. Понятно. А еще?

— На участке уже есть новый начальник... — пожал плечами Сардион.

— Тебе будет трудно, Сардион, — покачал головой Пейкришвили.

— Знаю, Знаю также и то, что мне никто не поможет...

— Да успокойся ты... Не поддавайся настроению... И потом, кого ты винишь во всем этом?..

— Никого...

— И правильно. Ты и сам отлично понимаешь, что...
Кстати, кто у твоего новоиспеченного начальника заместителем?

— Тот, кто был при Джибраиле.

— Антимоз Чахунашвили... — подал голос Минаго.

— Хм! Знаю... Хм! Можем мы сделать одно дело? — Пейкришвили бросил на Дамианэ косой взгляд. Тот этого не заметил.

— Что именно? — заинтересовался Сардион.

— Назначить заместителем Джибраила, а? — Пейкришвили снова бросил взгляд на Дамианэ.

— Эх! — Сардион махнул рукой.

— Что?

— Да об этом не может быть и речи. Чахунашвили скорее умрет, но не уйдет со своей должности! К тому же... Хочет ли этого Джибраил... Не знаю... Не знаю...

— Нет! — вмешался в разговор Дамианэ. — Это невозможно! И заместителю необходим диплом. — Он встал.

Было ясно, что сегодняшнее собрание не даст никакого результата. Не имело смысла продолжать разговор. Пейкришвили тоже встал, механически снова переставил бутылку и многозначительно посмотрел на Сардиона, мол, пока ничем помочь не могу. Сардион понимающе кивнул, потом грузно направился к двери.

— Мне остаться? — тихо спросил Минаго.

Пейкришвили только махнул рукой. Минаго понял, что может следовать за Сардионом.

— Ты чего молчишь, Минаго?

— Эх!..

— Не бойся. Бог милостив. Все устроится. Слышал небось, волны приходят и уходят, а песок остается.

— Слышал.

— Так оно и будет...

Сардион сидит за рулем своей «Волги» и не спеша ведет машину по серпантину горной дороги. На спидометре — не более тридцати километров. Куда ему спешить?! Сардион бросил взгляд на Минаго. Тот сидел совершенно отрешенный, бессмысленно уставясь в ветровое стекло. Да, Сардион многим обязан этому молчаливому человеку. Вот хотя бы недавние события... Всего несколько дней назад Минаго поддержал Сардиона на собрании, и вот теперь ему досталось из-за этого от секретаря райкома...

— Ты что молчишь, Минаго? — снова обращается к нему Сардион. — Слушай, а не заехать ли нам по дороге куда-нибудь? Хахиашвили наемдни говорил мне, что ему завезли отличное «Оджалеси»¹.

— Эх! — вздохнул Минаго.

Нет, не до веселья сейчас Минаго, да и вообще-то он не любитель выпить... А сегодня тем более: Минаго самолюбив и болезненно переживает происшедшее.

Признаться, и самому Сардиону сейчас не сладко. В самом деле, никогда не знаешь, что ждет тебя завтра. Жизнь человека похожа вот на эту извилистую дорогу. Несешься по шоссе, глядишь вдаль, и кажется — весь мир видится тебе как на ладони. А свернешь — и тут же можешь врезаться в скалу. Ты только крепче вцепись в руль, смотри во все глаза и каждую минуту жди подвоха. Много на свете дорог, по которым поедешь в одну сторону, но в обратную сторону пути не отыщешь....

— Так-то!..

¹ Сорт вина.

Всего десять-двенадцать дней назад Сардион был счастливейшим человеком, спокойным и уверенным в себе. Многие завидовали ему и его Теолинэ. И в самом деле. Благодатная у него судьба. Единственный сын давно уже живет в Тбилиси — Джемлет окончил Тбилисский университет и работает в Институте истории грузинской литературы. Женится. Скоро у него и Зейнаб будет ребенок. Теолинэ довольна невесткой. Умная, работящая, о благе семьи печется. Это — что касается дел на тбилисском фронте. А здесь? И здесь ему грех жаловаться. Шахта работает как хорошо налаженный часовой механизм. Вот уже четвертый год над его шахтой гордо сияет алая звезда. Будущее его светло. Еще три года работы, и можно подумать об уходе на заслуженную пенсию. Спокойная старость, внуки, почет и уважение шахтеров. Все это было. В самом деле было. И вот в одну неделю все смешалось. Небо, вчера еще ясное, светлое, заволочло тучами...

— Минаго, чего ты молчишь?

— Не знаю... Думаю, Эрастович.

— О чем?

— Не знаю.

— Должен знать! Человек всегда должен знать, о чем он думает, понял?

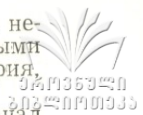
— Понял, Эрастович.

— Так-то...

Да, удивительная у Сардиона судьба!.. Сын простых, бедных крестьян, а гляди-ка — начальник такой шахты! Есть о чем вспоминать ему с радостью и гордостью. Он знал, что значит быть известным, испытал уважение и любовь друзей, похвалу начальства, верность жены, тепло домашнего очага... Многое он может вспомнить... Но разум человека устроен так, что едва поскользнется человек, как одолевают его черные думы и вспоминаются ему только лишь мрачные и неприятные случаи из жизни. Иногда в закоулках памяти всплывает такое, что казалось уже давно и навсегда позабытым. И опять-таки — неприятное. словно вовсе не было в жизни приятных воспоминаний.

В молодости Сардион Рачвелишвили буквально боготворил своего первого учителя, начальника шахты Гервасия Алхандзе. Тогда, восемнадцатилетнему парнишке, слушателю горных курсов, именно этот мужественный человек протянул руку помощи, помог преодолеть страх перед зияющей пастью подземелья. Именно он помог Сардиону стать настоящим шахтером, не сворачивать с избранного пути, какие бы трудности ни поджидали его. Если бы не Гервасий Алхандзе, могло случиться, что и Сардион оставил бы шахту, как сделали это некоторые его товарищи.

Восемь или десять лет спустя, когда Сардион считался уже опытным, авторитетным инженером, его решили назначить начальником одной из старых, отсталых шахт. Вопрос решался в Тбилиси, в республиканском управлении. Много было тогда сказано лестных слов в адрес Сардиона. Все сходились во мнении, что если кто-то выведет эту шахту из застоя, то только Сардион Рачвелишвили. И когда вопрос был почти ре-

шен, слова попросил инспектор отдела кадров управления, некий Гуджу Чикаберия, невзрачного вида человек, с недобрыми зелеными глазами. Скольким и ненадежным слыл Чикаберия, его не любили и сторонились.

— Я слушал выступающих здесь товарищей, — начал Чикаберия, — и должен сказать, крайне удивлен. Вот все хвалят товарища Рачвелишвили, предлагают его кандидатуру в начальники шахты... А мы знаем, что товарищ Рачвелишвили был дружен с известным всем нам врагом народа Апхаидзе, к счастью, разоблаченным. Я просил бы всех еще раз пересмотреть кандидатуру товарища Рачвелишвили.

Чикаберия сел.

В огромном кабинете управляющего воцарилась тишина тяжелая, неловкая. За длинным столом сидели умудренные жизненным опытом горняки, не смея взглянуть друг другу в глаза. Никто не решался спорить с Чикаберия. Молчали седоголовые шахтеры, тупо уставясь в какие-то бумаги, лежащие на столе.

Наконец начальник управления спросил, кашлянув:

— Какое вы вносите предложение, товарищ Чикаберия?

— Мое предложение такое, — тотчас отозвался Чикаберия. — Воздержаться поначалу от строгих санкций. Мы умеем проявлять великодушие. А товарища Рачвелишвили назначить на должность заместителя начальника шахты.

И на сей раз никто не посмел вступить в спор с Чикаберия. На том и порешили. Сардион был назначен заместителем начальника шахты, но фактически выполнял всю работу: начальник шахты больше напирал на вино и водку. Полтора года спустя Чикаберия перевели куда-то, и управляющий в тот же день назначил Сардиона начальником шахты, расцеловал его и просил простить, что в тот роковой день он не смог защитить его.

Стоило ли вспоминать сейчас об этом? Что общего между событиями сегодняшних дней и теми давними событиями? Но вот так странно устроен человек, что порой вспоминается ему самое несуразное.

— Минаго!

— Да?

— Ты помнишь Гервасия Апхаидзе?

— Нет...

— Большой был человек.

— Да, я слышал...

...Тогда Сардион глубоко захоронил в себе боль... И все-таки не свернул с пути, избранного им вместе с Гервасием Апхаидзе. Поступил на заочное отделение политехнического института. Закончил его. Причем, не оставляя работы на шахте ни на день. Ничего не забыл из того, чему обучал его Гервасий Апхаидзе. Ни разу не начинал дело, не посоветовавшись с опытными мастерами. Никогда не суетился, не торопил события, не рубил с плеча. Твердо придерживался поговорки: семь раз отмерь, один раз отрежь. И был непреклонен. Принимая какое-либо решение, уже не отступал. И что скрывать, судьба была милостива к нему. Ни разу не подвела. А это редко слу-

чается в жизни шахтера. Его так скоро заметили и выдвинули, что он и опомниться не успел. В тридцать пять лет он уже руководил шахтой. Потом его перевели на другую шахту — необходимо было и ее выводить в ряды передовых. И так уже по-прежнему, переводили его в отстававшую шахту, а спустя какое-то время она оказывалась в числе лучших. Когда он женился на Теолинэ, грудь его уже украшал орден Красного Знамени. Четыре года работал в Тбилиси, в республиканском управлении. После окончания войны к нему снова обратились с просьбой помочь в восстановлении шахты. Согласился он. И с тех пор не покинул город шахтеров. Последние шесть лет руководит второй шахтой, одной из лучших в республике. И надо же, чтоб сейчас, именно сейчас случилось подобное.

— Минаго, ты ничего не придумал?

— Ничего, Эрастович.

— Плохо, плохо...

Вообще-то Лонгиноз Пейкришвили был во многом прав. Впервые в своей жизни Сардион безотчетно отдался чувству, не обдумал все как следует. Нет, ему это непростительно... Не должен был он так поступать... Хотя, с другой стороны, был ли у него другой выход из создавшегося положения? Что еще можно было предпринять? Конечно же, назначая совершенно неопытного инженера начальником участка, Сардион рисковал. Как правило, молодой инженер начинал с того, что работал на менее ответственном участке, привыкал к шахте, к людям, к шахтерскому быту. И все равно, даже если молодой инженер проработал год, шахтеры ворчат, когда его назначают начальником участка. И не без причин: уж очень трудная и сложная эта работа, быть начальником участка. Редко кто из молодых не ошибается. Обычно первые месяцы не обходятся без аварий. Затем, спустя шесть, восемь месяцев, чаще всего год — все налаживается. И попробуй тогда рискованно сказать шахтерам, что их начальника переводят на новую должность. Теперь они уже и не помнят, что принимали его некогда в штыки. Теперь шахтеры горой стоят за своего начальника и легко его не отпускают.

Так-то.

Однако здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Нередко молодому инженеру помогает в изучении дела его предшественник — практик, не имеющий диплома, тот, чье место занял человек с дипломом. Обычно все решается безболезненно и бесконфликтно. Каждый практик знает, что если он не будет учиться, то рано или поздно место его займет человек с дипломом. В такое время практик обычно переходит на должность заместителя, помогает молодому, неопытному еще инженеру, когда же новый начальник узнает все секреты работы, поднаореет в своем деле, заместитель волен поступать как ему захочется.

Но теперь, в случае с Джибраилом и Теймуразом, столь обычное решение дела совершенно исключено. Прав был Лонгиноз, предлагая Джибраила на должность заместителя. И Сардион, признаваясь, втайне мечтал об этом. Правда, Дамианэ и тут не мог не вмешаться, мол, диплом нужен и заместителю,

но все это ничего. Дамианэ можно уговорить. Он три года терпел Джибраила в роли начальника участка, потерпит его год на должности заместителя. В конце концов, он может даже поехать в Тбилиси, в Москву, жаловаться. Пока придет решение Арджеванидзе уже будет знать шахту, свой участок, людей, с которыми ему предстоит работать не один год... Но... В том-то и беда, что решить этот вопрос не так-то просто. Во-первых, прежде всего здесь столкнутся интересы руководства шахты и Антимоза Чахунашвили. Ну скажите, может ли Сардион доверить такому шахтеру, как Антимоз, судьбу молодого инженера? Нет, это значит наверняка погубить дело. Но ведь невозможно вот так, мановением руки снять с работы Антимоза. К чему придерешься? Тут надо менять законы, закостенелые, тормозящие дело. Следуя закону, они вынуждены Джибраила, шахтера, о котором может только мечтать любой руководитель, снять с работы, нет у него диплома, Антимоз же, никудышный работник, находится под защитой этого закона, его не тронешь — у него в кармане диплом! А ты, Сардион Рачвелишвили, попробуй работай, руководствуясь такими вот законами, и выдавай на-гора уголь. Каково, а?

— А что я могу сказать?

— Эх, Минаго, Минаго... Разве можно так падать духом? А я-то думал: вот заговорит мой секретарь парторганизации, все станет ясно, все встанет на свое место. А ты-то?.. Да перестань ты хмуриться!.. Бывали дни и потруднее, да как видишь — выстояли.

— Прав ты, Сардион Эрастович...

— А теперь ты мне вот что скажи. Как там твои соседи?

— Какие соседи?

— Ну Джибраил с семьей! Вы ведь в одном доме живете?

— Да я не знаю, право.

— Ирине, небось, разъярена, как тигрица...

— Что ж, это понятно.

— И в самом деле... Могла ли она представить, что все так обернется? Ты в самом деле ничего не знаешь о них?

— А что?

— Ничего не понимаю... Что происходит с тобой, Минаго?! Такого парня обидели... Мы ведь все отлично знаем, что рубли с плеча. А ты, секретарь парторганизации, ни разу не побывал у него, не поинтересовался, как он, может, ему помощь нужна, вдруг он и в самом деле подумывает черт знает о чем?.. О самоубийстве, например...

— Скажешь, тоже...

— Я не шучу вовсе. Вообще-то, конечно, убиваться не из-за чего, но... Повидал бы ты все-таки его, поговорил... В этом деле, дорогой мой человек, все мы виноваты. И каждый должен попытаться загладить свою вину.

— Прав ты, Эрастович... Сегодня же зайду к ним.

— И правильно сделаешь...

Итак, Минаго сегодня повидается с Джибраилом, и завтра Сардион, наверное, будет знать, может ли он на что-то на-

деться. Джибраил сам парень не злой, добрый по натуре. Сардион это хорошо знает. Если надо, если есть в этом необходимость, Джибраил всегда пойдет навстречу шахтерам, своим товарищам... Но Иринэ? Как на это посмотрит Иринэ? Каково ей в своей гордыне?!

— Куда тебя отвезти, Минаго?

— На шахту.

— И мне туда же. Хочу побродить с молодым инженером по третьему участку. Так или иначе, ему быть начальником третьего участка...

Сардион расстался с Минаго во дворе шахты. У Минаго были дела в механическом, он и направился туда, а Сардион поднялся к себе в кабинет и позвонил в дежурку третьего участка.

— Слушаю! — услышал он в телефонной трубке ленивый басок Антимоза Чахунашвили.

— Где ваш новый начальник?

— Только поднялся из шахты, сейчас в душевой.

— Что, он один обходил участок?

— Нет, с начальником первой смены.

— А почему ты сам не пошел с ним?

— Мне надо было к плановикам, да потом я подумал, что и Чичико справится с этим.

— А как там ребята?

— Как вам сказать... Как будто все в порядке, все вышли на работу вовремя. Наш новый начальник получил в наследство такой участок, что еще долго может жить спокойно...

— Хм... Слушай, Антимоз!

— Да?

— Передай Арджеванидзе, пусть дожидается меня, я скоро спущусь.

— Хорошо.

Сардион подошел к шкафу, вытащил старую брезентовую спецовку, стал не спеша одеваться. Он решил обойти участок с новым начальником Теймуразом Арджеванидзе, чтоб, как говорится, «проверить его на месте». Но оказывается, Арджеванидзе уже успел побывать в шахте. Что ж, тем лучше. Посмотрим, как воспримет этот тбилисец весть о том, что, едва поднявшись из шахты и отдышавшись, он должен снова облачиться в грязную спецовку и спуститься в подземелье.

В дежурке никого не было, кроме Теймураза и Антимоза. Теймураз выглядел усталым, хотя по внешнему виду его можно было сразу заключить, что он в самом деле только недавно вышел из душевой. Он еще не успел расчесать влажные волосы и даже на бровях блестели капельки воды.

— Приветствую молодого начальника! — Сардион протянул Теймуразу руку. — Как поживаешь?

— Благодарю вас, — чуть смущаясь, ответил Теймураз, почему-то оглядываясь на Антимоза и поправляя ворот рубашки.

— Я слышал, ты уже побывал на участке...

— Только в нижнем забое.

— Понравилось?

Теймураз улыбнулся, пожал плечами.

— Понравилось бы. Это не плохой забой. Устал?

— Ничуть...

— Тогда давай пройдемся еще раз по шахте, а?

— Я только переоденусь... — И Теймураз бросился к гардеробу.

— Что скажешь, Антимоз? — Сардион сел за маленький стол, закурил.

Антимоз улыбнулся, развел руками.

— Вы начальник шахты, вам виднее... Вот только очень уж молод. А так, видать, толковый парень... И потом, мы рядом, поможем если что...

— Говоришь, толковый?.. Что ж, посмотрим. А ты чего вырядился?

— Я тоже спущусь с вами.

— Э, нет, кто-то должен остаться наверху. Можешь пойти в диспетчерскую, если будут спрашивать меня, мы в западном крыле, туда и позвонишь...

— Хорошо.

Сардион и Теймураз спустились в клетки в шахту и пошли по главному штреку. Свод его подпирали толстые влажные рудстойки. Через каждые двадцать метров горели светильники дневного света, но они не сразу справились с царившим здесь мраком. В нескольких шагах трудно было узнать встречного, тем более что все были в одинаковых спецовках, резиновых сапогах и касках. По правую сторону штрека тянулась узкоколейка.

Первая смена была подготовительной, потому шахтеры попадались по пути не часто. У второго или третьего поворота штрека стоял длинный строй вагонеток.

В самом начале его, возле электровоза, копошился кто-то, прилаживая друг к другу какие-то железки. Молодой машинист преспокойно сидел на своем месте и, ухмыляясь, наблюдал за работой шахтера.

— Что случилось? — Сардион осветил лампой шахтера. Тот бросил в сторону железяку, выпрямился, снял с головы каску и поправил рукой густую прядь волос. В слабом свете фонаря Теймураз увидел, что перед ним женщина...

— Здравствуй, Циросани, — бросил Сардион машинисту и тотчас снова повернулся к девушке. — Ну что, Гогола, помочь тебе?

— Да нет, справлюсь сама! — Гогола Хомасуридзе исподлобья оглядела Теймураза и чуть заметно покраснела.

— А ты чего расселся, не можешь помочь! — прикрикнул на машиниста Сардион.

— Пожалуйста, да разве мне трудно, — машинист мигом соскочил со своего места.

Сардион и Теймураз пошли дальше.

— Много женщин на шахте? — спросил Теймураз.

— Да нет, сейчас гораздо меньше, а вот прежде, особенно в годы войны, женщины здесь работали всюду.

Они молча прошли по главному штреку еще около трехсот шагов. Каждый думал о своем. Признаться, Теймураз в эту минуту больше думал о Натии, нежели о забоях и штреках. Возможно, причиной тому была встреча с Гоголой, кто знает, Теймураз следовал за молчавшим Сардионом, который, видимо, тоже думал о чем-то своем. Оба невольно вздрогнули, когда неожиданно из глубины штрека донеслась до них громкая ругань. Судя по голосу, ругался кто-то молодой и довольно поднаторевший в этом деле. Тут же следом за руганью послышался смех. Кто-то смеялся громко, заливисто, от всей души. Подойдя поближе, Теймураз и Сардион увидели Иорама Носелидзе и какого-то полного, краснощекого парня. Иорам был в ярости, его глаза, горящие злостью, метали искры. А смеялся, судя по всему, второй: у того и сейчас еще смеялась каждая складочка на лице.

У ног Иорама валялся отбойный молоток. Вдруг он схватил его и, смачно выругавшись, изо всей силы ударил в рудстойку.

— Что ты делаешь?! Ошалел, что ли? — вскричал Сардион.

Никто здесь не ожидал увидеть начальника шахты. Голубоглазый парень тотчас вытянулся в струнку (наверное, он только недавно отслужил), а Иорам бросил на Сардиона враждебный взгляд, отвернулся и что-то пробурчал.

— Тебя спрашивают! — повысил голос Сардион.

Голубоглазый вытянулся еще больше (нет, он и в самом деле только недавно отслужил), а Иорам процедил сквозь зубы:

— Работаю, что я могу здесь еще делать?

— Хм... — Сардион хорошо знал Носелидзе и потому ничему не удивился. — А все-таки, яснее можешь сказать?

— Куда уж яснее... Вот Герасиме велел поставить подпорку в конвейерном.

— И что же?

— Ну я и поставил...

— Нашелся крепыльщик...

— А что, прикажете мне всю жизнь только лопатой махать? И это вы называете вниманием к молодым кадрам?

— Ну хорошо, хорошо, ставил ты подпорку в конвейерном, понятно, а здесь что делаешь?

Иорам отвел взгляд.

— Ты чего молчишь?

— Не принял Герасиме работу... — не поднимая глаз, проворчал Иорам.

— Почему?

— Откуда мне знать... Мол, две подпорки шатаются!..

— А-а.

— Рудстойки оказались короткими, так я виноват, да?!

— Конечно же, нет... Виноват забой. Ты тут ни при чем.

Если забой оказался выше подпорки, что ты можешь поделывать?..

— Вам хорошо... Смеяться легко...

— Носелидзе!

Иорам замолчал, отвернулся.

— Что же все-таки ты делаешь здесь, а? — Сардион поднял лампу и осветил свод.

— Да так, ничего...

— И все-таки?..

— Хотел было воспользоваться теми досками, все равно эту просеку скоро закроют, так чего мне из-за каждой доски наверх шастать.

— Да... Ничего не скажешь, нашел выход из положения, — пробормотал Сардион и повернулся к голубоглазому. — А ты чего заливался?

— У него... — голубоглазый паренек снова прыснул и, чтоб не расхохотаться громко, закрыл рот рукой и отвернулся.

— Ну и хохотун!

— Он хотел вытащить доску, а она возьми да и прищеми ему руку... Ха-ха-ха!..

Сардион сдержанно улыбнулся, осветил лампой лицо Иорамма. Тот стоял бледный от злости, яростно сверлил глазами напарника.

— Ты, Иорам, за досками все-таки слетай наверх, не ленись. Их у нас на складе много. Заодно свежим воздухом подышишь...

И снова Сардион и Теймураз зашагали по главному штреку. Сардион дышал тяжело, сказывался возраст.

— Нет, он все-таки неплохой парень, из него должен выйти толк.

Справа начинался еще один бремсберг. Сардион остановился.

— Пошли?

— Как скажете.

Пуская по шпалам около двадцати шагов, Сардион снова остановился и осветил лампой свод. Кровля была надежно укреплена толстыми желтыми рудстойками, но доски были пропитаны влагой да кое-где из щелей просачивалась вода. Сардион внимательно осмотрел одну из стоек, потом снова осветил свод.

— Гляди, хотя здесь и сыро, пройдет еще сто лет, а кровля будет держаться как ни в чем не бывало, ей не страшно даже землетрясение. А ведь на шахте это главное. Здесь всякое может случиться, но если кровля укреплена надежно, то и шахтер спокоен. Тогда, считай, работа на шахте налажена. Поэтому ты должен опираться прежде всего на крепильщиков. Твой предшественник, кстати, по профессии крепильщик — отличный крепильщик. — и это сказывается на всем его участке.

Сардион пошел вперед.

— Ты, случаем, не обиделся, что я хвалю твоего предшественника?

— Ну что вы...

— Правильно, не следует обижаться, тем более когда говорят правду. В чем он был хорош, того у него не отнимешь.

К концу бремсберга Сардион уже еле дышал. Шагах в пяти от узкоколейки валялось толстое бревно. Сардион сел, глубоко вздохнул и рукой пригласил Теймураза последовать его примеру. Теймураз примостился рядом.

— Вот отдышусь и пойдем дальше. Познакомлю тебя с шахтной аристократией, — улыбнулся Сардион.

— С кем, вы сказали?

— С аристократами познакомлю, с монтажниками работают в конце вон той выработки.

Внешние монтажники ничем не отличались от других шахтеров — они были одеты в такие же брезентовые куртки, резиновые сапоги, на головах — каски с аккумуляторными фонарями. Но та же шахтерская одежда смотрелась на них иначе, лучше, казалась даже элегантно. Все они были как на подбор подтянутые и ладные, встретили начальника шахты вежливо и с достоинством. Так же вежливо поздоровались они с Теймуразом.

«Они в самом деле считают себя хозяевами шахты. Не зря Сардион советует завоевать их доверие», — подумал Теймураз.

Гриша Одыбашев, бригадир монтажников, сидел в конце забоя и, заложив ногу на ногу... курил.

«Сигарета в метановом забое?» — вздрогнул в ужасе Теймураз. Сардион вспыхнул. Он знал, что с Гришей Одыбашевым, весьма своенравным человеком, но знающим свое дело монтажником, надо быть особенно осторожным в разговоре, но такое? Сигарета в забое?!

Теймураз заметил, что Одыбашев растерялся при виде Сардиона, но не подал виду. Нет, он даже не попытался спрятать сигарету, наоборот, не спеша бросил ее на влажную почву, потушил носком сапога, встал и спокойно пошел навстречу начальнику шахты.

«Что сделает Сардион? — подумал Теймураз. — Неужели промолчит?».

— Забой проветривается с двух сторон, Сардион Эростович, — невозмутимо, даже чуть назидательно обратился к начальнику шахты Одыбашев. — Совершенно исключена возможность взрыва. Но я все-таки виноват, не учел, что, подражая мне, молодые шахтеры могут закурить там, где это опасно... Такое больше не повторится. Вы знаете Одыбашева, он слов на ветер не бросает.

— Хорошо, — пробурчал после недолгой паузы Сардион. — И все-таки я должен сказать тебе: не ожидал я от тебя такого.

— Я виноват, виноват...

— Да ладно уж... Познакомься, новый начальник участка, инженер Теймураз Арджеванидзе.

— Ооо! — Одыбашев вмиг превратился в радушного, вежливого хозяина, крепко пожал Теймуразу руку. — Рад познакомиться с вами. Мы, монтажники, всегда готовы помочь молодым симпатичным инженерам.

— Как тут у вас дела? — прервал Одыбашева Сардион, освещая лампой свод и стены забоя.

— Дела идут...

— Скоро перенесете конвейер?

— К трем часам, к началу второй смены.

— Что ж, хорошо!

— ... Сукин сын! — пробурчал Сардион, когда они с Теймуразом, выйдя из забоя, снова пошли на бремсбергу. — Я-то знаю, что этот забой не опасен, проветривается чуть ли не с четырех сторон, но каков наглец, а? Ничего, я с ним еще поговорю... А теперь, дорогой мой Теймураз, давай повидаем крепильщиков — и на этом баста.

Они молча прошли бремсберг, свернули влево, прошли через низкую, сырую, душную просеку, в которой сильно пахло серой, и вошли в нижний забой. Здесь при желтоватом свете лампочек работало несколько шахтеров. Теймураз узнал одноглазого Герасиме Цнобиладзе, который на собрании так рьяно защищал Джибраила Хелтуплишвили. Здесь же работали широкоплечий красавец Юло Сопромадзе, Архипо Цалуглишвили, Иорам Носелидзе.

Увидев этих людей вместе, Теймураз как-то сразу почувствовал, что поспешил со своим выводом относительно монтажников. Разумеется, монтажники на шахте — очень нужный народ, но совершенно очевидно, что хребет устка — вот эти несколько человек. Это было заметно и тогда, на собрании. Теймураз понял, что его будущее в руках вот этих убежденных единой, чуть угрюмоватых, немногословных шахтеров.

На приветствие Сардиона и Теймураза они ответили довольно сдержанно. Правда, Архипо Цалуглишвили, сидевший на обрубке бревна, подвинулся и пригласил Теймураза присесть. Теймураз поблагодарил его и продолжал стоять у входа в забой.

Угольный пласт здесь, как и в верхнем забое, достигал почти двух метров. Наверху простиралась голубовато-серая кровля, сырая, покрытая капельками воды. В самом угольном пласте, приблизительно на высоте одного метра от почвы, виднелась полоса пустой породы, такой же голубовато-серой и сырой, как кровля. И вдруг Теймураз увидел на этой полосе отливающие чернотой, отчетливо проступающие отпечатки нежных листьев папоротника. Попав случайно миллионы лет назад в глину, они обуглились, закаменели и сейчас рельефно вырисовывались на каменном срезе. Рисунок был столь выразителен и искренен, что трудно было поверить, что это не произведение рук неизвестного умельца.

Черные, отливающие серебром листья папоротника почему-то напомнили Теймуразу теплые, нежные руки Натии. Недолго, пожалуй, какое-то мгновение, держал Теймураз в своих руках руки Натии, но этого было достаточно, чтоб запомнить их на всю жизнь...

— Как у вас тут дела? — усталый голос Сардиона вывел Теймураза из задумчивости.

Герасиме, вымеряющий в это время рудстойки, оглядел Теймураза с ног до головы и только потом повернулся к Сардиону.

— Надо бы взорвать этот уступ, иначе комбайн не спустить.

Герасиме указал как раз на тот угол, где проступали отпечатки листьев папоротника.

— Так чего ждете?

— Вот-вот подойдут взрывники... Да вот и они, легки на помине.

Снизу в забой протиснулся огромный детина с сумкой за плечом. За ним следом — парнишка с сумкой, наполненной амоналом.

— Чего опоздал, Севериан?

— Разве я опоздал? Ты же велел в четыре...

— А уже половина пятого. Поторопись. Нам же лучше пройти в конвейерный, — обратился Герасиме к Сардиону и Теймуразу.

Рядом находился начальник шахты, и шахтеры соблюдали все правила безопасности. В другой раз при взрыве угольного пласта они всего лишь отошли бы в другой конец забоя.

В конвейерном штреке валялись обломки рудостоек. Герасиме снова предложил Теймуразу сесть.

— Благодарю вас, я не устал вовсе.

— Как хочешь...

— Они не станут упрасивать, скажут раз — и баста, — улыбнулся Сардион.

— А к чему лишние разговоры, — подтвердил Герасиме.

Вдруг все сотрясилось вокруг от страшного гула. Казалось, свод сейчас обрушится и все уничтожит на своем пути. Сверху посыпались песок и камни. Теймураз огляделся. Шахтеры стояли как ни в чем не бывало и преспокойно продолжали переговариваться. В забое запахло гарью.

— Все? — спросил Сардион.

— Нет, должен быть еще один.

И снова вздрогнуло от взрыва подземелье. На этот раз слышно было даже, как заскрипели подпирающие кровлю доски. А шахтеры по-прежнему были невозмутимы.

«Наверное, погибли отпечатки листьев, — подумал с сожалением Теймураз. — Надо было осторожно вырубить тот кусок породы...».

Но как бы он объяснил свой поступок? Смешно! Смешно и сентиментально!

— Вы пойдете с нами? — спросил Сардиона Герасиме.

— Конечно, — ответил Сардион. — Пошли, Теймураз, — повернулся он к инженеру.

Верхний угол забоя, где всего несколько минут назад находились шахтеры, трудно было сейчас узнать. Правда, он и прежде тонул в полумраке и был пропитан сыростью, но тогда все было там на своем месте — и угольная порода, и полоса пустой породы, и серый сырой свод, и крепежные столбы... Сверкающий чернотой угольный пласт был прежде срезан так ровно, словно его подравнили ножом. Потому-то и заметил Теймураз отпечатки листьев папоротника... А теперь... Злая, жестокая сила взрыва все перевернула вверх дном. Гладкие стены теперь зияли чернотой, словно разинутые пасти дэвов, на своде обнажились глыбы пустой породы. Под ногами все смешалось — уголь, пустая порода, обрубки бревен, доски...

В самом деле, надо вконец потерять голову, чтоб в этой зло-
вой круговерти думать о нежных руках Натии.

— Хорошо, — сказал Герасиме, с удовлетворением
лядыбаясь вокруг.

— Хорошо, — подтвердил Сардион, — в самый раз.

Шахтеры, вооружившись лопатами, стали сортировать
груды — в одну сторону сгребали уголь, в другую — пустую
породу. Герасиме послал подошедшего в это время Иорама
Носелидзе включить конвейер.

Вскоре снизу послышался крик Иорама, и тотчас зата-
рахтел конвейер.

— Что загружать?

— Уголь, — бросил Герасиме.

Шахтеры поплевали на ладони, взяли лопаты — и куски
угля с грохотом посыпались на конвейер.

— Ну, мы пошли... — голос Сардиона едва был слышен
в грохоте сбрасываемого угля.

— Счастливо...

Сардион и Теймураз не спеша пошли вдоль работающего
конвейера, по которому, мерно покачиваясь,плыли куски свер-
кающего чернотой угля, проплывали мимо Сардиона и Тей-
мураза и где-то в конце конвейерного штрека с грохотом и тре-
ском обрушивались в вагонетки.

— На сегодня достаточно, — проговорил Сардион. —
Что скажешь?

— Как хотите.

— Хватит, — твердо произнес Сардион.

Пока они дошли до конца конвейерного штрека, поток
угля прекратился. Наверху в черной ночи забоя выключили
конвейер.

— Эге-гей! — донесся голос Иорама.

— Ого-го! — ответил ему шахтер в конце штрека, распре-
деляющий вагонетки.

— Включать?

— Давай! — крикнул рябой шахтер и остановил перед
конвейером новую вагонетку для пустой породы.

Снова затарактел конвейер. Теперь уже он нес сырые, ог-
ромные, серовато-голубые глыбы пустой породы. Вдруг серд-
це Теймураза тревожно забилось. На одной из глыб он уви-
дел знакомые, приворожившие его отпечатки листьев папорот-
ника. Взрывная волна по какой-то необъяснимой причине по-
щадила именно эту глыбу с отпечатками листьев. Она спокойно
проплыла мимо Теймураза и спустя минуту исчезла в же-
лезном ложе вагонетки.

Джибранл Хелтуплишвили с семьей уехал в Кутаиси —
это известие Сардиону принес Кахабер Гурасашвили. В тот
день новый начальник третьего участка Теймураз Арджевани-
дзе должен был дать первое задание шахтерам смены, и Сар-
дион с утра был неспокоен. Не потому, что ждал плохих ве-
стей с этого участка. Оба забоя Сардион накануне внимательно
осмотрел. Но все же — кто знает! Под землей все может слу-
читься... В такую минуту можно ждать подвоха, что и не по-

думаешь. А тут еще в кабинет вошел Гурасашвили и сообщил об отъезде Джибраила в Кутаиси.

— Кто сказал? — спросил хмуро Сардион.

— Как кто? Весь город говорит об этом.

— Видать, всем в этом городе делать нечего... Надолго уехал?

— Никто не знает.

— Хм...

Признаться, все эти дни Сардион в глубине души верил, что Джибраил, несмотря ни на что, не изменит своим товарищам. В конце концов, даже на очистных работах шахтер остается шахтером. Это не менее нужная на шахте работа, чем любая другая, да и разве место красит человека? Неужели Джибраил не понимает этого? А ведь Сардион считал его умным и великодушным. Что случилось с ним, почему первая же неудача в жизни сломила его? Ушел из шахты, когда на участке так необходим опытный, знающий человек. Сардион, конечно, понимает, что Джибраила они обидели, притом незаслуженно...

— А что он потерял в Кутаиси? — прервал вдруг Сардион ход своих мыслей.

— Может быть, поехал налаживать дела с аттестатом?.. — предположил Гурасашвили.

— Поседел, а об аттестате и не вспоминал, с чего бы вдруг загорелся?

— Когда тебя снимут с работы, загорисься.

— Эх! Уверен, здесь не обошлось без вмешательства его дорогой жenuшки... Да им виднее, пусть поступают, как хотят. С этим одним участком мы и сами справимся. Кстати, как у тебя дела? Был в забое?

— Был. Только к двум часам ночи поднялся.

— И что? Все в порядке?

— Как будто бы. Я знаю, что вы тоже спускались.

— Был. Как говорится, нужда научит горшки обжигать. Ну, чего мы ждем? Пошли...

Начальник шахты и главный инженер вышли из кабинета и стали подниматься по лестнице, ведущей к дежурке.

— Не забудь об одном, Кахабер, — говорил по пути главному инженеру Сардион. — Не следует нам все решать вместо молодого инженера. Если мы будем вместо него работать, думать, принимать решения, он вовсе потеряет авторитет среди шахтеров и ему нелегко будет потом завоевать его. Надо действовать осторожно. Шахтеры должны убедиться, что мы во всем доверяем новичку, и если порой проверяем его и помогаем, то только на первых порах, только потому, что он пока еще не знает людей, условий труда на участке...

— Верно...

В дежурку третьего участка Сардион и Кахабер вошли с таким видом, точно заглянули сюда случайно. Они приветливо улыбнулись всем, пожали руку Теймуразу, Антимозу, Герасиме и сели на скамейку, придав лицу такое выражение, будто их вообще не интересует, что здесь происходит.

— Ну, что, — Сардион снял шлем и положил его на колени, — готовитесь?

— Готовимся... — раньше других ответил Антимоз Чахунашвили.

— А мы вот шли мимо да заглянули к вам. Как у вас дела?

— Антимоз, доложи-ка начальству что надо, — обратился Герасиме Цнобиладзе к Чахунашвили.

— Ну что докладывать... — Антимоз раскрыл журнал. — Вот здесь все записано... И начальник участка подписал. Мы сегодня пройдем комбайном третий цикл, добудем до двухсот тонн каменного угля, если, конечно, все будет в порядке...

-- А почему не должно быть в порядке?

--- Это я так, к слову...

— Кто на комбайне?

— Пока еще Юло Сопромадзе.

— Что, все еще не оформил переход? — спросил Сардион у Юло.

— Нет еще.

— Чего же медлишь? Коли задумал что-то, торопись исполнить.

Теймураз молча сидел за столом и только едва заметно улыбался. Но было заметно, что молодой инженер волнуется, хотя успел уже дважды побывать в шахте и убедиться, что там все в порядке. Сардион мысленно похвалил молодого инженера за сдержанность.

-- Мы с Кахабером пошли. — Сардион встал. — А вообще-то мы будем на шахте, нам еще надо решить кое-какие дела. Если что — звоните диспетчеру. Ну, Теймураз, удачи!

Теймураз тоже встал, глубоко вздохнул. Герасиме дружески похлопал его по плечу, Антимоз улыбнулся и широко распахнул дверь. Шахтеры, поправляя каски, стали один за другим выходить из дежурки. Сардион и Кахабер остались одни.

— Ну как, неплохо сыграли? — улыбнулся Сардион.

* * *

Раньше других в забой спустился Юло Сопромадзе. В тот день он тщательно начистил свой комбайн, смазал маслом все детали. Разумеется, он напрасно старался. Дезертирства в такой момент ему никто не простит. И все-таки надо не подкачать.

— Я весь забой обошел дважды, — заискивая, сказал он Герасиме. — Свод повсюду укреплен на славу, ни одной трещинки. И если сегодня здесь что случится — просто не знаю, что и думать, значит, я ничего в нашем деле не смыслю. Напрасно волнуется Сардион, пуцу комбайн на полную мощность, ни на минуту не остановлюсь. Счастливчик, видать, наш новый начальник, у хорошего начала и конец хороший.

— Вот потому-то ты и бежишь от нас, да?

— Герасиме... хоть ты пойми меня...

— Хорошо, хорошо... — Герасиме повернулся к Теймуразу. — Может, нам еще раз обойти забой?

— Как хотите.

— Пошли. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, не так ли?

Герасиме с Теймуразом свернули на просеку и вскоре скрылись в темноте.

— Эх-хе-хе, — вздохнул Сопромадзе.

— Что вздыхаешь? — язвительно спросил Иорам.

— Вот вспомнил, кто налаживал работу на участке, а теперь...

— Что, сердце болит за Джибраила?

— Отстань!..

— Ты лучше своим комбайном займись, — зло сверкнул глазами Иорам.

Юло замолчал. Возможно, в эту самую минуту он как никогда пожалел о том, что решил уйти на другую шахту.

Все были заняты своими делами — впереди целая смена.

— Эге-гей! — раздался из верхнего конца забоя приглушенный сыростью голос Герасиме.

— Ого-го! — ответили тотчас ему.

— Сопромадзе готов?

— Гот-оов!

— Включай!

Юло Сопромадзе еще раз окинул взглядом свод и нажал на кнопку включения. Неуклюжий, длинный, как крокодил, комбайн задрожал, словно сказочное чудовище, взревел и длинными острыми железными клыками вгрызся в блестящую стену угля. Внизу в ту же минуту включили конвейер и взялись за лопаты, и первые огромные глыбы каменного угля с шумом посыпались на конвейер.

* * *

Сардион и Кахабер сидели в диспетчерской. Не только один другому, но и самому себе боялись признаться, что волнуются. Состояние их передалось и диспетчеру. Всем, кто звонил ему, он рычал в телефон и долго не решался позвонить на третий участок — вдруг оттуда неприятные вести. Но наконец в половине пятого он все-таки позвонил и тотчас радостно сообщил Сардиону, что комбайн прошел уже шесть метров.

— Еще немного, и будет выполнен сегодняшний план.

— Будет, я уверен, что будет, — сказал Кахабер.

И все-таки не усидел Сардион в диспетчерской. Тем более что видел — только мешает диспетчеру, нервнрует его. Он встал, сказал диспетчеру, что будет у себя, и вышел вместе с Кахабером.

В кабинете он достал из ящика стола ориентировочный план на четвертый квартал и попытался заняться им, вовлекая в это дело и Кахабера. И все-таки Кахабер не выдержал, спустя недолгое время произнес как бы про себя:

— Надо бы все-таки позвонить диспетчеру, как они там?

— Сам бы позвонил, если что, — отозвался Сардион.

В десять часов в кабинете Сардиона раздался телефонный звонок. Диспетчер доложил, что комбайн без каких-либо помех прошел весь участок, добыто двести тонн угля и теперь уже шахтеры заканчивают крепление свода.

* * *

Дни сменяли друг друга, и Натиа все острее и острее чувствовала, что пришло время определить, наконец, свою долю в жизни. Поборов в себе гордыню, она, приняв равнодушный и спокойный вид, обратилась к матери с просьбой подыскать ей работу.

— Слава богу, — вздохнула Нино. Она давно отчаялась услышать от дочери подобную просьбу и потому сейчас вместо радости испытывала только какую-то горечь. — Конечно же, мы подыщем тебе работу, но где бы тебе все-таки хотелось работать?

— Этого я не знаю. Пожалуй, все равно где. Лишь бы было меньше работы и больше денег. — Натиа засмеялась.

— Для чего тебе много денег?

— И этого я не знаю. — Натиа засмеялась еще громче.

— Разве так шутят, доченька?

— Ой!..

— Ну хорошо... Я сегодня же поговорю с Андро.

— Как хочешь... — Натиа встала, тем самым дав понять матери, что разговор исчерпан.

Когда вечером Нино передала мужу просьбу Натии, Андро сказал:

— Найти работу не трудно, только...

— Что, Андро?!

— Я хочу сказать, что, когда у человека диплом горного инженера, он должен искать соответствующую работу.

— Ты же знаешь, почему Натиа поступила на горный факультет. Ее отец...

— Я-то знаю, но это никого не интересует.

— Предположим, что Натиа не заканчивала этот институт...

— Боже! Боже мой! Но куда бы я ни пришел, ведь всюду потребуют документы! Да как мне объяснить, почему человек с дипломом горного инженера хочет работать в канцелярии!..

— Почему ты решил, что она должна работать в канцелярии?!

— А где еще она сможет работать?

— Андро! Девочке надо помочь...

— Хорошо... — смягчился Андро. — Извини, я погорячился...

У Андро Мтварелишвили в Тбилиси было много друзей и знакомых. Некоторые знали, что у Андро с падчерицей весьма натянутые отношения, поэтому пытались помочь ему. Первые дни, возвращаясь домой, Андро радостно сообщал жене, что многие обещают ему помочь, видимо, найдут для Натии подходящую работу.

Но шли дни, а работу пока никто не предлагал. Теперь уже Андро возвращался домой, как правило, в плохом настроении, хмурый, молча обедал и шел в свою комнату.

— Ну что, Андро? — рискнула спросить как-то Нино.

— Пока еще ничего.

— Почему?

— Почему? Неужели это трудно понять? Работы сколько угодно, пожалуйста, но не могу же я предложить нашей Натии работу, которой в будущем она будет стыдиться, которая ляжет ее по рукам! Пройдет время — два, три, пять лет, спросит ее кто-то, почему она, горный инженер, работает не по специальности? Что она ответит?

— Неужели все ей не подходит, Андро?

— Не знаю... Хотя, наверное, следует снова обратиться в институт.

— Другого выхода нет?

— Нет. И никакой к тому же надежды, что в институте ее ждут... В научно-исследовательский институт, ты хорошо знаешь, принимают отличников.

— А как быть посредственным студентам? Повеситься?

— Почему? Пусть едут в районы, там можно поработать по специальности, поучиться...

— Андро!

— Да?..

— Натиа никогда ничего у тебя не просила!..

— Понимаю...

На следующий день Андро пришел домой в восемь часов вечера. Выглядел он усталым и измученным. Не захотел обедать и тотчас уединился в своей комнате. Нино вошла следом за ним, села на диван.

— Ну что, опять ничего?

— Ничего...

Нино замерла. Потом подняла на Андро глаза, полные недоумения.

— Андро, как быть?

— Не знаю...

Натиа возвратилась домой, как всегда, поздно. Никого ни о чем не спросила. Прошла в свою комнату и вскоре погасила свет.

* * *

Джибраил с семьей приехал в Кутаиси на рассвете. Тотчас взяли такси. Иринэ была весела и счастлива, словно аттестат уже лежал в кармане Джибраила.

Машина свернула вправо и стала преодолевать крутой, бесконечный подъем. Иринэ внимательно взглянула на Джибраила и положила свою теплую мягкую руку на руку мужа.

— Ну что с тобой, Джибраил? — тихо шепнула она.

— Ничего, — так же шепотом ответил он.

— Посмотри на меня!..

— Честное слово, ничего!..

— Хорошо, не буду приставать. — Иринэ бросила на водителя быстрый взгляд и чмокнула мужа в ухо.

Машина, наконец, преодолела подъем, снова свернула вправо, потом пошла по мощеной камнем дороге и остановилась перед белым огромным одноэтажным домом, утопающим в зелени деревьев. Минуту спустя Дареджан и Кайхосро Карцивадзе вырывали друг у друга из объятий маленькую Гогутуну.

После завтрака Иринэ с тетей уединились на кухне, а Кайхосро, поудобнее устроившись на диване, повел беседу с Джибраилом.

— Ты что это натворил, зять мой дорогой! Похитил у нас Иринэ, у которой, кстати, есть диплом, а сам, оказывается, даже десятилетки не окончил? Ха-ха-ха! Ну хорошо, хорошо... Будет тебе, не хмурься! Я и сам не профессор! Но вот есть у меня семья... неплохая, как видишь... и уважают меня, по моему... К сожалению, приходится подчиняться каким-то законам, а по мне — такому, как ты, никакой бумаги не надо! Что, не годишься ты, не можешь работать, руководить, не знают тебя, не ценят, а? Почему прежде не спрашивали дипломов и аттестатов? Помню, двенадцатилетним мальчуганом пришел я в гелатское лесоводство. Тогда директором был там Абесалом Качейшвили. Пришел я, значит, но не посмел войти к нему, а стал дожидаться в коридоре. Директор закончил все свои дела, поговорил со всеми, вышел из комнаты и тут-то увидел меня. Я все сказал ему, кто прислал меня и для чего. «А, так это ты тот самый молодец? — улыбнулся Абесалом. — Ну что ж, хорошо. На коне сидеть умеешь?». «Нет», — ответил я ему. «Ничего, — сказал он, — самое большее, скинет тебя конь, а ты встань и снова садись. И еще скажи матери, чтоб напекла кукурузных лепешек в дорогу, да и не забыла сыру в придачу. И обуйся обязательно. Жду тебя на рассвете». Утром я был тут как тут. Горячая кукурузная лепешка жгла мне подмышку. Дали мне какую-то старую клячу и послали в лесоводство. С тех пор я здесь и работаю, вот уже сорок лет... И ни разу никто не спросил у меня ни диплома, ни аттестата. Но ничего, дорогой Джибраил. Не печалься. Я уже говорил с одним умным человеком. Обещал помочь. Слушай, аттестат зрелости выдают совсем еще юнцам, цыплятам неоперившимся, так неужели не дадут тебе. И не думай! А? Что ты сказал?

— Те цыплята день и ночь книжки читают, дядя Кайхосро.

— Ну и что! И ты возьмиись за книги. Неужто будешь усваивать то, что написано там, хуже других. Вообще оставь работу, живите здесь, получишь аттестат, а поработать еще успеешь!

«Иринэ, видимо, не сообщала, что меня сняли», — подумал Джибраил. Эта мысль огорчила его. Почему она смолчала?

— Ты ни о чем не думай, Джибраил. Отдохни, погуляй, поразвейся. Сегодня устроим званый обед, пригласим знакомых, а о деле поговорим после, не так ли? Ты в отпуске, да?

— Да... Я оставил на шахте заявление, — Джибраил ответил взгляд.

— И отлично! А теперь отдохни, что ни говори, а всю ночь были в дороге. А не хочешь, давай погуляем в саду. Урожай в этом году!.. Сам увидишь!.. Эх вы, разве так можно! Совсем нас забыли...

— Я бы отдохнул, дядя Кайхосро.

— И верно, сынок, сад от нас никуда не убежит. Отдыхай...

Признаться, Дареджан и Кайхосро ни разу не задумались над тем, что Джибраилу, которому перевалило уже за

тридцать пять лет, нелегко чаравне с девчонками и мальчишками получить аттестат. И совсем уж невероятно для него мысль о том, что аттестат можно приобрести ^{окольным} путем. Его трудно было бы убедить в том, что в сфере просвещения процветают взятки и всевозможные комбинации.

Кайхосро подхватил малютку Гогутуну и пошел с ней в сад, а Иринэ и Дареджан все еще колдовали на кухне. Дареджан все сокрушалась, что на старости лет они с Кайхосро остались одни в этом огромном доме.

— Живу только надеждой, что подрастет Гогутуна, и ты пришлешь ее сюда, будет ходить здесь в школу... Пришлешь, а?

— Конечно.

— Ну и слава богу! А насчет Джибраила мы как-нибудь уладим. У отца есть человек, коли он захочет, нет такого дела, чтоб было ему не по плечу. Помнишь, отец писал тебе о нем. Сегодня мы ждем его в гости, будут еще знакомые, так что надо не ударить лицом в грязь...

— Ой, зачем столько людей... Джибраилу будет неловко среди стольких людей...

— Да, да... Я как-то не подумала об этом. Но ведь совсем не обязательно говорить о делах при всех.

К четырем часам стол был накрыт. Чего только на нем не было! Хачапури, мчади, сыр, острая закуска из куриных потрохов — так называемое кучмачи, цыплята-табака, сациви и еще множество других деликатесов... И вино, отменное вино!.. Гости не заставили себя ждать.

Джибраил сидел в комнате хмурый и курил одну сигарету за другой. Вошла Иринэ и с укоризной обратилась к мужу:

— Ты так и будешь сидеть мрачный, чернее тучи? У тебя такой грозный вид, что гости даже не смеют заговорить с тобой. А ведь они приглашены сюда ради тебя...

— Зачем надо было приглашать столько людей?

— А разве они тебе мешают?.. При них не будет сказано ни одного слова.

— А где отец?

— Пошел за тем человеком, дядей Ломкация.

— А это еще что за птица?

— Ну тот самый, который поможет в нашем деле.

— Эх! — Джибраил горестно потер лоб тыльной стороной руки. — Эх!..

— Успокойся. Лучше выйди к гостям, развеешься.

Джибраил вздохнул, встал и вышел к гостям, сидевшим в саду.

В половине шестого у ворот остановилась «Волга», и тотчас послышался басок Ломкация.

— Кого я вижу! Кого я вижу! Чья это такая прелесть? Кого поцелует сейчас это чудо? Посмотрим, ну-ка посмотрим!..

Перевод Виктории ЗИНИНОЙ

Окончание следует

ОТ МАШРИКА ДО МАГРИБА

«От Машрика до Магриба»... Откуда произошел этот заголовок? «Машрик» — по-арабски Восток, «Магриб» — Запад. Оба эти арабских слова были широко употребительны в средневековой Грузии. В народных сказках существовало даже выражение «машрик-магрибис мепе», то есть «царь Востока и Запада». Однако в устной речи слова «Машрик» и «Магриб» не остались, и только литературные памятники сохранили их.

Грузинский летописец XII века, перечисляя ряд государств, с которыми Грузия поддерживала дипломатические отношения, упоминает Византию, Египет, Сирию, Багдадский халифат, Хорезм, княжества крестоносцев, другие менее значительные государства и, словно бы устав от перечисления, заканчивает: «Всяк язык и род от Машрика до Магриба». Подобное же выражение встречаем и в поэме Шота Руставели.

В XVII—XVIII веках выражение «от Машрика до Магриба» приобрело совсем иной оттенок: где только не встретишь оторванных от родины грузин — и на востоке, и на западе!

Политико-экономическая и культурная жизнь Грузии всегда была связана с жизнью Востока, те или иные события которой находили отражение на страницах «Картлис цховреба»¹. Так, один из грузинских летописцев рассказывает о мулидах, или ассасинах. В Грузии XII — XIII вв. мулиды были достаточно известны, но для современного читателя загадка, кто были эти мулиды и чем они примечательны. Историю их довольно подробно передают арабские и персидские источники и хроники крестоносцев. Упоминание о мулидах встречается и в памятниках художественной литературы — в произведениях Низами и Хакани, Данте и Боккаччо. История

¹ «Картлис цховреба» — свод исторических хроник и летописей. Дословный перевод — «Жизнь Грузии».

мулидов является одной из интереснейших и ярких страниц в жизни мусульманского Востока.

С одной стороны, скурые сведения о мулидах, содержащиеся в «Картлис цховреба», с другой — обилие материала в иностранных источниках послужили для меня толчком к написанию этой книги.

Для грузинского читателя приключения мулидов, реальные или полусказочные эпизоды их жизни тем более интересны, что восемь веков назад они действовали и в Тбилиси. По мнению академика Корнелия Кекелидзе, именно мулиды послужили прообразом сказочных каджей в поэме «Витязь в тигровой шкуре».

С политико-экономическим возрождением страны в XI — XII вв. авторитет Грузии в ближних и дальних странах неизмеримо возрастает. Крестоносцы, например, считали Грузию оплотом христианства в Передней Азии и, испытывая затруднения, надеялись на ее помощь.

С середины же XIII века положение резко изменилось.

Господство монголов, нашествия Тамерлана ослабили страну. Она распалась на множество мелких княжеств и царств, бесконечные междоусобные распри которых обескровливали страну и лишали ее возможности противостоять врагу. Грузия превратилась в объект агрессивных войн двух могущественных мусульманских государств.

В грузинских летописях и памятниках художественной литературы подробно рассказано о победах и поражениях народа, о радостях и бедах его, о горьких уроках истории. Но сведений этих источников недостаточно для того, чтобы полностью охарактеризовать и осветить тот или иной исторический эпизод. Иной раз они лишь очерчивают контуры явления и вместо портрета героя рисуют лишь его силуэт. Поэтому обязательно надо учесть и иностранные источники, откуда можно почерпнуть много познавательного о Грузии. К примеру, грузинский летописец лишь упоминает о переселении грузин шахом Аббасом в Иран, нам неизвестны ни их имена, ни дальнейшая их судьба. А итальянский путешественник довольно обстоятельно рассказывает историю некой грузинской девушки, таким образом попавшей в Иран.

Грузинские источники дают довольно ску-
пые сведения о роде Ундиладзе, занимавшем
видное место в военно-политической жизни се-
февидского Ирана. В зарубежных же источни-
ках мы находим обширную информацию о
его возвышении и падении.

Те же летописи ни словом не упоминают
грузинского историка и дипломата Иосеба
Картвели, хорошо известного французским и
английским авторам, труды которого ныне
хранятся в Париже и Глазго.

Главные герои этой книги — сыны грузин-
ского народа, неизвестные или прославившие-
ся своими героическими делами, своим тру-
дом. Так или иначе, они заслужили бес-
смертие, и история словно бы воскрешает лю-
дей прошлого и знакомит нас с их потомками.

Я — МУЛИД

Занималось утро. В стане монголов все пришло в смяте-
ние. Воля и причитая, они бежали к шатру нойона Чагатая.

Чагатай-нойон был убит ночью. Убийца пробрался в па-
латку, не замеченный охраной. Никто не видел, откуда он поя-
вился и куда исчез, и «никто не ведал, кем был убит» воен-
начальник, пишет грузинский летописец Жамтаагмцерели¹.

Случилось это во время Аламутского похода. Среди мон-
гольского войска находились и отряды грузин, насильно уг-
нанные монголами на войну. Грузины роптали, недовольные
затянувшимся походом и плохим обхождением с ними ненавист-
ных монголов. Вполне понятно, что их заподозрили в убий-
стве нойона.

Один только Чармаган не верил этому. Он взывал к со-
племенникам: «Успокойтесь, люди, убийца — не грузин!». Но
его трезвый голос не достигал слуха воинов, возбужденных ги-
белью своего повелителя.

Обуреваемые жадной мщенья, разъяренные, помчались
они к лагерю грузин.

В малочисленном грузинском войске мнения разделились:
одни готовились к отпору, другие отговаривали их. Дело решил
Григол Сурамели, эристав Картли, сказав: «Не время воевать,
ибо мало нас». Он убедил воинов, что, если они встретят мон-
голов с оружием в руках, гибель грозит всем, поскольку силы
несоизмеримы, а так гнев их обрушится только на знатных и,
возможно, монголы казнят лишь нескольких военачальников.

¹ Жамтаагмцерели — (досл. «летописец») анонимный грузин-
ский историк XIV века.

Грузинам оставалось молиться, уповая на милость провидения. Монголы были совсем уже близко, когда произошло чудо. (Грузинский летописец приписывает его богородице).

Вдруг из зарослей камыша появился неизвестный, держа окровавленный меч, воскликнул по-персидски: «Ман куштэм Чагатая!» («Я убил Чагатая!»).

Монголы схватили убийцу и потащили к нойонам. Когда нойоны спросили его, почему он убил Чагатая, тот гордо ответил: «Я мулид, прославленный среди мулидов».

Признание неизвестного открыло тайну ночного убийства.

Летописцу, описавшему этот кровавый эпизод, хорошо известны мулиды («убивающие из засады»). «Мулид» — арабское слово, означает ретик, вероотступник. В европейской литературе мулиды известны как «ассасины». Полагают, что «ассасин» — искаженная форма арабского слова «хашшашин» (т. е. курильщики гашиша).

Слово «ассасин» в европейские языки вошло со смыслом «убийца», а образованные от него глаголы в некоторых из них означают совершение вероломного убийства, террористического акта.

Кем были мулиды-ассасины, завоевавшие столь мрачную известность, что и поныне убийство какого-нибудь политического деятеля на Западе невольно воскрешает в памяти истории, похороненные в глубине веков? Что снискало им «неувядаемую славу»?

Орден ассасинов основан исмаилитами в конце XI в. в Иране. Секта исмаилитов возникла в VIII в. и имела много сторонников в мусульманском мире. Исмаилизм, ставший идеологией ордена ассасинов, противостоял ортодоксальному исламу. Орден ассасинов возглавили иранские феодалы, лишившиеся владений после установления в XI в. в Иране господства турок-сельджуков и мечтавшие о восстановлении утраченного могущества. В выступлениях ассасинов принимали участие и городские низы, и деревенская беднота.

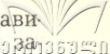
Основатель ордена ассасинов — Хасан ибн Саббах к идеям исмаилизма приобщился еще в юности в среде иранских ремесленников, хотя сам и был знатного происхождения. Позже он отправился в египетский халифат Фатимидов — центр пропаганды исмаилизма.

Возвратившись в Иран, Хасан ибн Саббах исходил многие области, проповедуя исмаилизм и присматривая место, где можно обосноваться. Выискивали такое подходящее место для административного центра секты и его единомышленники.

Выбор пал на Аламутскую крепость, венчавшую одну из высоких скал в горах Эльбурса.

Аламут — «алухамут» — значит «орлиное гнездо». Возвышаясь среди неприступных скал и утесов, крепость эта как нельзя лучше подходила ассасинам.

Агенты Хасана ибн Саббаха склонили к своему учению весь гарнизон крепости. Естественно, что владетель крепости не мог оказать сопротивление, и ему ничего не оставалось делать, как отступить перед ассасинами. Правда, при этом он получил в качестве возмещения три тысячи динаров.

Событие это произошло в 1090 г. Так возникло независимое государство ассасинов. Вслед за Аламутом ассасины захватили еще несколько крепостей и укреплений в горах северозападного Ирана и превратили их в опорные базы. Расширяя границы своей власти, они овладевали все новыми и новыми крепостями: одними — силой, другими — хитростью, а также строили новые. Вскоре в пределах Ирана у ассасинов находилось с полсотни крепостей и замков. Особенно сильны были их позиции в гористом Дейлеме и Кухистане. В начале XII в. ассасины укрепились и в горах Сирии. Одно время они даже владели несколькими городками в Кухистане, в районе Исфохана и Гирдуха они брали с купцов пошлины. Вокруг Аламута ассасины строили оросительные каналы, обрабатывали земли.

Хасан ибн Саббах тридцать пять лет не покидал Аламута, но власть его распространялась от Хорасана до Дамаска, а имя наводило ужас на весь мусульманский мир. Жил он уединенно: молился, читал, составлял планы боевых действий, руководил выступлениями ассасинов против сельджуков на всей их обширной территории.

Он вел воздержанный образ жизни и требовал того же от всех членов ордена. В страхе перед ним в Аламуте никто не смел пить вино. Из крепости изгнали даже флейтиста, поскольку глава ордена считал, что музыка развращает.

Повелитель ассасинов отличался страшной жестокостью. Он лишил жизни двух своих сыновей. Одного обвинили в убийстве сподвижника Хасана ибн Саббаха (позже выяснилось, что пострадал он по ложному навету, и доносчика тоже не миновала кара), а единственным проступком второго сына было нарушение запрета на вино.

Известный австрийский ученый И. Хаммер замечает, что человек по природе своей не так уж мерзок и жесток, чтобы историк из нескольких вероятных мотивов выбирал самый неприглядный, но применительно к Хасану ибн Саббаху все вполне достоверно. И. Хаммер полагает, что Хасан ибн Саббах казнил своих сыновей не столько из жестокости, сколько из желания подвить в людях всякое естественное чувство, привить равнодушие ко всему человеческому.

По мнению английского ориенталиста Э. Брауна, повелитель ассасинов хотел доказать этим, что ставит общее дело превыше родовых интересов. Кстати, он назначил своим преемником одного из ближайших соратников. Основным методом борьбы ассасинов был террор. Убийство возлагалось на низшего члена секты — фидая. «Фидая» — арабское слово, означает — «жертвующий собой». В ряды фидаев набирали смелых, ловких юношей. Их самоотверженная преданность своему повелителю, слепое послушание кажутся неправдоподобными. Вот что рассказывает об этом венецианский историк Марино Сануто: «В 1194 году во время перемирия в гости к повелителю сирийских ассасинов прибыл Анри, граф Шампани, номинальный король Иерусалима. Прогуливаясь как-то, они заметили на высокой башне юношей в белых одеждах. Повелитель ассасинов спросил графа-крестоносца, найдутся ли среди его подданных до такой вот степени покорные и преданные ему —

и, не дожидаясь ответа, сделал какой-то знак двум юношам на башне. Те в тот же миг бросились вниз и, конечно, живыми не остались».

Фидая не посвящались в религиозную суть учения своей секты, зато их специально тренировали, вырабатывая волю, выносливость, стойкость к лишениям и трудностям. Их учили менять свой облик, в совершенстве владеть оружием, а иногда даже обучали европейским языкам.

Фидая, посланные убить маркиза Конрада Монферратского, так хорошо знали язык франков, их обычаи и порядки, что все шесть месяцев, пока они жили в лагере крестоносцев, выжидая удобного случая, сходили за христианских монахов.

Жизнь фидая всегда висела на волоске. Отправляясь на задание, он обрекал себя на верную гибель, поскольку стремился совершить убийство в драматической ситуации — у всех на виду нападал на мусульманского эмира в мечети во время пятничной молитвы, на христианского герцога — в церкви во время воскресной службы. А ведь намеченная «жертва», как правило, не была безоружной и сопровождалась немалой свитой. Если задуманное удавалось, фидая, нанеся удар, тут же кончал и с собой, уверенный в том, что его ждет рай. Такая смерть считалась почетной и была желанной.

Вслед посланному на убийство фидая направлялись лазутчики, доносившие повелителю ордена, как выполнено поручение.

Существует предание, которое показывает, как расценивали подвиг «жертвовавшего собой». Мать одного фидая, узнав о гибели посланных на убийство фидаяев и считая, что ее сын погиб, оделась в праздничный наряд, радуясь тому, что сын блаженствует в раю, однако тот случайно остался в живых и вернулся домой. Увидев его, мать в знак скорби тут же облачилась в траур.

Попавшим в плен фидаям предстояла смерть, в жестоких пытках. Однако и в плену они умудрялись отомстить врагу. Так, один фидая во время допроса оклеветал нескольких видных эмиров и сановников перед сельджукским султаном Санджаром. Он уверял, что те — члены ордена ассасинов. Такое обвинение грозило смертью всякому, какой бы высокий пост он ни занимал. Именно так погибли правитель Самарканда и сын сельджукского правителя Кермана.

Тень подозрения была брошена даже на султана Баркирку — возможно, по той причине, что нож ассасинов слишком часто достигал его врагов. Баркиррук сам убил дерзнувшего оклеветать его и, чтобы развеять всякие подозрения у своих подданных, подверг ассасинов жестоким гонениям, что, разумеется, не осталось без ответа — на султана напали и тяжело ранили.

У персидского историка Рашид ад-Дина мы находим список убитых при Хасане ибн Саббахе и его преемниках. Среди них — багдадские и каирские халифы, визири и эмиры сельджукской державы, правители иранских и сирийских городов и областей, казии и муфтии. В хронике помечено, кто, когда, в какой провинции и в каком городе был убит. В иных случаях точно указано место, где совершилось убийство, — тут и ме-

четь в Исфахане и Дамаске, и султанский дворец, и военный лагерь. Историк называет имена фидаев. Если преступление совершили несколько фидаев (например в убийстве фатимидского халифа участвовало семь человек), историк указывает их число, не называя имен.

Террор ассасинов не распространялся на низшие слои общества (два-три предателя, упомянутые в списке, — исключение). Ассасины считали убийство не только делом геройским, но более справедливым и гуманным способом борьбы с врагами, чем война, ибо оно приводило к меньшему кровопролитию.

В 1139 г. рукой некоего Ибрахима Дамгани был убит тбилисский казний, приговоривший к смерти ассасинов (мотивом для убийства казия, как правило, служила месть).

Рука Хасана ибн Саббаха дотягивалась даже до далекого Тбилиси. Впрочем, что говорить о Тбилиси — следы действий фидаев обнаруживались в Марселе и Париже.

Ассасины держали весь мусульманский мир в таком страхе, что каждый хоть в чем-то провинившийся перед ними постоянно носил под платьем кольцо.

В некоторых случаях ассасины ограничивались простой угрозой. Когда султан Санджар двинулся на них походом, намереваясь овладеть Аламутской твердыней, то, проснувшись однажды утром, обнаружил в своей палатке кинжал, воткнутый в землю у ложа, и записку, в которой сообщалось, что этот самый кинжал может оказаться в его груди, если он не повернет назад.

Персидский историк Джувейни уверяет, что он своими глазами видел в Аламутской библиотеке льстивые послания Санджара к повелителю ассасинов с просьбой установить мирные отношения.

Угрожали ассасины и всемогущему султану Египта Саладину, после чего дважды покушались на его жизнь, правда, безрезультатно. Сей прославленный султан, курд по происхождению, отвоевавший в 1187 г. у крестоносцев Иерусалим и в течение нескольких лет завоевавший большую часть Сирии-Палестины, остерегаясь нападения фидаев, спал в передвижной деревянной башне.

На страх и ненависть к ассасинам указывало само их прозвище — хаппашин. Ведь гашиш доводит человека до беспомощности, до безумия, а мусульмане полагали, что в ясном уме никто не станет бездумно рисковать своей жизнью, как рисковали ассасины, а значит, сначала их гашишем доводили до умопомрачения, когда они готовы были безрассудно жертвовать собой. Одурманенному фидаю грезился «райский сад», и он согласен был пойти на смерть, лишь бы попасть в него. Однако наивно думать, что постоянное курение гашиша могло сделать человека смелым, волевым. Наоборот, наркотик вызывает физическое и умственное истощение, а это могло оказаться роковым для того, кто отправлялся на опасное, рискованное убийство. Возможно, гашиш и давали, но всего один раз, чтобы пригрезился этот рай (как рассказывает Марко Поло).

Ассасины нередко помогали крестоносцам в их борьбе против мусульман, но и с крестоносцами не церемонились. Нож фидая не делал различия между христианином и мусульманином.

Иногда ассасины выступали и как наемные убийцы. Полагают, что Конрад Монферратский был убит по поручению Саладина или Ричарда Львиное Сердце.

Ассасинов часто ждала кровавая расплата. Вот что рассказывает персидский историк Равенди.

В начале XII в. ассасины захватили крепость неподалеку от Исфахана; встревоженные этим сельджуки в свою очередь осадили эту крепость. Ассасины оказались в тяжелом положении: иссякли запасы пищи. Их предводитель Ибн Атташ сообщил об этом визирю султана, тайному приверженцу ассасинов, и попросил помощи. Визирь предложил Ибн Атташу потерпеть два-три дня, пока прикончит «эту собаку» (т. е. султана). Султан Мухаммед не переносил летней жары, и ему хотя бы раз в месяц, делал кровопускание. На этот раз отравленное лезвие подкупленного цирюльника должно было спровести султана на тот свет. Однако тайное стало явным. Заговорщиков казнили, а цирюльнику выпустили кровь его же бритвой. Два дня спустя, Ибн Атташ сдался. Его усадили на верблюда и повели по улицам Исфахана на показ высыпавшим из домов жителям. Ибн Атташа забрасывали комьями грязи, награждали оскорбительными словечками и стишками. Ибн Атташ был сведущ в астрологии, и кто-то спросил, издеваясь, как же он не предугадал своей участи. Тот ответил — гороскоп предсказал, что он проедет по Исфахану с большими почестями, чем оказывают государю, но что с такими — этого он не мог предвидеть! Ибн Атташа казнили, содрав с него кожу. Но прошло совсем немного времени, и ассасины истребили всех виновных в его казни. В числе других прикончили и исфаханского казия.

Ассасины подточили могущество Сельджукидов. Прав оказался знаменитый визирь Низам ал-Мульк. В своем политическом трактате «Сиясет-наме» он предостерегал султана, что у сельджуков нет врага более опасного, чем ассасины, и когда они выйдут из своих тайных убежищ, последуют страшные бедствия. Низам ал-Мульк мечтал уничтожить орден ассасинов в самом начале его возникновения. Он знал и то, что ассасинов возглавлял Хасан ибн Саббах, и всячески преследовал его.

Существует легенда, будто бы Низам ал-Мульк, Хасан ибн Саббах и Омар Хайям в юности вместе учились и дали клятву оказывать покровительство друг другу, если один из них добьется высокого положения. Омар Хайям выбрал поэзию и науку. Хасан ибн Саббах и Низам ал-Мульк возвысились при дворе Сельджукидов. Затем будущий глава ордена ассасинов стал строить козни против Низам ал-Мулька, но тот оказался ему не по зубам. Хасана ибн Саббаха изгнали из дворца. И якобы именно поэтому Хасан ибн Саббах начал мстить сельджукам. Действительно, первой жертвой фидаев был Низам ал-Мульк. И все же повесть о трех друзьях — всего лишь легенда, они не были даже сверстниками.

Свыше полутора столетий Аламут оставался неприступным, а самоотверженный фидай и его острый нож ждали лишь знака своего повелителя.

В 1256 г. Аламут захватили и разрушили монголы. Победоносный Хулагу-хан, захватив крепость, поднялся осмотреть

ее и, по словам Рашид ад-Дина, «от величия той горы прикусил зубами палец удивления».

Монголы перебили всех ассасинов — от мала до велика, не оставив от них и следа. Секта исмаилитов и поныне существует в некоторых восточных странах, но орден ассасинов с падением Аламута стал достоянием истории.

ИМЯ ИМ — ГЕОРГИАНЫ

«Во время пребывания в Дамьетте легата вашего мы получили ваш высочайший совет и указ, дабы брат мой выступил на подмогу христианам. И он, имея это намерение, готовился к выступлению, когда в нашу страну вторглись злодеитатары». — писала в 1223 г. папе римскому царица Грузии Русудан, дочь царицы Тамар (уже после смерти ее брата царя Георгия Лаша и первого вторжения монголов). Почти то же самое повторял амирспасалар Грузии Иванэ Мхаргдзели.

Их письма были получены в Риме в 1224 г., а пятый крестовый поход начался в 1218 г.

Как возможна и близка, оказывается, была помощь крестоносцам из Грузии! Сорокатысячное войско, уже снаряженное и готовое к бою, должно было отправиться в сторону Палестины под водительством молодого царя Грузии Георгия Лаша воевать вместе с крестоносцами против общего врага.

«О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!» — так всегда считали в Грузии — и до написания этой строки, и после — когда наизусть знали «Витязя в тигровой шкуре». Другом считался каждый христианин — и из соседних стран, и из чужедальних, — потому что был у них один и тот же бог, и одни и те же молитвы возносили ему на родном языке и в храме, и на поле боя, и в горе и в радости, с рождения и до самой смерти.

Вот почему в Грузии в период могущества готовы были помочь единоверцам, а в трудную пору от них ждали помощи и защиты.

В эпоху правления Тамар среди сопредельных стран у Грузии не было серьезного врага и соперника. Арабские халифы давно утратили свою былую мощь, ушла в историю империя, сколоченная сельджуками, еще не ступали на грузинскую землю ни гонимые монголами хорезмийцы, ни сами монголы. Османская империя лежала в колыбели, а династия Сефевидов еще не родилась.

Сильное грузинское царство считало себя покровителем восточных христиан. И на Грузию надеялись, так как слова ее подкреплялись делами. Когда ардебильский султан разорил город Ани, оросив церкви кровью христиан-армян, грузинское правительство немедленно направило в Ардебиль войска. Армянский историк Вардан писал, что в годы царствования Тамар христианство укрепилось.

Правители Грузии прекрасно понимали, что мусульманское море, со всех сторон обступившее страну, грозило поглотить ее и смыть ее будущее. Под властью очередного завоева-

теля не сегодня-завтра вновь могли объединиться разрозненные мусульманские владения и снести, смыть христианский островок, потому что у грузинского народа другой был язык, другому молился он богу, других придерживался нравов, и обываев, созидание предпочитал разрушению, свободу — рабству.

Бог мусульман знал и признавал один-единственный язык — арабский — и устами своего пророка призывал всех мусульман: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха. И приготовьте для них сколько можете силы и отрядов конницы; ими вы устрашите врага Аллаха. И убивайте их, где встретите... Если Аллах окажет вам помощь, то нет победителя для вас... Не вы их убивали, но Аллах убивал их... О пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни, а если будет среди вас тысяча, то они победят две тысячи с дозволения Аллаха — ведь Аллах с терпеливыми!.. Поистине, те, которые не веруют в знамения Аллаха, — для них сильнее наказание. Поистине, Аллах велик, обладатель мщения!.. О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам.... И не берите из них ни друзей, ни помощников. Аллаху принадлежит и Восток, и Запад!».

Эти слова выписаны из Корана.

Различие в вероисповедании разобщало народы, но наряду с мусульманским мечом существовала мусульманская культура, влияние которой простиралось до Европы. «Находившаяся на рубеже Азии и Европы Грузия, — писал И. А. Джавахишвили, — усваивала и объединяла культуру и просвещение Востока и Запада».

В 1187 г. прославленный султан Египта Саладин, основоположник династии Айюбидов, вдохновитель священной войны против крестоносцев, взял Иерусалим, почти столетие находившийся в руках христиан. Он же захватил множество крепостей и укреплений в Сирии-Палестине, сильно оттеснив франков. Европа объявила третий крестовый поход, но даже предводительство Ричарда Львиное Сердце не перетянуло чашу весов в сторону христиан — Иерусалим остался в руках мусульман. Четвертый поход крестоносцев (1202 — 1204) закончился взятием Константинополя — вместо Иерусалима! А Иерусалим по-прежнему оставался в руках мусульман.

Прошло еще тринадцать лет, и начался пятый крестовый поход, ставивший целью освобождение Иерусалима.

В мае 1218 г. войска крестоносцев подступили к египетскому порту Дамьетта.

Палестинский епископ Жак де Витри в сентябре того же года объяснял папе римскому в своих посланиях, почему крестоносцы оказались вдруг в Египте. Страшно знойное лето не благоприятствовало, дескать, наступлению на Иерусалим, окруженный пустыней, а Египет в отличие от Иерусалима, был страной плодородной и изобилующей водой.

Неприступные крепости-твердыни имелись в трех египетских городах, в том числе в Дамьетте, который называли «ключом к Египту» — через него открывался путь к остальным городам.

1935321
822 ПР1033

Арабский историк Ибн аль-Фурат приводит слова предводителя крестоносцев: «Именно благодаря ресурсам этой богатой страны сумел Саладин завоевать Сирию-Палестину. Если бы мы захватим Египет, легко отвоюем Иерусалим вместе с другими владениями».

Войска крестоносцев этнически были пестрыми: французы, англичане, немцы, итальянцы. Поход возглавляли король Иерусалима Иоанн и австрийский герцог Леопольд.

Летом к крестоносцам прибыл папский легат Пелагиус, дабы укрепить дух братства и единства между крестоносцами разных национальностей.

Осада Дамьеты затянулась.

В начале 1219 г. султан Египта ал-Камил, племянник Саладина, вступает в мирные переговоры с крестоносцами. Он предлагает им вернуть Иерусалимское королевство, за исключением нескольких крепостей на пути из Палестины в Египет, выплатить определенную дань в качестве компенсации за них и заключить мир на тридцать лет. Взамен крестоносцы должны были отойти от Египта.

Король Иерусалима согласился принять эти заманчивые предложения — ведь конечной целью крестового похода было именно восстановление иерусалимского королевства, но кардинал Пелагиус категорически отверг предложение о мире. Он активно вмешивался в военные дела, считая, что крестоносцы подвластны римской церкви, а не королю Иерусалима.

Назревал конфликт между ним и предводителями похода. Прибывшие в большом количестве из Италии вспомогательные силы признавали лишь волю кардинала. На его стороне были и монахи-рыцари — тамплиеры и госпитальеры. А когда «обнаружили» вдруг рукопись на арабском языке, предсказывавшую падение Дамьеты, авторитет кардинала Пелагиуса утвердился окончательно.

Ал-Камил призвал на помощь своего младшего брата — султана Дамаска ал-Муаззама. Отправляясь в Египет, он разрушил стены Иерусалима и лучшие крепости Сирии. Защищать их все равно было бы невозможно: в Сирии оставалось совсем мало войска, а кроме того, султан Дамаска трезво рассудил, что, даже если крестоносцы займут эти крепости, они не сразу их восстановят и мусульмане окажутся в более выгодном положении.

Было это в марте 1219 года.

Весть о действиях ал-Муаззама быстро дошла до Дамьеты и привела крестоносцев, увлеченных наступлением, в замешательство.

Сначала поле боя оставил австрийский герцог, весной он уехал домой. Его примеру последовали другие. Кардинал Пелагиус умолял покидавших поход крестоносцев потерпеть хотя бы до осени, щедро обещал индульгенции для отпущения не только их собственных грехов, но и грехов их ближайших родственников, которые могли быть совершены в будущем.

Но и у мусульман дела обстояли не лучше. Султан Египта ничем не смог помочь осажденным жителям Дамьеты, где уже начался голод. Желая приободрить население Египта, по улицам Каира провели закованных в кандалы пленных. Затем

отобрали двух из них и направили посланниками в лагерь крестоносцев.

Ал-Камил, кроме того, что предлагал крестоносцам, еще, обязываясь теперь взять на себя расходы по восстановлению Иерусалима и разрушенных его братом крепостей, отдал заложниками двадцать мусульман знатного происхождения, освободить всех пленных христиан, которые нашлись бы в живых где-либо на землях Египта и Сирии.

Однако кардинал Пелагиус по-прежнему упорствовал и не шел на заключение мира, доказывая всем, кто ему возражал, что это уловка мусульман, благодаря которой они внесут раздор в ряды крестоносцев, после чего снова без труда захватят Иерусалим, главные крепости которого уже разрушены.

Дальновидный кардинал настоял на своем, и крестоносцы с удвоенной энергией атаковали врага.

В ноябре 1219 г. Дамьетта пала.

Настал черед Каира. В это самое время и прибыли в Дамьетту послы грузинского царя Георгия Лаша. Кардинал Пелагиус от имени папы римского призвал его прислать войска на помощь крестоносцам.

Упомянутый выше Жак де Витри, познакомился с послами Георгия Лаша, вероятно, именно в Дамьетте. Он так характеризует грузин в своей книге «История Иерусалима»: «Они весьма отважны и мужественны в бою, крепкого телосложения, победоносные, несметные числом воинов. Сарацины их очень боятся. Часто нападая на персов, мидийцев, ассирийцев, с которыми соседствуют, окруженные безбожными нехристианскими народами, чинят им урон. Имя им — Георгианы, поскольку у них особенно почитается св. Георгий, они считают его своим покровителем и знаменосцем в борьбе с нехристями и славят больше всех других святых. Всякий раз, когда они прибывают в святой город поклониться гробу господню, вступают в Иерусалим с развернутыми знаменами и никому не платят дани. Сарацины не осмеливаются нападать на них, ибо, вернувшись домой, они могут в отместку напасть на живущих по соседству мусульман. Их благородные женщины подобно амазонкам воюют с оружием в руках бок о бок с рыцарями...».

Дальше Жак де Витри рассказывает, что разрушение Иерусалима сильно встревожило грузин, и они пригрозили султану Дамаска. Ведь в Иерусалиме были грузинские монастыри...

Грузинские послы сообщили своему царю о призыве папы. По словам И. А. Джавахишвили, план военной помощи крестоносцам пришелся по сердцу Георгию Лаша, и он охотно согласился выступить в поход.

Венецианский историк Марино Сануто передает, что грузины с радостью встретили взятие крестоносцами Дамьеты и решили оказать им самую большую помощь — взять Дамаск.

Это было бы роковым ударом по наследникам Саладина. Султану Дамаска ал-Муаззаму, отправившемуся в Египет на помощь брату, пришлось бы вернуться назад, защищать Дамаск, а это ослабило бы силы мусульман. А в ином случае последствия для ал-Муаззама и всех мусульман оказались бы еще печальнее.

Георгий Лаша планировал смелую военную операцию. Дальний поход требовал серьезной подготовки. Определенный опыт в этом смысле у грузинского войска уже имелся. Всего лет за десять перед этим был совершен победоносный поход в глубь Хорасана, куда, по словам одного из историков царицы Тамар, «никто из грузин не ходил походом — ни царь, ни князь. Оказать им противодействие не мог в Персии ни один султан: ни хорасанский, ни иракский, и ни кто-либо другой». Только тяжесть захваченной добычи вынудила грузинское войско прекратить свое «победоносное продвижение», которое по сравнению с возможным походом Георгия Лаша показалось бы незначительным.

Тем временем ал-Камил, спасая Египет, призвал на помощь своего второго брата — ал-Ашрафа, правителя Диярбекира и Хлата, соседа Грузии.

Ал-Ашраф колебался. Его отъезд полностью открывал дорогу к Дамаску грузинскому войску.

Ал-Камил еще раз предложил мир крестоносцам, и те еще раз упустили возможность без войны овладеть Иерусалимом, что и было конечной целью пятого крестового похода.

Кардинал Пелагиус упорствовал, ожидая вспомогательных военных сил, надеясь, очевидно, повергнуть к своим стопам весь мусульманский мир. Как знать, может, он родился быть военачальником, а не служителем господ бога! Впрочем, он и был фактически военачальником, ибо король Иерусалима после взятия Дамьетты не принимал больше участия в походе.

В конце 1220 г. папа римский обнадежил кардинала Пелагиуса заверением, что германский император торжественно обещает в марте следующего года отправить войско на помощь крестоносцам, а в августе отправиться туда сам.

Кардинал со своей стороны сообщил папе, что грузины-христиане, искусные в военном деле, готовятся к крестовому походу против сарацинов.

Приведенная в книге Жака де Витри характеристика грузин показывает, какие большие надежды возлагали предводители пятого крестового похода на военные силы христианской Грузии.

Но все смешало и изменило появление в 1220 г. на грузинской земле монголов.

Кардинал Пелагиус с нетерпением ждал помощи с запада и с востока. Но император Германии, обещавший помощь, запаздывал, а войска Георгия Лаша были обескровлены в войне с монголами.

В конце лета 1221 г. ал-Камил при энергичной поддержке своих братьев ал-Муаззама и ал-Ашрафа нанес поражение уже обессиленному врагу, и в сентябре они отвоевали Дамьетту.

«Аллах даровал мусульманам неожиданную победу», — пишет арабский историк Ибн ал-Асир. Вершиной их надежд было возвращение Дамьетты ценой потери Сирии-Палестины, но милость аллаха превзошла всякие ожидания.

Так закончился пятый крестовый поход.

Вину за поражение крестоносцы свалили на кардинала Пелагиуса. Они упрекали его в том, что он не воспользовался взятием Дамьетты, а присвоив себе права главнокомандующе-

го, думал не о восстановлении Иерусалимского королевства, а о завоевании Египта.

Но кто знает, что стали бы говорить противники кардинала, если бы сорокатысячное грузинское войско ввязалось в войну на стороне крестоносцев. Тогда и Георгий Лаша воинственно смело мог бы взглянуть в глаза своему славному прапрадеду Давиду Строителю и занять в истории Грузии место среди самых достойных.

И тогда бы нам не показался преувеличением искренний панегирик некоего французского рыцаря, который незадолго до этих событий уподобил Георгия Лаша Александру Македонскому.

В письмах царицы Русудан и Иванэ Мхаргдзели к папе вновь поднимался вопрос о помощи крестоносцам, но в самой Европе организация очередного похода затянулась, а тем временем в Грузию вторгся хорезмшах Джелал ад-Дин, а потом опять монголы, и судьба страны резко изменилась.

И Русудан уже самой пришлось просить помощи у папы римского, но в ответ она получала лишь молитвы.

Никому не было дела до Грузии.

Уходила в историю эпоха крестовых походов.

МАРИУЧА

«Растоптал, согнал с земли, угнал в плен, разорил и опустошил...» — так описывает Вахушти Багратиони вторжение шаха Аббаса в Кахетию в 1616 г. Эта лаконичная фраза вместила неисчислимые бедствия, кровь и слезы, безмерные страдания и муки тысяч людей, навеки запечатленную рану в памяти народной.

Даже по словам персидского историка Искандера Муниши, со дня возникновения ислама ни один край не подвергался такому бесчеловечному разорению и опустошению, ничьи дома не разрушались и ни один народ не истреблялся так, как кахетинские христиане. Историк приводит цифры этой неслыханной трагедии: число убитых превышало семьдесят тысяч, а захваченных в плен юношей и девушек, по описи, — более ста тысяч.

Горькой была участь угнанных в Иран грузин. «Избранные» пополняли кызылбашские гаремы и войско. Удел остальных был намного горше.

Необычна история некой грузинки, известной в Грузии под именем Тинатин Циба. От какой грузинской фамилии сохранилась усеченная форма «Циба» или «Зиба», установить трудно, ибо в книге итальянского путешественника Пьетро делла Валле, который рассказывает о Тинатин, написано Ziba, известно лишь, что происходила она из знатного рода Кахетинского царства.

Итальянский путешественник приехал в столицу Сефевидов Исфahan в начале 1617 г. со своей супругой, сирийской христианкой Маани. В том же году они познакомились и подружились с тремя грузинками, сестрами алавердского митрополита.

Сестры попросили Пьетро делла Валле, доброго христианина, приютить маленькую грузинку, отец которой погиб в бою с кызылбашами во время вторжения шаха Аббаса в Кахетию, а мать — после насильственного переселения в Иран. Девочка осталась сиротой, в чужом краю. Сестры митрополита приходились ей дальними родственницами, но сами оказались в тяжелой нужде и, лишённые всяких средств к существованию и прав, не могли воспитать ее. А Пьетро делла Валле, неофициальный посланник римского папы, считался гостем шаха Аббаса, и поселившуюся у него девочку не посмели бы забрать в гарем шаха или знатного кызылбаша.

Пьетро с супругой охотно согласились взять ребенка. Госпожа Маани стала называть ее Мариучей и «панчулой» («панчула» по-итальянски — девочка от 7 до 12 лет). Мариуче было тогда семь лет.

Росла Мариуча в семье Пьетро делла Валле как приемная дочь, окруженная заботой и любовью. Ее няня-грузинка, по словам Пьетро, чудесная девушка по имени Маринэ, воспитанная при дворе грузинского царя, умела читать и писать на родном языке. В доме экономкой у Пьетро делла Валле была тоже грузинка — Мзистандари. Пьетро с супругой очень дорожили ею из-за ее доброго нрава и скромного поведения. Еще больше дорога была она Мариуче, потому что носила имя ее матери и, надо думать, заменяла ей мать, ведь супруга Пьетро всего на двенадцать лет была старше Мариучи и годилась ей скорее в подруги, чем в матери.

Спустя некоторое время Мзистандари нашла своих сыновей и переехала к ним, а Маринэ вышла замуж за переселенного в Иран грузина.

В конце 1621 г. итальянского путешественника постигло безмерное горе. Когда семья находилась в Минаби, окруженном болотами городке на юге Ирана, рядом с Бендер-Аббасом, Маани и ее брат Абдулла заболели малярией. Слегла и Мариуча.

Маани умирала. Удрученный сидел Пьетро у постели умирающей, глядя, как прямо на глазах таяла любимая женщина. Тяжело было одному, хотелось, чтобы кто-то разделил с ним его горе. Он позвал Абдуллу и Мариучу. Обессиленный лихорадкой Абдулла не смог подняться, а Мариуча, превозмогая слабость, встала и, еле держась на ногах, подошла к Маани. Горько рыдая, Пьетро читал молитву, Мариуча держала горящую свечу, госпожа Маани прощалась с жизнью.

Было это 30 декабря.

Умирая, молодая женщина вручила судьбу одиннадцатилетней приемной дочери супругу, и Пьетро поклялся не покидать Мариучу. С честью выполнит он клятву, данную Маани...

Через полгода Мариуче пришлось сделать выбор, который определил ее будущее.

Стоял июнь 1622 года. Пьетро делла Валле уже пять лет жил в Иране и знал о нашествии шаха Аббаса на Грузию, о разорении Кахетии. Ему было известно и то, что в Ширазе держат заложницей царицу Кетэван, мать кахетинского царя Теймураза. Она твердо держалась своей веры, своего языка и

обычаев и была из-за этого фактически лишена свободы. Непонятно, кто она — переселенка или узница, — замечает итальянский путешественник. Пьетро пытался установить связь с грузинской царицей, познакомиться с кем-либо из ее окружения, пробить стены невидимой крепости, в которой была заточена почетная пленница шаха Аббаса.

Судьба улыбнулась Пьетро. Гуляя однажды по улицам Шираза, он забрел в лавку портного заказать себе платье. Вместе с ним туда зашел степенного вида человек, который стал беседовать с хозяином лавки по-турецки и по-персидски, но Пьетро по его высокой каракулевой шапке и длинной бороде сразу признал в нем грузинского священника и решил, что это тот единственный священник, который был при царице Кетэван. Портной подтвердил его догадку. Позже он узнал, что священника звали Георгием. Его можно было считать скорее придворным, поскольку он был стольником и моурави царицы.

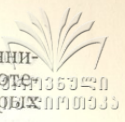
Итальянец догнал священника на улице и остановил. В уличной суতোлке он не стал с ним долго разговаривать, зная, что персы следят за слугами и приближенными царицы Кетэван, но дал ему понять, что он тоже христианин и хотел бы встретиться с ним в другое время и в другой обстановке. Грузинский священник так же вежливо ответил иноземцу, что не возражает.

Рано утром 27 июня священник пришел к Пьетро. Хозяин пригласил гостя к столу, но тот отказался: у грузин начался пост, и к тому же гость, торопясь к нему, не успел еще совершить утренней молитвы. Он пробыл у нового знакомого довольно долго, много всякого порассказав о Грузии и грузинах, подтвердил то, что уже слышал Пьетро, а именно — казнь царя Луарсаба и оскпление сыновей Теймураза — Левана и Александра, о чем царица Кетэван, их бабушка, еще не знала. От нее скрывали эту страшную весть, не желая наносить новые раны ее истерзанной бедами и долгим пленом душе.

Священник сообщил, что при царице в Ширазе находилось около двадцати человек, мужчин и женщин, — все грузины-христиане. У них было много книг, крестов, икон. Часть икон удалось вывезти из Грузии, часть собрали в Иране, покупая у мусульман, награвивших их в Грузии и Ормузе, или получая в дар.

Самого Георгия хан Шираза, грузин Имам Кули-хан Ундилладе, несколько раз направлял в Исфахан как искусного садовника (Пьетро делла Валле отмечает, кстати, что грузины более искусны в разведении садов и виноградников, чем персы).

Итальянец рассказал гостю о себе: кто он, откуда, с какой целью путешествует по Востоку. В заключение он просил передать нижайший поклон царице Кетэван, сказав, что хорошо знает, сколько страданий вместе со всем грузинским народом она приняла от мусульман и что он готов не только употребить все свое ничтожное влияние, но не пожалеет и жизни, если понадобится ей послужить. Пьетро просил передать царице, что в Италию он возвратится через Константинополь, где, вероятно, встретится с ее сыном, царем Геймуразом, который находился тогда в Османской Турции. И добавил, что мечтает хоть краем глаза увидеть Грузию.

В конце беседы Пьетро делла Валле попросил священника передать царице, что у него живет Тинатин Зиба, ее соотечественница и подданная, дочь именитых родителей, которых ее величество знает лучше него.

К этому времени вернулась Мариуча. Она заговорила со священником на родном языке и рассказала ему обо всем, что приключилось с ней в Иране.

Пьетро делла Валле и священник Георгий договорились в самое ближайшее время представить Мариучу царице Кетэван.

Прошло больше месяца, а священник словно сквозь землю провалился. Оказалось, хан Шираза брал его с собой за город в свой военный лагерь. Возвратившись, он тут же навестил итальянца и сообщил ему, что царица с нетерпением ждет Мариучу.

Легко представить, как тепло встретила многострадальная царица осиротевшую девочку, думая, наверное, о том, сколько в Иране таких сирот, закинутых злой судьбой из Грузии.

Царица Кетэван знала не только, чья она дочь, но и о заслугах ее предков перед Грузией. Она подробно расспросила Мариучу о ее воспитателе, друзьях-грузинах Пьетро делла Валле, живших в Исфохане. И сама поведала ей о своих страданиях и о бедах, выпавших на долю Грузии.

Пьетро делла Валле отмечает, что царица вела с девочкой очень серьезный разговор, хотя той было всего двенадцать лет.

После беседы царица распорядилась отвести Мариучу в сад погулять до обеда.

Среди приглашенных к обеду была родственница царицы, принявшая мусульманство и следовавшая предписаниям новой веры. Тут же были и ее дети: дочь, обрученная по приказу шаха не то с черкесом, не то с грузином, перешедшим в ислам, и сын, воспитанник царицы Кетэван, постоянно находившийся при ней.

За обедом между братом и сестрой вспыхнул спор из-за религии. Девушка бесцеремонно восторгалась исламом.

В доме Пьетро делла Валле велись беседы о вере, и Мариуча, приученная свободно высказывать свои мысли, смело вступила в спор, приняв сторону мальчика. Как вспоминает итальянец, «Мариуча высмеяла ислам в тех словах и выражениях, что распространены были среди здешних христиан». Царица много смеялась над этим «религиозным диспутом» и выразила удовлетворение воспитанием своей маленькой гостьи.

Царица несколько раз принимала Мариучу, обращаясь с ней радушно и ласково.

Пьетро, видимо, собирался оставить девочку у грузинской царицы, но Мариуча иначе решила свою судьбу.

Пьетро делла Валле отправлялся в Индию, а оттуда должен был вернуться на родину. Когда царица спросила Мариучу, поедет ли она со своим воспитателем или же останется с ней, та горячо поблагодарила ее, сказав, что не знает лучшей участи, чем быть при царице, но пока она христианка, ей не жить среди неверных. Конечно, она понимает, что нелегко будет привыкнуть к жизни на чужбине, но зато она окажется среди хри-

стиан. И она почтительно просила царицу позволить ей поехать в Рим со своим благодетелем.

Царица Кетэван была восхищена ее разумными речами и одобрила ее, понимая, что осиротевшей грузинке лучше быть свободной в далекой Италии, чем жить в иранском плену, хотя бы даже и со своими соотечественниками. Какое покровительство в Ширазе могла оказать девочке и всем своим подданным лишенная власти и прав царица?

«Мариуча оказала мне большую честь, предпочтя остаться со мной, а не с царицей», — пишет Пьетро делла Валле.

За день до отъезда из Шираза Пьетро преподнес царице через Мариучу золоченый медальон, на одной стороне которого было изображено успешное богородицы, а на другой — св. Джироламо со львом.

Царице подарок очень понравился, и она в ответ послала ему свой — два латинских молитвенника, купленных ею у кызылбашей. На полях одного из них была пометка, сделанная рукой царицы.

Пьетро делла Валле писал: «Я храню эти книги среди самых дорогих мне предметов в память о столь достойной и славной женщине, как царица Кетэван».

Настал час разлуки. Никто из них не знал тогда, что через два года жестокая смерть оборвет жизнь пленницы.

Пьетро и Мариуча покинули Шираз в сентябре 1622 г., а в ноябре были уже в Гомбруне (Бендер-Аббас), откуда собирались ехать морем в Индию, но тут выяснилось, что женщина не имеет права без разрешения покинуть сефевидское государство, даже вместе с отцом или мужем.

И Пьетро делла Валле пустился на хитрость: одел Мариучу в мужское платье, накрутил ей на голову кызылбашскую чалму, опоясал мечом. Девочка была довольно высокой и в сумерках сошла за юного спутника Пьетро. Портовые служащие ничего не заподозрили.

Поездив по Индии, Пьетро делла Валле со своей спутницей отправились в Италию.

В 1625 г. в Басре они узнали о мученической смерти царицы Кетэван.

В 1626 г. в марте они прибыли в Рим.

Пьетро Беллори, биограф итальянского путешественника, сообщает, что Пьетро делла Валле похоронил в своей фамильной усыпальнице останки любимой Маани, которые четыре года возил с собой по суше и воде. Потом он явился к папе, и тот принял его с почестями, которые оказывались писателям и воинам.

Пьетро делла Валле рассказал папе о своем путешествии и преподнес ему свою рукопись «Информация о Грузии», где описывались бедствия маленькой христианской страны. Он сказал папе, что грузины ведут постоянную борьбу с самыми сильными врагами христиан — турками и персами, — и не раз побеждали их. И поэтому римская церковь должна быть благодарна стране, достойной помощи и поддержки.

Пьетро так и не смог побывать в Грузии. Но он никогда не забывал страну, полюбившуюся ему благодаря близкому общению с грузинами в Иране. Он пишет, что, хотя и не был

в этой стране, знает по рассказам очевидцев, что она очень красива и напоминает самые живописные уголки Ломбардии. ...Пьетро делла Валле долго и тяжело переживал потерю любимой Маани, но жизнь продолжалась, время залечило рану. Маленькая Мариуча превратилась в прелестную девушку и стала его женой.

В 1652 г. в возрасте 66 лет Пьетро делла Валле скончался.

Через десять лет его жену навещил Пьетро Беллори. Тинатин передала гостю портреты, написанные ее мужем: один — госпожи Маани, другой — ее собственный, где она изображена в грузинском платье. Он же приводит список сочинений итальянского путешественника, где упоминается и «История синьоры Мариин ди Зибя, второй супруги Пьетро делла Валле», которая была написана в 1644 г.

Современники называли Пьетро делла Валле, объездившего множество стран, «римским Улиссом» (Одиссеем). Известный английский историк Эдуард Гиббон, автор книги «История упадка и разрушения Римской империи», не отличающийся щедростью на похвалы, говорит: «Никто из путешественников не изучил и не описал так хорошо Иран, как делла Валле».

«Путешествия» Пьетро делла Валле были переведены на французский, немецкий, английский и голландский языки. Европейский читатель глазами итальянского путешественника видел восточные страны изнакомился с судьбой переселенных в Иран грузин, с историей Мариучи, царицы Кетэван и священника Георгия...

«НУ ГАТАТРДЭБИ!»

В лексиконе грузинского ученого и писателя Сулхана-Саба Орбелиани дается любопытное пояснение «Ну гататрдэби» («Не отатаривайся»): «Египетский голубь, небольшая птичка, похожая на горлинку, живет в Мисре и Ширазе, увидев путешника, выкрикивает по-грузински: «Ну гататрдэби!». По этой причине татары называют ее «гяур-куши» — «неверная птица».

Трудно сказать, в самом ли деле существовала такая необычная птица, говорившая с заброшенными на чужбину грузинами на их родном языке, но в каждой легенде есть доля правды. «Гяур-куши», вероятно, и в самом деле выкрикивала что-то созвучное священному завету предков: «Ну гататрдэби» («Не отатаривайся») — ты грузин и грузином умри.

Судя по грузинским хроникам, «отатариться» значило принять ислам. Но, переходя в мусульманство, изменив веру, грузин переставал быть не только христианином, но и грузином, т. е. лишался своей национальности. Этого требовал аллах, этого требовал его посланник пророк Мухаммед, этого требовала и «тень аллаха» на земле, именуемая то шахом Тахмаспом, то шахом Аббасом...

Ислам просто разрешал национальный вопрос: население всего многонационального мира он разделял на мусульман и гяуров — на правоверных и неверных.

Пьетро делла Валле передает эпизод.

В 1618 г. он вместе с шахским двором направлялся в сторону Казвина. Ночью им повстречалась большая группа знатных грузин. Супруга Пьетро Маани ехала в паланкине персидского образца, чем привлекла внимание грузин. Светила яркая луна. Все окружили паланкин Маани — не только мужчины, но и их жены, ехавшие, как принято в Грузии, верхом. Грузинки, лица которых не покрывала чадра, хотя они и находились во владениях мусульман, поздоровались с Маани и заговорили с ней по-грузински. Супруга Пьетро знала, откуда они родом, и сердечно ответила им, а потом показала свой крест. При виде креста грузинки воскликнули: «Картвели! Картвели! (по-русски: «Грузинка! Грузинка!»). В оригинале — «cartueli»).

Пьетро делла Валле поясняет итальянскому читателю слово «картвели» (итальянцы называют грузин «джорджано») и отмечает, что для самих грузин слово «картвели» равнозначно слову «христианин» и даже — «добрый христианин». Поэтому, узнав, что Маани христианка, они приняли ее за грузинку. Он сообщает также, что грузины всех мусульман называют «татарами», из какой бы страны они ни были.

К обступившим паланкин грузинам подошел и Пьетро. Грузинские вельможи отнеслись исключительно дружелюбно к итальянскому путешественнику, который дал им понять, что он тоже христианин. Радость грузин была понятной: где-то на казвинской дороге столкнуться с путешественником из Рима, с единомышленником, почти соплеменником!

Дальше они последовали вместе. Рядом с Пьетро ехал рослый грузин в богатой одежде. Прижимая к груди руку итальянца, он говорил что-то ему проникновенно по-грузински. Пьетро не понимал слов, но по жестике догадался, что тот выражал ему свою благосклонность, и это очень растрогало итальянца. Он, видимо, так и не узнал, кто были эти грузины и с какой целью прибыли ко двору Сефевидов.

В Иране итальянскому путешественнику на каждом шагу встречались грузины — мужчины и женщины, дети и старики, князья, дворяне, священники и крестьяне.

«В данное время костяк иранского войска составляют грузины», — писал Пьетро делла Валле. Число их достигало тридцати тысяч. Незначительная часть их с детства росла в мусульманской вере, большинство же переходило в ислам в зрелом возрасте. Одни меняли веру из корыстных соображений, другие — из честолюбия, но большинство — из нужды, спасая себя и семью от голода.

В сефевидских войсках грузинам платили щедро, их высоко ценили, зато они несли бремя постоянной военной службы: до самой смерти им суждено было рубить мечом на благо сефевидской державы.

Воины-грузины, по словам Пьетро делла Валле, потеряли свою родину — страну куда более прекрасную, чем Иран, потеряли веру предков, свою землю, достояние, родных и близких: одни во время нашествия бежали в безопасные места, других убивали, третьих угоняли в Иран. «Все это больно ра-

нит душу каждого благоразумного человека», — заключает итальянский путешественник.

От наблюдательного глаза Пьетро делла Валле не ускользнуло, что принятие грузинами чужой веры было формальным, чисто внешним актом. «Они становятся, — говорит он, — для окружающих вроде бы мусульманами, служат иранскому шаху, а что таят в душе, одному богу ведомо, но мне известно, что многие из них не изменяют христианской вере».

Таким образом, до полного «отатаривания» дело не доходило. Если грузин облачался в кызылбашский халат, то это еще не значило, что он действительно отказывался от своей веры и нации. Не так-то легко забывал грузин родной язык и родную землю, в душе он оставался христианином, то есть грузином. Примеров тому в грузинской истории XVII—XVIII вв. предостаточно.

В те годы в Иране находился один известный грузин, упомянутый у Пьетро делла Валле как «господин Мераб». Возможно, именно беседа с ним показала итальянскому путешественнику, чего стоило «отатаривание».

В свое время М. Тамарашвили высказал соображение, что упомянутый в книге Пьетро делла Валле «господин Мераб» («синьор Мехраб») — это моурави Георгий Саакадзе. Видимо, грузины называли Георгия Саакадзе «господином Моурави». Итальянский путешественник перевел первое слово, а «моурави» счел именем собственным, поскольку оно было похоже на знакомое ему грузинское имя. Кстати сказать, и в других европейских источниках Георгия Саакадзе называют искаженной формой слова «моурави» — «Мауро», «Морао», «Мурад», «Мехру».

С «господином Мерабом» Пьетро делла Валле познакомился 20 сентября 1620 г. в Исфахане в церкви кармелитов, куда тот пришел послушать обедню. Как передает Пьетро, «господин Мераб» в зрелые годы служил царю Луарсабу. Шах захватил все владения находившегося у него в плену царя, а управлять ими поставил двоюродного брата Луарсаба хана Симона, выросшего в мусульманской вере и назначенного в 1619 г. вали (наместником) Картли.

Итальянский путешественник пишет, что, хотя господин Мераб держится христианской веры, шах все равно относится к нему хорошо, не лишает своей милости, и в настоящее время «господину Мерабу» подчиняются находящиеся в Тбилиси и Гори войска. Эти слова не оставляют сомнения в том, что «господин Мераб» — это Георгий Саакадзе, ведь шах именно его назначил в 1619 г. «векилом и руководителем» Симона. И в грузинской хронике мы читаем: «А Моурави был тогда очень возвеличен шахом, и ему всецело подчинялись кызылбаши, и находились при нем многие».

Искандер Мунчи также отмечает, и не раз, что «Моурабег» считался преданным Ирану, надежным человеком, снискал своей верной службой большой почет при дворе и пользовался особым доверием шаха.

Пьетро делла Валле доказывает, что «господин Мераб» твердо придерживается христианского вероисповедания, а Ис-

кандер Мунши, описывая события 1624 г., говорит, что вот уже больше десяти лет, как Моурав-бег принял мусульманство.

В словах персидского историка трудно усомниться в том, что во главе с Моурав-бегом, командиром сефевидского войска не мог стать человек, не принявший ислам.

Но и Пьетро делла Вайле, как показали события, был прав.

Впоследствии Искандер Мунши писал, что грузинский «Моурав-бег» только временно, в силу обстоятельств, признавал ислам, а от христианской веры не отступал и снова установил союз с единоверными грузинами. Нельзя сказать, что персидский историк оказался очень проницательным, делая такой вывод: Марткопское восстание показало всем — и шаху Аббасу, и тем, кто его возносил, что прославленный герой лишь выжидал подходящего часа перечеркнуть свою вынужденную службу заклятому врагу грузинского народа.

Пьетро делла Вайле значительно раньше заметил то, чего не видел дальновидный шах Аббас. Глаз друга оказался более проницательным. Очевидно, он имел в виду именно Георгия Саакадзе, Великого Моурави, когда писал, что грузины в Иране только внешне омусульманены, а что у них на душе, один бог ведает.

...1624 год. Шаху Аббасу сообщили из Грузии, что грузины установили связь с царем Теймуразом, находившимся в Турции, вооружаются и надо ожидать восстания.

Искандер Мунши пишет: «Шах решил направить в те края кого-нибудь мудрого и толкового, дабы выяснить, каково там истинное положение, истребить смутьянов и сделать все на пользу могущественному государству».

Шах Аббас остановил свой выбор на самом любимом военачальнике — спасаларе Карчига-хане. За год до этого возглавляемое им войско кызылбашей взяло Багдад, и восхищенный победой шах Аббас сказал ему: «Мой дорогой ага! Ты добыл мне победу, значительнее которой я и у аллаха не мог бы выпросить. Иди, сядь на моего коня, я сам прислужу тебе». Карчига-хана такая честь привела в трепет, и он молвил: «Я не достоин этого, повелитель, не забывай, что я твой раб, не унижай себя!». Ответ спасалара вызвал всеобщее одобрение, но шах заупрямился: «Я так желаю, мне так угодно!». Карчига-хану ничего не оставалось, как подчиниться. Он сел на коня шаха Аббаса, а великий правитель сефевидского государства зашагал рядом. Так прошел он семь шагов, и его примеру последовали вельможи.

«Очень храбрый, жизнерадостный, дальновидный, справедливый, стойкий в бою» — так характеризует Карчига-хана персидский историк.

По приказу шаха Аббаса вместе с Карчига-ханом в Грузию должен был отправиться Георгий Саакадзе, так как он хорошо знал страну, преданно служил шаху и, по глубокому убеждению последнего, сделал бы все необходимое в интересах сефевидского государства. Карчига-хану и Георгию Саакадзе было поручено выселить всех жителей Картли и Кахетии.

Огромное войско кызылбашей вели два самых доверенных военачальника шаха Аббаса, и разве мог он представить себе, что в один злосчастный миг навсегда потеряет их обоих. ...Великий Моурави с такой силой ударил копьем взобравшегося на коня перед своим шатром Карчига-хана, что острие его, войдя в один бок, вышло из другого.

Сигнал к всеобщему восстанию был дан. Первой жертвой восстания оказался сам прославленный спасалар шаха Аббаса. Одним ударом обезглавлено было войско кызылбашей.

Искандер Мунши свидетельствует: «И высокородные, и худородные разбежались в великом страхе. Лагерь кызылбашей был рассеян, опустошен, грузинам досталось несметное количество добра и оружия».

А вот как описывает это грузинский поэт:

«Прошлись по ним мечом, овладели добычей и кричали
вслед обращенным в бегство:
Если посмеете пройти здесь еще раз,
поступим с вами еще хуже, жизни не будете рады,
идите, жалуйтесь шаху Аббасу, скорее бегите к нему
в Казвин».

Историк XIX века Теймураз Багратиони отмечает: «Победа эта одержана была в году 1625 от рождения Христова, 24 дня месяца марта, под утро на Благовещение».

Очень много написано о событиях 1625 г., но есть один документ, совершенно незнакомый грузинскому читателю. В личном архиве М. Тамарашвили хранится реляция на итальянском языке, составленная в Риме в 1628 г., которая содержит рассказ Никифора Ирбаха (Николоза Чолокашвили-Ирубакидзе), посла царя Теймураза, направленного им в Европу. Сообщение Никифора Ирбаха очень ценно: оно принадлежит доверенному лицу царя Теймураза, очевидцу, и главное, записано непосредственно по следам событий.

Никифор Ирбах сообщает, что после победоносного восстания народ хотел объявить царем Моурави, но тот отказался, говоря, что страна должна иметь законного царя, и ради всеобщего блага призвал Теймураза, бывшего в изгнании, возвратиться на родину. Тем временем распространился слух, будто бы Моурави готовит царю Теймуразу западню, намерен убить его и завладеть царством. Слух достиг царя вместе с посланием, заключавшим просьбу Моурави, но царь-беженец не внял молве и сказал: если так угодно господу богу, да будет его воля, а он хотя бы еще раз порадует родному небу, под которым впервые взглянул на мир. (Через год такое же подозрение в отношении царя Теймураза посеют в душе Георгия Саакадзе, и, как пишет Иосеб Тбилели: «Злоязычники разведут их, а вред от этого — царству»).

Слухи о коварстве Георгия Саакадзе оказались, конечно, ложными. Теймураза приняли в Грузии торжественно, с большими почестями. К храму его сопровождала многочисленная свита, три архиепископа и народ. На Теймураза возложили корону и присягнули в верности царю Картли и Кахетии. Теймураз отнесся к Моурави сердечно, простил былую обиду и не лишил почестей, считая его вторым человеком в государстве.

Никифор Ирбах замечает, что Теймураз сильно горевал из-за гибели своей матери, царицы Кетэван, но победоносное восстание несколько утешило его.

Да, действительно странно последовали друг за другом эти два события: мученическая смерть царицы осенью 1624 г. и Марткопское восстание весной следующего года.

Шах Аббас велел подвергнуть царицу пыткам в Ширазе, не сомневаясь, что дни Грузии сочтены. Но Марткопское восстание доказало сефевидскому государю, что не иссякло мужество грузинского народа и меч его разит с прежней силой.

В поэме Теймураза «Мученичество царицы Кетэван» есть такие строки:

«Они пытали святую двенадцатого сентября,
а через семь месяцев произошло чудо великое,
освободила себя Грузия, которую одиннадцать лет
поедали кызылбаши,

и в марте восторжествовало в ней христианство».

Грузия, на протяжении одиннадцати лет (с весны 1614 г. до весны 1625 г.) терзаемая, «поедаемая» кызылбаши, сбросила ненавистное ярмо. И подвигом своим народ обязан был Великому Моурави — Георгию Саакадзе.

В поэме царя-поэта Арчила «Спор Теймураза с Руставели» Теймураз говорит:

«Моурави совершил это невероятное дело
и сумел потому, что духом был крепче стали.
Это не под силу было другим, а он содеял много
славных дел.

Вроистину было так, не выдуманно».

По словам Никифора Ирбаха, шах Аббас и все кызылбаши ни к кому не испытывали такой ненависти, как к Георгию Саакадзе. Ошеломленный поражением, охваченный яростью, шах громкогласно клялся отдать полцарства тому, кто доставит ему в Исфахан пленного Моурави.

Искандер Мунши, придворный летописец Сефевидов, упоминая Георгия Саакадзе, раздражается проклятиями, называя его «злосчастливым», «неблагодарным», «вероломным», «злодеем» и «предателем».

В 1625 г. жителям Картли и Кахетии грозило выселение в далекие края, а на их земле волей шаха должно было пустить корни чужое племя, но события перечеркнули план, подготовленный в Исфахане.

Летом того же года произошла Марадинская битва. Грузины потерпели, по словам одного историка, «блестящее поражение», но если бы шах Аббас читал Плутарха, непременно повторил бы горестные слова Пирра: «Еще одна такая победа, и нас не станет».

Турецкий историк XVII в. Ибрахим Фечев и уверяет, что шах Аббас за сорок лет своего правления не понес таких потерь: «Стараниями Моурави и в боях с Моурави погибли, простились с миром семь знатных ханов, равных которым не сыскать было в стране кызылбашей» (в числе семи Ибрахим Фечев и называет Амиргуна-хана, Карчига-хана и Юсуф-хана, видимо, как самых прославленных военачальников).

По мнению Никифора Ирбаха, измотанный непрерывными войнами то с Османской империей, то с Индией, шах Аббас стремился наладить отношения с грузинским царем, потому что знал, как отважен его народ. В конце концов он добился примирения с Грузией и признал Теймураза христианским царем Картли и Кахетии.

1625 год был для Грузии кровавым, но в ее историю он вписан золотыми буквами как год беспримерного мужества грузинского народа, доказавшего, что его нельзя ни «отатарить», ни истребить.

«ВОЗДАТЬ ХВАЛУ ШИРАЗСКОМУ ХАНУ...»

В своей поэме «Мученичество царицы Кетэван» Теймураз пишет: «Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...».

Восхваляемый Теймуразом хан Шираза — это принявший ислам грузин Имам Кули-хан Ундиладзе, бегларбег провинции Фарс, один из выдающихся деятелей сефевидского Ирана времен шаха Аббаса. Обладая огромной властью и авторитетом, он фактически был вторым человеком в государстве.

О самом шахе Аббасе в поэме Теймураза сказано, что он «могущественный и жестокий государь, губитель христиан, проливающий кровь невинных, занявший место Ирода».

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Немного странно звучит в трагической поэме, поражающей своей искренностью, похвала Имам Кули-хану, первейшему вельможе, полководцу шаха Аббаса, правителю города, где бесчеловечно замучили мать Теймураза, царицу Кетэван.

Объяснить хвалу хану Шираза только тем, что он был грузином, разумеется, нельзя. Она имеет свою историю и свое оправдание.

Имам Кули-хан — сын первого иранского куларги, видного государственного деятеля Алаверди-хана. Именно Алаверди-хан положил начало возвышению рода Ундиладзе. По преданию, кызылбашки ребенком похитили его из Грузии и продали за тридцать цехинов, или три тумана. Он перешел из рук в руки и наконец попал к шаху Тахмаспу. Способный молодой человек быстро выдвинулся при дворе Сефевидов и, между прочим, сыграл большую роль в утверждении на иранском троне шаха Аббаса. В дальнейшем он стал главнокомандующим, и в Иране не было равного ему по отваге, уму и военному таланту. Шах Аббас всячески проявлял свое расположение к нему и, оказываясь, называл отцом. После смерти Алаверди-хана шах пожаловал должность бегларбега Фарса его сыну, Имам Кули-хану. Эта должность не была наследственной — Имам Кули-хан лишь своими личными достоинствами мог завоевать милость шаха.

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Хану Шираза «воздают хвалу» и зарубежные авторы. Англичанин Томас Херберт пишет о нем: «Этот человек — грузин по происхождению, мусульманин по вере, один из тетрархов, который управляет империей шаха Аббаса. Его владе-

ния простираются почти на четыреста миль во всех направлениях». Затем Томас Херберт перечисляет титулы Имам Кули-хана и заканчивает: «Великий бегларбег, глава двенадцати султанов, 50 тысяч воинов, сподвижник шаха Аббаса и восхищения».

Пьетро делла Валле отмечает, что Имам Кули-хан — бегларбег Фарса, самой обширной провинции Ирана, территория которой превосходит Португалию, а по своей мощи и положению она не уступает многим европейским государствам. А хан Шираза, без сомнения, самая видная фигура во всем Иране после шаха Аббаса, он почитает христиан и дружит с европейцами. Как пример всевластия Имам Кули-хана Пьетро делла Валле приводит тот факт, что в его владениях вволю вкушали прославленное ширазское вино, хотя мусульманам вообще запрещалось пить.

И Томас Херберт, и Пьетро делла Валле лично знали Имам Кули-хана Ундиладзе.

По словам католических миссионеров, подданные почитали хана Шираза — грузина. В сефевидском государстве не найти было более или менее видного человека, который бы не испытал на себе его редкой щедрости.

Француз Жан-Батист Тавернье сообщает, что Имам Кули-хан пользовался любовью всего населения, был окружен самыми отважными военачальниками. Он награждал и воинов, и ученых, радушно принимал иноземных гостей, способствовал расцвету наук и искусства. По его почину в Ширазе было основано учебное заведение, построены караван-сарай как в самом городе, так и на главных дорогах провинции. Благоустраивались дороги и, чтобы сократить расстояния, прорубались горы, их соединяли мосты, поражающие смелой конструкцией, подобно аркам нависающие над пропастями и реками.

Хан Шираза был очень щедр, в своих расходах он почти не уступал государю сефевидской державы. И шах Аббас дружески упрекнул его однажды: «Ты бы хоть на пятак в день тратил меньше меня, чтобы была какая-нибудь да разница между расходами шаха и его хана».

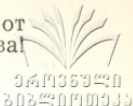
Адам Олеарий пишет, что Имам Кули-хан обладал огромным состоянием и был при этом «благотворителен», а в бою — отважен, как и подобает истинному рыцарю. Особенно прославился Имам Кули-хан в 1622 г., когда под его началом и при поддержке английских военных кораблей была взята португальская крепость на острове Ормуз в Персидском заливе. Отныне Иран получал возможность морским путем вывозить в Западную Европу шелк, избавившись от таможенной пошлины Османской Турции.

...Семь лет уже томилась в Ширазе царица Кетэван пленницей шаха Аббаса. Как передают католические миссионеры, она почти не покидала своего дворца, разве что когда навещала Имам Кули-хана.

В 1624 г. шах Аббас повелел Имам Кули-хану: «Если царица Кетэван не перейдет в ислам, предай ее пыткам, убей в мучениях». Теймураз пишет в своей поэме:

«Когда Имам Кули-хан услышал об этом страшном поручении,

Ужаснулся и сказал: «Как дерзну потребовать это от царицы, матери Теймураза! Хотя и в безвыходном она положении, Знаю, не изменит своей вере, не перейдет в ислам».

Хан Ширази передал шаху через посланца: «Царица в преклонных годах и теперь уже не перейдет в мусульманскую веру, да и что это даст, какая вам надобность, оставьте ее в покое, смерть ее ляжет на вас позором».

Видимо, в душе Имам Кули-хана тлела искорка надежды, что он уговорит шаха отказаться от своего бесчеловечного решения. Ведь удавалось же, казалось бы, невозможное: когда шах Аббас решил казнить детей Теймураза, он спас их, ласковыми речами повливав на шаха. Дважды удалось их спасти. Правда, в конце концов шах все же погубил их, не сумел им помочь хан Ширази...

На этот раз заступничество хана Ширази не дало результатов. Жестокий приговор был вынесен.

Три месяца Имам Кули-хан держал приказ в тайне от Кетэван, прекрасно сознавая, какую опасную игру он ведет, но, оказавшись между двух огней, не находил выхода.

«Как мне решиться, как сообщить ей, мне порученной?

А если не исполню приказа — какой ответ держать перед шахом?»

Три месяца медлил хан Ширази, но настал час, когда пришлось объявить царице волю шаха.

«Знаю, не примет она мусульманства», — твердил себе хан Ширази и все же уговаривал царицу подчиниться требованию шаха Аббаса. Он заклинал ее судьбой царя Теймураза, уверял, что от нее зависит будущее ее сына, что этой малой уступкой она облегчит и страдания родины. «Прими веру мусульманскую, разве мы уже не грузины, если придерживаемся веры Мухаммеда? — говорил он и почтительно убеждал: — Не подобает тебе идти на пытки».

Однако царица была непреклонна, готовая к пыткам и смерти. «Благодарна тебе очень, хвалю за доброту и человеколюбие, за то, что радеешь за меня, но невозможно мне отступить от Христа, владыки моего», — сказала она Имам Кули-хану.

Зря надеялся ширазский хан изменить судьбу.

«Утомился он упрашивать царицу, но не вяла она ему», — сообщает Теймураз Багратиони.

Настал час, Кетэван вознесла к небу свою последнюю молитву:

«Дай моему сыну Теймуразу победу над врагом, а тем, кто опишет мои мучения, уготовь место в раю».

Через семь-восемь месяцев мечта царицы сбылась. Героическое выступление грузинского народа весной 1625 г. возвратило Теймуразу трон Картлийско-Кахетинского царства, а иноземцы, свидетели мученической смерти царицы, поведали об этом всей Европе.

Пытку Кетэван опишет и сам Теймураз:

«Я преступник и грешник, скорблю, что не был рядом, и не распяли меня справа от нее, и оттого лью слезы».

...В конце февраля 1627 г. в Ширазе остановилось английское посольство, направлявшееся в Исфахан. Член посольства Томас Херберт описал роскошный прием, устроенный Имам Кули-ханом. Стол был накрыт в просторном зале с двадцатью золочеными колоннами, стены украшала роспись, изображавшая взятие Ормуза.

Сам хан Шираза появился в зале, когда пир подходил уже к концу, в сопровождении тридцати вооруженных воинов, в великолепных одеждах, с соколами на руках. Хан торжественно выпил за здоровье английского короля.

Самое же интересное в рассказе Томаса Херберта то, что справа от Имам Кули-хана сидел Теймураз — «злосчастный царь Грузии, отважный человек, опытный в ратном деле и твердый в христианской вере».

Каким образом оказался Теймураз в городе, где за три года до этого предали мученической смерти царицу Кетэван?

После разрыва с Георгием Саакадзе Теймураз предпочел пойти на примирение с Ираном, и шах одобрительно отнесся к этому; упорное сопротивление грузинского народа убедило его, что не стереть ему Грузию с лица земли. События 1625 г. нанесли весьма ощутимый удар сефевидскому Ирану, находившемуся в зените своего могущества — от Арабистана до Индии развевались знамена шаха Аббаса, но победы над Ормузом, Кандагаром, Багдадом омрачились тенью Марткоби и Марабды.

Вести переговоры с Теймуразом шах поручил брату Имам Кули-хана — Дауд-хану Ундиладзе. Между ними завязывается переписка, они неоднократно встречаются, и, наконец, Дауд-хан сообщает в Исфахан, что «Теймураз ступил на путь покорности», после чего шах признал его христианским царем Картли и Кахетии.

Как много значило для шаха Аббаса примирение с Теймуразом, видно из того, что он за оказанную службу назначил Дауд-хана бегларбегом Ганджи.

Шах Аббас решительно настаивал, чтобы Теймураз в знак полного раскаяния прибыл в Иран. Теймураз выполнил требование шаха, но избежал встречи с ним. Шах Аббас удовлетворился тем, что грузинский царь, «ступивший на путь покорности», поехал в Шираз — к первейшему сановнику его государства. Это компромиссное решение шаха было заслугой Имам Кули-хана.

Пока шах Аббас был жив, братья Ундиладзе пользовались огромным влиянием и властью, но со смертью шаха судьба их резко изменилась...

Армянский историк Закарий Канакерци сообщает, что шах Аббас завещал своему внуку, который стал шахом, отстранить от власти всех влиятельных лиц, чтобы не терпеть от них ущерба для своей власти. Завет деда, видимо, запал в душу его внука. Гуляя как-то по саду, он окинул взглядом тополя и сказал: «Слишком высоко поднялись и разрослись эти деревья, надо срубить их и посадить молодые». Сопровождавший его придворный сразу уразумел смысл сказанного и подтвердил: «Да, государь, ты прекрасно изволил сказать: вот моя голова, поступай, как говоришь!» — и, пав на колени, склонил голову, подставляя шею: «Я твой раб, руби мне голову!».

Но шах Сефи успокоил охваченного страхом придворного: «Ты не то дерево, которое следует срубить».

Само собой разумеется, что братья Ундиладзе не могли не показаться шаху Сефи теми высокими деревьями, «слишком высоко поднялись». Их неограниченная власть грозила подорвать власть шаха. Вступившему на трон шаху Сефи не было и двадцати лет, и он, естественно, боялся, что братья Ундиладзе его затмят.

Первый удар был нанесен Дауд-хану.

Вот что повествует Искандер Мунши.

Осенью 1630 г. на Багдад напали турки. Шах Сефи двинулся туда с войском. Его сопровождал Дауд-хан. Несколько человек из каджарской знати подали шаху жалобу на бегларбега Ганджи, который притесняет их. Шах Сефи не замедлил выразить Дауд-хану свое неудовольствие, но тот продолжал вести себя «непочтительно и высокомерно».

Однажды ночью во время «райского меджлиса» шах снова стал корить и поучать Дауд-хана. Бегларбег не смолчал, и шах в гневе приказал вывести его из меджлиса и наказать.

Как сообщает английский автор, за высокомерный разговор с шахом Дауд-хан получил палочные удары по пяткам.

Оскорбленный Дауд-хан спустя некоторое время отправился в Ганджу, думая о мести. Вслед за ним шах Сефи послал в Ганджу согладатая, дабы не спускать глаз с Дауд-хана, а при удобном случае убить его. Узнав об этом, Дауд-хан установил связь с «любимым и верным» царем Теймуразом, надеясь с его помощью отомстить шаху Сефи и каджарской знати. Через своих верных людей он сообщил царю, что прибудет в Кахетию со всем своим каджарским окружением, и просил встретить их с вооруженными людьми и уничтожить всех до единого.

Царь Теймураз и Дауд-хан перебили каджаров на берегу реки Иори, а в октябре 1632 г. напали на Ганджу и Карабах и опустошили их.

Вероятно, они надеялись, что Имам Кули-хан тоже выступит против шаха. По словам итальянского миссионера Пьетро Авитабиле, шаху Сефи сообщили из Тбилиси, что, если он намерен овладеть Грузией, непременно должен убрать хана Шираза, так как грузины сильно надеются на его помощь.

Шах Сефи предложил Имам Кули-хану немедленно прибыть в Казвин. Хан Шираз ответил, что Фарс граничит с враждебными Ирану соседями, поэтому оставлять провинцию без присмотра неразумно, это может нанести вред и государству, и могуществу шаха.

Тогда шах Сефи напомнил ему, что государством правит он и, какая бы ни приключилась беда, отвечать будет он — шах Ирана. А если Имам Кули-хан не явится к нему, то он прибудет с войском в Шираз и покарает за неслыханную дерзость.

На угрозу шаха Имам Кули-хан высокомерно ответил, что он на силу ответит силой и сумеет постоять за себя, а крепости Фарса самые неприступные в Иране.

Опасность гражданской войны напугала шаха: хан Шираз мог прибегнуть к помощи Португалии, отдав ей Ормуз. И

в Грузии в это время создалась опасная ситуация. Теймураз и Дауд-хан явно шли против Ирана. Тревожная обстановка заставила шаха Сефи изменить тактику. Щедрыми посулами и подарками он привлек на свою сторону друзей Имам Кули-хана, и те убедили хана покориться. Трудно сказать, чем бы закончилось восстание ширазского хана. Вряд ли победой. Скорее всего поражением. Он не сделал решительного шага, предпочел отступить, но это, увы, не спасло его.

В начале 1633 г. хан Шираза прибыл к шаху в Казвине с многочисленной свитой и большим войском, достаточным, как ему казалось, чтобы себя обезопасить. «Не разумел Имам Кули-хан, что, где царит вероломство, там сила ничего не стоит», — замечает итальянский историк Бартоломео Ферро.

Жители Казвина встречали хана Шираза как шаха. Это поразило и неприятно задело шаха Сефи: «Что видят мои глаза! Кто шах Ирана — я или ты? Почему народ принимает тебя с такой радостью?» Имам Кули-хан ответил: «Только лишенный ума позволит себе дерзость равнять меня с вами. Оказывая мне почет, они тем самым поклоняются вам, поскольку всем известно, как безмерно ваше благоволение ко мне».

Шах как будто удовлетворился ответом хана Шираза, но про себя уже решил его судьбу.

Приговор шаха сообщили Имам Кули-хану в тот же самый день, когда он находился в гареме. Он выслушал его спокойно и мужественно и лишь сказал палачу: «Что ж, воля шаха. Об одном прошу — не проливайте крови на глазах у несчастных женщин, не пугайте их».

Последнее желание хана было исполнено.

Трех его сыновей тоже лишили жизни. Остальным детям Имам Кули-хана выжгли глаза.

Тела казненных трое суток валялись на площади. Возле них сидела старая мать хана и, наверно по-грузински, причитала, оплакивая своего сына и внуков.

Только узнав об этом, шах Сефи распорядился предать тела земле. Обширные владения ширазского хана были раздроблены и розданы. Все состояние хана растащили.

Дауд-хану пришлось покинуть Грузию. Он нашел прибежище в Турции, где и провел остаток жизни. А Теймураз еще раз лишился своего царства. Обо всем этом повествуют католические миссионеры.

«Воздать хвалу ширазскому хану не в силах и мудрецы...»

Имам Кули-хан Ундиладзе разделил участь многих избранных. И не был он в истории Востока, и не только Востока, ни первым, ни последним.

И СМЕРТЬ ВЕРОЛОМНАЯ

Грузинская народная поэзия сохранила противоречивый и красочный образ Арагвского эристава Зураба. В стихах и песнях о нем любовь соседствует с ненавистью, в них щедро разлиты темные краски, но они не затемняют странной, таинственной притягательности образа Зураба.

«Прошло время, и начали ссорить меня с Зурабом. Удивляюсь, как не понял он, что обманывают его? Затем был он мне, я считал его своим сыном и помнил о своем долге».

Легко верящий слухам не вызывает у меня доверия».

По мнению Бартоломео Ферро, Зураб решил опередить Теймураза и отобрать у него Картлийское царство, на которое куда больше прав было у Симона — потомка картлийской ветви династии Багратиони. Зураб легко получил поддержку картлийских феодалов и, когда Теймураз находился в Кахетии, объявил царем Картли Симона. Узнав об этом, Теймураз устремился в Картли — восстановить свои права и порядки. Картлийская знать оказалась на стороне Симона, и Теймуразу пришлось вернуться в Кахетию за войском. Но было уже поздно. Стараниями Зураба Симон прочно утвердился на картлийском троне. Теймураз махнул рукой, без борьбы уступил Картлийское царство сопернику, но «злорада грызла его», — замечает Бартоломео Ферро.

Зураб достиг своей цели. Симон, благодарный Зурабу, довольный тем, что восстановил свои законные права на картлийский престол без жертв и кровопролития, называл его отцом, пожаловал ему владения Мухран-Батони и был во всем послушен, шагу не ступал без его ведома.

Зураб Эристави добился того, что не под силу было самому шаху Аббасу.

До братоубийственной войны дело, к счастью, не дошло, но Зураб все же отдал на разграбление своему войску в награду за верность занятый без боя город Гори.

Бартоломео Ферро рассказывает.

Среди ограбленных оказались миссионеры-августинцы, которых года за два до этого поселил в Гори царь Теймураз. Они решили обратиться к Зурабу с жалобой через посредничество театинского миссионера Джакомо ди Стефано. Тот немедленно отправился в Душети — резиденцию арагвского эриваста. Явился прямо во дворец и попросил аудиенции. Джакомо был хорошо известен, и его тут же приняли.

Зураб встретил гостя с большим почетом, но не стал ни о чем спрашивать, а сказал, предвосхищая просьбу: «Я знаю, из-за чего ты утруждаешь себя. Ты пришел просить за твоих друзей патеров, у которых мои воины отобрали имущество. Прости меня, но на этот раз не могу удовлетворить твою просьбу: воины уже поделили добычу между собой и я ничего не могу поделать. Если бы они забрали добро у тебя — у бедного монаха, я счел бы это преступлением, но речь идет об имуществе богатых людей, им ничего не стоит снова нажить его. Они скоро получат деньги из Индии».

Несмотря на категорический отказ, Джакомо не пал духом. Он почтительно упрекнул Зураба: «Ты верно изволил заметить, что я явился сюда по этому делу. Я весьма признателен за доброе отношение, которое ты изволил выказать мне, говоря, что никому не позволил бы отбирать у меня имущество, а если бы кто и посмел, то вернул бы мне все назад. Но ты забыл, что имущество это принадлежит тому, перед кем я

всего лишь тля. Разве церковная утварь, предназначенная для богослужения, не принадлежит господу богу? Во имя твоего же блага прошу, больше моего добра цени и уважай добро того, кто сотворил мир и даровал жизнь нам обоим. Бо- гово следует вернуть богу!».

Затем Джакомо напомнил Зурабу историю царя Валтасара, который пил вино из золотых и серебряных сосудов, похищенных из Иерусалимского храма, и как показалась вдруг огненная рука, написавшая на стене дворца три таинственных слова: «мене, текел, упарсин». Эти слова предвещали конец царства Валтасара, и всевышний в ту же ночь покарал царя смертью за ограбление его храма.

Весьма сомнительно, чтобы Зураб помнил библейскую легенду, которую, наверное, знал в детстве, и не таким уж он был слаонервным, чтобы дать запугать себя сказкой, но, по утверждению итальянского историка, монолог Джакомо привел Зураба в такое умиление, что он тут же распорядился принести награбленные вещи. Отобрав сосуды, необходимые для богослужения, Зураб дал их гостю со словами: «Видишь, твои слова убедили меня, и я возвращаю то, что принадлежит богу. Да поможет вам бог пользоваться ими!».

Бартоломео Ферро описывает визит еще одного служителя бога к арагвскому эриставу. Это был монах по имени Зебеде, направлявшийся из Мегрелии в Иерусалим и по пути оказавшийся в Картли. Он скорбел из-за того, что христианской страной Картли правит мусульманин (царь Симон).

«Зураб-бег! Хорошенько поразмысли, что ты натворил и что творишь! — так начал свою речь Зебеде. — Отатарившемуся царю станут следовать его подданные, и безбожная вера распространится по всей Картли. Вовремя исправь свою ошибку, не то опустится на твою голову меч господень и покарает тебя, как покарал Валтасара» (все тем же Валтасаром запугивали арагвского эристава!).

Эти слова монаха-миссионера так подействовали на Зураба, по словам Бартоломео Ферро, что он тут же покаялся в грехе и решил убить Симона, дабы одним преступлением перечеркнуть другое.

Такова версия итальянского историка. Но Зураба, надо полагать, куда больше, чем проповедь Зебеде, обеспокоило и заставило призадуматься письмо царя Теймураза. По сведениям грузинских летописцев, царь Кахетии отправился жаловаться в Исфахан и, уже достигнув границ Ирана, написал Зурабу из Уфадара: «Не подобает зятю быть вероломным с тестем...».

Как сообщает Бартоломео Ферро, Зураб Эристави посоветовал Симону, находившемуся в Тбилиси, поехать в Картли и достойно одарить феодалов, помогавших ему занять трон, так как это еще более укрепит его положение и усилит влияние. Кроме того, по мнению Зураба, Симон должен был непременно покарать тех, кто упорно поддерживал Теймураза, и разделить их владения между своими верными сторонниками.

Совет Зураба оказался Симону разумным, и он выехал из Тбилиси в сопровождении малой свиты.

Что угодно мог предложить Симон, только не измену Зураба, выказавшего ему столько любви. Видно, плохо знал он арагвского эристава, но исправить свою роковую ошибку ему уже не было дано.

В первую же ночь по приказу Зураба Симон, спавший под его «гостеприимным» кровом, был вероломно убит. Произошло это в Цхвилосской крепости.

«Вероломный предатель послал с гонцом голову убитого царя Теймуразу в Кахетию, призывая его снова занять отнятый у него же трон Картли», — пишет Бартоломео Ферро.

При виде столь неожиданно преподнесенной ему головы Симона Теймураза охватила глубокая жалость к жестоко убитому молодому царю Картли, и он искренне оплакал своего соперника. «Бедный царь, слезы душат меня и охватывает глубокая скорбь, когда думаю о твоей горькой участи: кого любил, тот и предал тебя, и уж не радует меня, что снова воцарюсь в Картли».

Теймураз призвал картлийских феодалов, обещая простить всех.

Бартоломео Ферро рассказывает о существовавшем в Грузии обычае: царь, призывая к себе повинных в чем-то подданных, в знак их безопасности посылал какую-нибудь свою вещь (меч, кинжал, стрелы). Это было символом царской клятвы, и подданные смело являлись к государю, уверенные, что он великодушно простит каждому его вину.

В соответствии с этим обычаем, Теймураз разослал всем картлийским князьям стрелы из своего колчана, указав место встречи — храм Светицховели в Мцхета.

В назначенный день все явились в древний храм, держа в руках царские стрелы, и встретились с Теймуразом, прибывшим со своим сторонниками. Картлийские князья по одному подходили к восседавшему на троне царю, возвращая стрелу, и на образе присягали в верности. Теймураз крепко обнимал каждого, показывая тем самым, что прошлые обиды забыты.

Все с нетерпением ждали, как он отнесется к Зурабу Эристави, главному виновнику заговора и измены Теймуразу. При виде Зураба лицо Теймураза омрачилось, он побледнел, но обнял и его, хотя и показал, что в душе все еще возмущен его поступком.

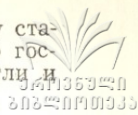
Об этих эпизодах, связанных с царем Теймуразом и Зурабом Эристави, повествует сочинение итальянского историка.

...Теймураз снова владел двумя престолом. Снова под его властью были Сомхити и владения Бараташвили, и снова Зураб Эристави выказывал преданность своему тестю, а картлийские феодалы помирились с Теймуразом. Укрепили границы страны и даже решили наказать соседнего правителя, который в свое время усердно помогал шаху Аббасу разорять Кахетию. А во главе картлийско-кахетинского войска Теймураз поставил Зураба.

«Вернулся Зураб с победой и явился к государю Теймуразу. И возрадовался государь, возвеселился очень», — сообщается в грузинской летописи.

Казалось бы, все было в порядке, но опять поползли слухи.

Как пишет Парсадан Горгиджанидзе, царю Теймуразу стали нашептывать: «Зураб Эристави убил своего законного господина и вас непременно убьет, а сам воцарится в Картли и Кахетии».

Вот как оправдывает себя Теймураз в поэме Арчила:
«Если расскажу тебе все подробно, не будешь думать обо мне худо,

Злые языки причинили мне зло, во имя бога, не считай
меня злодеем...»

Так обращается к тени Руставели Теймураз и продолжает:
«У языка — ядовитое жало, хуже чем у аспида,
Я сам испытал это и слышал об этом от других...».

За этими строками следует подробное описание губительного действия яда злоречия:

«Стрелой вонзится в ухо — сильнее, чем бьет
по наковальне,

Замутит чистый взор, чтобы добро представилось злом,
Волосы подымет дыбом, до ногтей опалит огнем,
Приведет в смятенье того, кто внемлет, даже если он
подобен агнцу».

И заключая, что злое слово западает в душу и оставляет след, подобно горящему углю, упавшему на подол, когда его вовремя не сбросишь, автор удивляется сам себе:

«Коль скоро я понимал это, зачем внимал злым языкам,
Способным мягкое сделать тверже камня и расплавить
сталь,

Мудрецы с трудом распознают их, что говорить
о простодушных,

Они душат тебя, веревкой обвивая шею».

Яд злоречия легко достигал цели, поскольку и сам Теймураз был недоволен безмерным возвышением Зураба («Но трудно стерпеть возвышение слуги над господином»). Ядовитое семя попало на благодатную почву.

«Убедили государя Теймураза и пригласили эристава Зураба в Сапурцле и убили вероломно за столом», — записал Парсадан Горгиджанидзе.

«Сидел он рядом со мной, я приказал убить его, пролил он кровь свою на моих глазах», — свидетельствует сам царь Теймураз в поэме Арчила.

Итальянский историк говорит, что за пиршественным столом, накрытом в царском шатре, один из придворных, выхватив меч из ножен, страшным ударом рассек Зурабу голову. Арагский эристав упал, и над умирающим прозвучали слова «Изменник! Мой господин Теймураз никогда не помышлял о твоей смерти, хотя ты бесстыдно предал его! Но теперь ты заплатишь за измену Симону собственной смертью!».

Кто знает, дошли ли эти слова до сознания Зураба... Беспомощно валялся на земле эристав, прославленный своей отвагой от Дарьяла до Исфахана, израненный, изрубленный, всеми покинутый...

«В Сапурцле прибыл Зураб, тростник с берега морского,
Постлали ему ковры, чтобы соизволил присесть,

Накрыли ему стол, подобный цветнику. — «Насладись, Зураб, плодами!».

Вероломно обманут тебя, Зураб, — ждут когда ты уснешь! Мечом ударил его Барам-батони: «Бейте сына распутившего». Моурави-тушинец кинжал вонзил в его сердце».

По словам Вахушти, Зураб Эристави был убит зимой, надо думать, в начале 1631 г.

Это подтверждается и другими источниками. 12 марта 1631 г. из Рима в Гори прибыли католические миссионеры Арканджело Ламберти и Джузеппе Джудичи. Дня через два они были приняты царем Теймуразом в Сапурцле, где тот ждал встречи с имеретинским царевичем, за которого намеревался отдать свою овдовевшую дочь (бывшую жену Зураба).

Искандер Мунши рассказывает нам эту историю несколько иначе: якобы Зураб, убив Симона, явился к Теймуразу и предложил занять престол Картли, но Теймураз, видя, как вероломен Зураб, не доверился ему и убил, как только представился подходящий случай, а шаху Сефи объяснил это убийство как возмездие за неповиновение шахской власти. Шах проверил слова Теймураза, одобрил его и пожаловал Картлийское царство, за исключением Тбилиси, сыну Теймураза царевичу Датуне, у которого имелись права на него, как у внука картлийского царя Георгия X (по материнской линии).

В Грузии установился мир, говорит Бартоломео Ферро. Царь Теймураз вел мудрую политику, и подданные почитали его своим отцом.

Но трагический конфликт не прошел бесследно для Теймураза. Во сне ли, наяву ли — ему, верно, не раз мерещилась разрубленная голова, потому-то и вложил Арчил в уста Теймураза такие слова:

«Боюсь господа, стыжусь людей за содеянное,
Пусть не знает покоя сердце и отсохнут руки у меня —
убийцы!»

На что мне царство, на что мне владения?
Пусть не на том свете — на этом спросится с меня!».

Одинаковый приговор вынесли Зурабу Эристави грузинский и итальянский историки.

Бери Эгнаташвили пишет: «И свершилось сказанное богом: «Кто возьмется за меч, от меча и погибнет».

По словам Бартоломео Ферро, так погиб тот, кто восстал на своего господина и предал друга, предатель не достоин был жить. И хотя господь запаздывает иной раз с карой, совсем ее не отменяет.

Мы не можем обвинить этих авторов в пристрастии: и грузин, и итальянец не закрывают глаза на злодеяние царя Теймураза.

Измены и вероломство сопутствовали Зурабу Эристави при жизни, и смерть ему выпала вероломная.

Но если это так, о чем же скорбит безвестный стихотворец:

«Вряд ли родится воин, подобный Зурабу...».

Верно, любовь затеняла ненависть: память народа нелегко поступалась отважным героем битв с кызылбашами у Март-

коби и Марабды, и не раз проклинаемого Зураба Эривани оплакивают от лица его матери:

«Кто убил тебя, сын мой Зураб, что сковало руки героя?»

Кто отнял у тебя власть над Картли и Арагви,

Не думала, что кто-либо одолеет тебя...».

Эти строчки родились в тех же горах, куда послали гонца оповестить всех о радости — о смерти Зураба Эривани.

«Пусть женщины Хевсурети спят спокойно.

В Сапурцле убили Зураба, не нагрянет больше с войском».

Да, знали — не нападет больше на вольных горцев арагвский эривани: в Сапурцле он пришел, а уйти оттуда ему уже не довелось.

Навеки покинул он Душети и Ананури и занял место на страницах истории.

ТАЙНА ОДНОГО ПОХОДА

В своей грамоте от 1631 г. царь Теймураз I говорит: «Я, ничтожнейший среди царей, царь картлийцев и кахетинцев милостью божьей, а не добрыми делами...».

Откуда такое самоуничижение в словах гордого грузинского царя? И. А. Джавахишвили отмечает, что ни в каких других царских грамотах не встречается подобное умаление собственной личности — грамота Теймураза первая в этом роде. Почему неутомимый борец за независимость своей страны, царь-воин, заговорил вдруг подобно иноку? «Я, несовершенный в познаниях, убогий в своих деяниях», — читаем мы в другой грамоте.

Вероятно, превратности судьбы оставили жестокий след в его душе. Теймуразу было всего двадцать пять лет, когда зной засушливого лета спалил весеннюю зелень молодости, увяла роза жизни, остались шипы, и карканье ворона заглушило любовные трели соловья, «минула пора утех и радостей, наступила пора скорби и горя», и тяжелая цепь бедствий царя растянулась на долгие годы. В своей поэме Теймураз говорит:

«О судьба, почему меня одного обрекла на страдания?

Почему на меня одного обрушились все удары твоего смертоносного меча?».

Действительно, кажется, никого другого судьба не осыпала так щедро несчастьями и бедами. Не счесть их, и никто не скажет, какой день был самым черным в жизни Теймураза, какое бедствие самым страшным: разорение родины врагом, взятие заложниками его сыновей, чудовищные пытки, которым подвергли его мать, царицу Кетэван, безвременная гибель любимого шурина и друга царя Луарсаба от руки палача: кратковременные победы, сменяемые долгими невзгодами, бесконечные скитания беглого царя по чужим странам. Кахетинское царство было в руках какого-то чужеземца Пейкархана, а он, законный царь, искал справедливости у турецкого султана. Чтобы избавиться от одного дракона, он бежал к другому, добываясь помощи, — иного пути не было. С призывом

о поддержке Теймураз обратился и к северному царю, однако большое расстояние отделяло Грузию от единой России, которая в те времена и сама не располагала еще такой силой, чтобы активно вмешиваться в дела Закавказья.

«Сама Грузия была мала и раздроблена на части, и прекращалась вражда между ними и соперничество». — горькая правда звучит в этих словах Парсадана Горгиджанидзе.

Зажатой между двумя мусульманскими «морями» Грузии некуда было отступать. С одной стороны наступали османы, с другой наседали кызылбаши. По выражению того же Парсадана Горгиджанидзе, грузинам то в одну сторону приходилось замахиваться мечом, то в другую, но легко ли было отбиваться от могущественных государств? В этих условиях одним только мечом невозможно было добиться цели — избавиться от вторжений врага. Нужна была изворотливость.

В бесконечных войнах между Ираном и Турцией много значило, на чьей стороне оказывалась Грузия, и грузинская дипломатия неустанно искала самого разумного выхода из тупика, в который попадала страна.

Жизнь царя Теймураза на чужбине нельзя было назвать царской. Прибывший в Рим посол Грузии Никифор Ирбах отмечал в своей реляции, что царь Теймураз часто сидел на хлебе и воде, случалось, даже спал на голых досках.

«Сколько бед и невзгод, преследований и гонений претерпел он со стороны безбожника шаха Аббаса!» — со скорбью отмечает один грузинский летописец.

...Но миновало удушливое лето. Неустанная борьба грузинского народа принесла плоды: мечом было стерто ненавистное слово «отатаривание». Теймураз вернулся на родину, и его снова благословили на трон Картлийско-Кахетинского царства.

Не смог шах Аббас уничтожить Грузию. А вскоре неподкупный ангел смерти явился к нему и отправил в царство вечной тьмы.

Для Теймураза наступила пора золотой осени. Никто больше не оспаривал у него венца. Никто не вступал с ним больше в борьбу — не было уже на свете Георгия Саакадзе, Зураба Эристави и «отатарившегося» царя Картли Симона.

В поэме Арчила «Спор Теймураза с Руставели» Теймураз гордо произносит:

«Всех непокорных и двоедушных я привел в повиновение.

Непокорным не дал ничего, верных осыпал милостями».

Правда, оставался еще один претендент на трон Картли — Хосро-мирза, куллар-агасы Ирана, потомок картлийских Багратиони, не думавший отступать от своих прав. Большим влиянием пользовался при дворе шаха соперник Теймураза, но это еще не подрывало пока добрых отношений Теймураза с сефевидским государем.

Итальянский миссионер Пьетро Авитабиле уверяет, что шах Сефи получил от своего прославленного деда, шаха Аббаса, завет поддерживать с царем Теймуразом добрые отношения.

Шах Сефи последовал завету деда и в знак своего расположения к грузинскому царю даровал ему Сомхити и Саба-

ратиано. Сообщение Пьетро Авитабиле требует некоторого уточнения. Эти земли и без того были под властью царя Теймураза после убийства царя Симона. Но, что и говорить, подтверждение шахом Сефи власти и права Теймураза на них имело определенное значение.

По словам того же Пьетро Авитабиле, шах Сефи, желая укрепить союз с Теймуразом, намеревался вступить в брак с его дочерью и отправил ей ценные подарки в знак обручения. Дочь Теймураза Тинатин, видимо, была тогда еще мала, и свадьба состоялась лишь несколько лет спустя.

Одним словом, Теймуразу ниоткуда ничто не грозило.

В 1631 г. папа римский, передав слова приветствия «царю Иберии», не поскупился на комплименты: «Слава о вас и вашей доблестной победе вышла за пределы вашего царства, обошла страны Европы и, одолев бурные волны Средиземного моря, достигла Рима...».

Следующий — 1632 год — обозначил еще одну веху на жизненном пути Теймураза. В тот год он собственноручно подрубил сук своей судьбы, упустил из рук тяжелой борьбой добытый трон Картлийско-Кахетинского царства.

Вот что говорит он в поэме Арчила:

«В Гандже бегларбегом был Дауд-хан Ундиладзе.

Отступился он от шаха и обратился ко мне, вступили мы в союз,

Привел он с собой всю каджарскую знать, расположились они на Иори.

По его просьбе кахетинцы напали на них и истребили».

Отъезд Дауд-хана Ундиладзе из Ганджи в Грузию и истребление каджарской знати на берегу Иори с помощью Теймураза было первым действием драмы, которая началась в сентябре 1632 г. и трагически закончилась для Теймураза в феврале 1633 г.

Искандер Мунши утверждает будто Дауд-хан убедил Теймураза, что благорасположение шаха Сефи мнимое, неискреннее, что оно должно усыпить бдительность Теймураза, которого шах намерен свергнуть при первом же удобном случае. Да и сам Теймураз понимал, что шах Сефи, ставший шахом благодаря Хосро-мирзе, рано или поздно постарается отблагодарить своего благодетеля. А тому в качестве высшей награды, разумеется, мерещился трон Картли.

Второе действие драмы разыгралось в октябре—ноябре 1632 г. Теймураз по просьбе Дауд-хана разорил Ганджу и Карабах.

Итальянский историк Бартоломео Ферро передает, что жители Ганджи не успели даже укрыться в окрестных горах — так стремительно налетело грузинское войско на город вслед за вестью о его приближении, как гром вслед за сверкнувшей молнией. Искандер Мунши дополняет картину: «Вопли достигали седьмого неба, жители и воины охвачены были ужасом».

Войско Теймураза всю область предало огню и мечу, захватило несметную добычу — «овец, коров, шелк и много всяческого добра». Опустошив район Ганджи, Теймураз через не-

сколько дней отвел войско в свои владения, чтобы с еще большими силами вернуться и закончить разорение Карабаха.

Второе нападение произошло приблизительно через месяц. И на этот раз добыча была так велика, что, по словам Арканджело Ламберти, буйвола, например, захваченного во время похода, продавали по цене двадцати лепешек.

Осень 1632 года может считаться вершиной военных успехов царя Теймураза.

Кто бы мог представить себе всего лет десять назад, когда кызылбаши безнаказанно бесчинствовали на растоптанной ими грузинской земле, что царь Теймураз дважды кряду пронесется с войском по одной из главных провинций своего грозного врага!

Это был беспримерный случай в довольно длительной истории взаимоотношений сефевидского Ирана и Грузии.

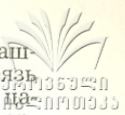
По словам Парсадана Горгиджанидзе, Теймураз напал на Карабах не один. Бок о бок с ним бился имеретинский царевич Александр со своим войском, Леван Дадияни с войском из Одиши, мекхетские князья и дворяне. Иначе говоря, выступила почти вся Грузия, как во времена Давида Строителя и царицы Тамар.

К упоенному победой грузинскому царю прямо в Карабах прибыл со своим войском армянский патриарх Гандзасара и сказал: «Султан и шах воюют друг с другом, лучшего часа не будет. При тебе войска всех семи частей Грузии, сорок тысяч воинов с ружьями я тебе дам, отправляйся прямо отсюда в Тебриз, семь дней разоряйте Тебриз и засчитай войску как плату за семь лет службы, и, пока шах соберет войско, смени правителей в Азербайджане, посади всюду своих подчиненных, а меня направь к султану, приведу от них войско на подмогу, а если шах пойдет против нас, будем биться с ним, и они не смогут осилить грузин, ибо отступить грузины не станут — далеко бежать до дому — и знают, если отступят и убегут, перебьют их в пути, и потому никто не станет помышлять о бегстве, а будут биться и воевать яростно, и победа достанется вам, благословят тебя на царство и тобой спасется христианский мир и укрепится».

Однако Теймураз не принял заманчивого предложения патриарха, а посвятил его в свои намерения: «Эту зиму проведу в Картли, отправлю дары султану, дам передохнуть войску, а весной с еще большими силами отправлюсь в поход». И тогда патриарх сказал ему с укором: «Не стоило призывать войска Дадияни и имеретинского царя, чтобы захватить скот — овец да коров ты бы и в Картли — Кахетии добыл, а иранский государь не станет ждать, пока ты снова соберешь такие большие силы, не сегодня завтра нагрянет на тебя с войском и угонит пленных вместо овец и коров».

Но Теймураз не согласился, не внял священнику, говорит Парсадан Горгиджанидзе.

Сведения о взаимоотношении Теймураза с армянской церковью мы находим еще в одном источнике. В личном архиве М. Тамарашвили хранится переписанный из архива Ватикана текст частного письма, отправленного из Армении в Венецию 5 октября 1630 г. В нем сообщается, что у царя Теймураза со-

брано двадцатитысячное войско, дабы вызволить из кызылбашских рук соседние с Грузией края, что он установил связь с патриархом Эчмиадзина, и армянская знать подчиняется юрю Картли и Кахетии и надеется, что будет восстановлено армянское царство, а Теймураза благословят на царство в Грузии и Армении. Таким образом, выясняется, что выступление Теймураза против шаха было заранее продумано и подготовлено.

Почему Теймураз не принял искреннего совета армянского патриарха? Видимо, мысль о взятии Тебриза и вторжении в глубь сефевидского государства казалась Теймуразу химерой. И. А. Джавахишвили писал: «Ни баснословное число воинов патриарха Гандзасара, ни соблазнительная картина политического будущего не лишили Теймураза трезвой рассудительности, не вскружили ему голову, не дали ему погрузиться в дурман сладостных грез». Зачем же в таком случае разорял он Ганджу и Карабах? Ведь сефевидского государя одинаково разъярил бы как укол, так и удар.

Бартоломео Ферро считает, что Теймураз, поддержав Дад-уд-хана, жаждал разрушить Ганджу и отомстить кызылбашам за то, что они по приказу шаха Аббаса в свое время сровняли с землей столицу Кахетии Греми. И действия Теймураза были мстостью военачальника, а не трезвым шагом политика, заключает историк.

Выходит, поход Теймураза представляет собой лишь авантюру? Вполне понятно желание отомстить за разорение Кахетии или захватить богатую добычу, чтобы хоть в какой-то мере возместить награбленное кызылбашами в Грузии за минувшее десятилетие, но стоило ли то или другое Картлийско-Кахетинского царства? Неужели царь Теймураз не предвидел, что шах Сефи не даст ему передышки до весны и не станет медлить с ответным ударом за Ганджу и Карабах? Неужели радость победы лишила его рассудительности и он самоуверенно вызвал на бой шаха Ирана, надеясь на свои военные силы?

Все было иначе. Походы Теймураза на Ганджу и Карабах представляются совершенно по-иному в свете одной необычной истории.

Как сообщает Арканджело Ламберти, после смерти шаха Аббаса в Иране распространился слух, будто старший сын хана Шираза Имам Кули-хана Ундиладзе на самом деле сын шаха Аббаса. Грозный правитель Ирана, очень благоволивший к Имам Кули-хану за его исключительный ум и отвагу, решил подарить ему одну из своих жен, для чего повел в гарем и предложил выбрать ту, которая больше всех приглянется. Хан Шираза не заставил себя долго упрашивать. Скоро выяснилось, что его избранница была беременна от шаха, а шах не ведал об этом. Прошло пять месяцев, и бывшая жена шаха Аббаса родила мальчика, которого ширазский хан признал своим сыном.

Сведения Арканджело Ламберти подтверждаются и другими итальянскими источниками.

И по словам Искандера Мунши, об этой истории в Иране судачили все — и простолудины, и придворные, но это, мол, было неправдой.

Трудно сказать, был ли мальчик сыном шаха Аббаса. Никто не мог пролить свет на эту таинственную историю. Но в глазах народа новый претендент на престол имел предпочтение как прямой наследник Аббаса. (Внук его получил трон лишь потому, что из трех сыновей шаха по его же приказу один был умерщвлен, а двое ослеплены).

По словам персидского историка, Дауд-хан поведал Теймуразу, что в Ширазе у Имам Кули-хана находится истинный наследник иранского трона, который только считается сыном ширазского хана, и что пришла пора восстановить справедливость: предать этот факт гласности. Он уверял Теймураза, что Имам Кули-хан, правитель Фарса, Бахрейна, Ормуза, Хузистана и Арабистана, выступит с тридцатитысячным войском против шаха Сефи и в скором времени «хутбу» — пятничную молитву будут читать за нового шаха и монеты будут чеканить с именем нового шаха.

Теймураз, несмотря на свою прозорливость, просчитался: поверил в возможность невозможного. По выражению автора, «он ступил в круг непокорности государю».

Дауд-хан и Теймураз написали эмирам Ширвана и Эрвана, что законный наследник иранского трона находится в Ширазе и что их войска и войска Имам Кули-хана вскоре поднимут его знамя в Исфахане!

Однако и шах Сефи не дремал. Он пожаловал Карабахскую провинцию Мухаммеду Кули-хану Зиад-оглы, а Каргли и Кахетню — Хосро-мирзе, именовавшемуся отныне царем Ростомом.

Во главе огромного войска кызылбашей, сопровождавшего нового царя, стоял Ростом-хан Саакадзе — бегларбег Тебриза и спасалар Ирана.

Первого декабря 1632 г. шах Сефи выступил из Исфана. Стояли холода, полили сильные дожди, сменившиеся снегопадами. Шах Сефи из-за непогоды остановился со своей свитой в Казвине. И тут-то ему принесли послание Дауд-хана и Теймураза к эмирам Ширвана и Эрвана. Большого шаху Сефи и не надо было! Он приказал Имам Кули-хану немедленно прибыть ко двору вместе с его старшим сыном.

Теперь слово было за ширазским ханом. Если бы он решился выступить против шаха Сефи, то удар с юга поставил бы шаха между двух огней, вынудил бы повернуть назад к Исфахану. Именно такое развитие событий предполагал Теймураз.

Арканджело Ламберти в конце 1632 г., не зная еще финала разыгравшейся драмы, гадает: или покончат с шахом Сефи и трон займет сын покойного шаха Аббаса, и тогда братья Ундиладзе станут править всем Ираном, или же победит шах Сефи. Он расправится с обоими братьями, а вслед за ними и с Теймуразом, а им, миссионерам, придется бежать от гнева кызылбашей...

Не суждено было сбыться надежде итальянского миссионера на установление в Иране власти братьев Ундиладзе. Старший брат не последовал примеру младшего, и смелое начинание царя Теймураза в глазах последующих поколений выглядело как неоправданная авантюра.

Почему не состоялось ожидаемое выступление Имам Кули-хана? Что помешало ему осуществить задуманное?

Арканджело Ламберти, ссылаясь на находившихся в Исфахане миссионеров-августинцев, пишет, что хан Шираза отправил послов к португальцам в Индию с предложением вернуть им отобранный у них десять лет назад Ормуз, если они помогут ему в борьбе против шаха Ирана.

Как видно, переговоры закончились безрезультатно, а на свои собственные силы хан Шираза не полагался. Другого, более убедительного мотива не имеется.

Так или иначе, Имам Кули-хан Ундиладзе «сошел с опасной стези бунта и последовал по надежной тропе покорности». Но казавшаяся надежной широкая тропа и сбросила его в бездну мести шаха.

А в Грузии меж тем с нетерпением ждали выступления Имам Кули-хана против шаха Сефи, не зная, что началось уже третье действие драмы — огромное войско кызылбашей двинулось к Грузии...

Арканджело Ламберти описывает прием, устроенный царем Теймуразом в Гори. Прекрасные дорогие ковры покрывали стены и полы.

Слева от картлийско-кахетинского царя сидел Дауд-хан, справа — его зять, царевич Александр, дальше располагались сын Теймураза Датун, военачальник Иотам Амилахори, армянский патриарх, католические миссионеры и около пятидесяти именитых людей из Картли, Кахетин и Имерети.

По мнению Пьетро Авитабиле, грузины считали, что шах Сефи не может послать войска в Грузию, поскольку ему, с одной стороны, приходилось воевать с узбеками, а с другой — со дня на день грозило нападение турок на Багдад. Кроме того, кое-кто уверял Теймураза, что Имам Кули-хан выступил против шаха и вот-вот возьмет Исфахан.

А в начале января 1633 г. уже стало известно, что войско кызылбашей приближается к границам Грузии.

Пьетро Авитабиле повествует, что «Теймураз был человеком очень мужественным и не пал духом — тотчас велел собрать войско. Он возлагал надежды на крепости и на отвагу грузин. И многочисленность кызылбашского войска не встревожила его, он хорошо знал, что, бывало, двадцать тысяч грузин обращали в бегство шестьдесят тысяч кызылбашей».

Джусто Прато пишет, что против иранского войска не выступили вместе с царем Теймуразом ни эриставы Ксани и Арагви, ни военачальник Амилахори, ни владетельный князь Парсадан Цицишвили, не уступавший в могуществе эристам. Согласно грузинским источникам, Теймураза сопровождал лишь полководец Иотам Амилахори. Свое фактическое предательство князь оправдывал тем, что поход Теймураза в Ганджу и Карабах, явившийся причиной вторжения кызылбашей в Грузию, был предпринят без разрешения дивана (так грузины называют свой парламент, — поясняет итальянский миссионер).

Примечательно сообщение Парсадана Горгиджанидзе: «Кахетинцы заносились перед карталинцами, называли их по-

коренными мечом и ни во что их не ставили; карталинцы заи-
лись и не хотели видеть своим царем Теймураза».

Необходимо учесть и другое.

По словам Джусто Прато, значительную часть армии се-
февидского Ирана составляли грузины, переселенные в Иран
из Грузии или их омусульманившиеся потомки. Им не соби-
рались оказывать сопротивления — ведь почти у каждого гру-
зина был кто-нибудь близкий в войске царя Ростома. Один
надеялся встретить сына, другой — отца, третий — брата.

Вот почему Теймураз сумел собрать всего лишь трехты-
сячное войско. Стало достоверно известно, что царь Ростом
вступил уже в Тбилиси. Теймуразу оставалось одно — бежать.
И он обратился к своему поредевшему войску: «Братья, нам
приходится отступить, покинуть край, ибо нет сил сражаться
с таким многочисленным врагом». По единодушному свиде-
тельству итальянских миссионеров, иранское войско состоя-
ло из 120 тысяч воинов. Как бы ни была преувеличена эта
цифра, она все же говорит о силе кызылбашей.

Джусто Прато уверяет, что если бы под знаменем Тейму-
раза собрались все грузинские войска, то кызылбаши не осме-
лились бы воевать с грузинами — они трепетали при одном
имени Теймураза.

Без боя побежденный Теймураз со всей своей свитой дви-
нулся в сторону Имерети.

Знакомый путь оживлял в памяти горькие воспоминания
о бегстве в Западную Грузию двадцать лет назад. Горестно
причитала царица Хорешан, кляня судьбу, одним ударом ли-
шившую ее супруга, трона и царства.

Начиналась долгая и суровая зима жизни Теймураза.

ГРУЗИНСКИЙ ЛЕКСИКОН В КАНДАГАРЕ

В 1707 г. Сулхан-Саба Орбелиани получил из далекого
Кандагара письмо от своего двоюродного брата царя Картли
Георгия XI, спасалара Ирана и бегларбега Кандагара. Геор-
гий XI выражал Сулхану-Саба соболезнование по поводу гибели
Вахушти, брата Сулхана-Саба, а закончил письмо словами:

«Ты выслал свой лексикон, но его, увы, не получил тот,
кому он предназначался. Клянусь, я бы очень порадовался, ес-
ли бы его получил он, но и мне доставил радость, а то учу та-
тарский и почти выучил. Увлекся твоей книгой так, что вижу,
заброшу татарскую. Много раз благословлял тебя и еще раз
благословляю. Воистину хорошая книга, и очень по душе она
мне».

Сулхан-Саба послал, оказывается, составленный им тол-
ковый словарь грузинского языка своему брату Вахушти в
Кандагар, но тому не суждено было его получить: Вахушти
внезапно умер в Кандагаре, куда прибыл во главе грузинского
войска в тысячу человек из Картли.

И вот лексикон попал к Георгию XI. По совету и по по-
ручению царя Сулхан-Саба начал составлять его еще в юно-
сти.

Годы кропотливых поисков отдал Сулхан-Саба созданию лексикона и блестяще выполнил задание Георгия, которое вверяло, по сути, чаяния всего народа. И. А. Джавахишвили отмечает, что это замечательное творение Сулхана-Саба Орбелиани и поныне бесценное сокровище для науки, а уж в те времена лексикон был грузинам нужен, как хлеб насущный.

1707 год. В далеком Кандагаре царь Картли читает толковый словарь Сулхана-Саба и радуется еще одному достижению грузинской культуры, еще одной ее победе, равносильной победе в крупном сражении. Как воины, выстроились в единый ряд грузинские слова, чтобы изгнать чужеземные слова, занесенные в Грузию в разное время завоевателями, стремившимися утвердить с их помощью свои нравы и порядки.

«Мой желанный брат, кого так жажду лицезреть, батюно Сулхан...» — читает дальше Сулхан-Саба письмо Георгия, пришедшее из Кандагара, и сердце его сжимается от тоски.

Как быстро, неумолимо промчались годы. В невозвратимом прошлом затерялись несбывшиеся мечты. Где твои двоюродные братья, Сулхан? Доведется ли увидеть их когда-нибудь, или и они, подобно Вахушти, на чужбине найдут свой конец? Все они в чужих краях: Арчил — в Москве, Георгий — в Кандагаре, Леван — в Исфахане. Не терпят ни голода, ни холода, и все же горька их участь.

А царь Георгий читает в Кандагаре лексикон Сулхана-Саба, и вспоминаются ему родные горы... В какую даль закинула его судьба — три месяца пути отделяют Кандагар от Грузии! Его — поборника независимости Грузии — судьба обратила в спасалара Ирана и бегларбега Кандагара! Собственного имени и то лишила — превратила христианского царя Георгия XI в мусульманина — Гургин-хана, в Гурджи-хана («Грузинского хана»). Что нужно ему, рожденному на грузинской земле, за нее проливавшему кровь, у пределов Индии, на чужой земле, под чужим небом?!

И. А. Джавахишвили писал: «Персидские шахи часто не доверяли своим полководцам-персам, а верность грузин данному слову, своей клятве хорошо была известна им по опыту; вот почему грузинским царям поручали они распутывать сложные, запутанные военные дела. И в результате таким выдающимся личностям, как царь Георгий XI, приходилось тратить свой военный талант на усмирение восставших племен и народов, покоренных Ираном, отправляться то в Афганистан, то в Белуджистан, то еще в какую-нибудь даль, где вспыхивал мятеж».

О судьбе царя Георгия XI подробно пишут и зарубежные авторы — Крушинский, Мами-Клера, Ханвей. Из всех грузинских царей, кстати, фигура Георгия XI более всего известна европейскому читателю.

Георгий и его старший брат Арчил, правивший в Западной Грузии, много лет пытались объединить страну, без чего она не могла добиться полной независимости, но определенная часть грузинских феодалов упорно противилась этому, играя на руку изоэстренной дипломатии Сефевидов.

В 1688 г. шах Сулейман, сместив Георгия XI с картлийского трона, объявил царем внука Теймураза Ираклия под именем Назарали-хана, наследственные владения которого (Кахетия) находились в руках кзылбашского правителя. Однако мало было объявить царем — надо было еще завладеть дарованным тронном. Началась гражданская война. Самовластные феодалы, не желавшие объединения Грузии, сплотились вокруг Ираклия против Георгия XI.

В Картли установилось «двоевластие». От Георгия XI отошли даже близкие родственники — брат матери и его зять.

Как утверждает Тадеуш Крушинский, шах Ирана ничего не добился бы, применяя лишь силу, — Георгий XI был очень искусным полководцем. Кзылбашы подкупали князей, и те в решающий момент изменяли, отводили свои войска, предавая царя. И Георгию в этой ситуации оставался один выход: во враждебном Исфахане добиваться трона Картли и подчинить себе вероломных феодалов их же способом — при поддержке иранского шаха.

К этому времени шаха Сулеймана на троне сменил новый шах, склонный более к мирной жизни, чем к войне.

...И персидские и европейские источники утверждают, будто умирающий шах Сулейман так обратился к своим везирам: «Если желаете мира и покоя, возведите на престол Хусейна-мирзу, если хотите укреплять мощь государства, расширить границы страны, объявите шахом Аббас-мирзу».

Из двух претендентов коварные везиры отдали предпочтение более слабому и податливому — в надежде, что легко приберут к рукам любящего уединение и молитвы Хусейна-мирзу. Они не обманулись.

В августе 1694 г. на престол в Иране был возведен двадцатипятилетний Хусейн. Он стал девятым и фактически последним шахом Сефевидской династии.

Георгию XI нетрудно было восстановить дипломатические отношения с сефевидским двором. В марте 1697 г. он прибыл в Исфахан. Встретили его торжественно, богато одарили. «На четвертый день, — пишет Сехниа Чхеидзе, — его принял шах, принял радушно, ласково, как отца, с подобающими почестями, по душе пришлось ему добросердечие царя Георгия».

Кто мог тогда предвидеть, что царю Картли не придется больше вернуться на родину.

Миссионер-незудит Рикар, лечивший Георгия XI, сообщал в письме от 7 августа 1697 г., что шах был милостив к царю Картли, но трона не вернул.

А итальянский миссионер Амадео из Брешии писал в Рим в 1698 г.: «Царь Георгий пребывает в Исфахане, живет надеждой».

В Картли между тем положение ухудшилось. Гарнизоны кзылбашей, стоящие в крепостях Тбилиси, Гори и Сурами, бдительно охраняли власть Ираклия (Назарали-хана), а он, со своей стороны, не мешал им обирать население, закрыв глаза на их бесчинства.

Но не знали покоя и жители Ирана — на восточные провинции нападали отряды белуджей, грабили и разоряли их.

Кызылбаши не могли с ними справиться — в каждой схватке терпели поражение. Шах Хусейн решил использовать военный талант царя Георгия, находившегося в то время в Исфахане. Он назначил его бегларбегом Кермана и обещал вернуть трон Картли, если тот наведет порядок в Керманской провинции, покончит с разбойничьими набегами белуджей.

Очевидец событий Сехниа Чхеидзе пишет: «Не пожелал царь Георгий принять Керман, ибо был грузинским царем и управление Керманом посчитал зазорным, но не отстал от него шах».

В конце концов грузинская знать Исфахана уговорила царя Георгия XI выступить в Керман, чтобы вернуть себе таким путем трон Картли.

Сехниа Чхеидзе на этот раз отправился с войском Георгия и оставил нам правдивую картину сражений в пустыне и всего, что они там испытали.

Читаешь записи грузинского историка, и перед глазами встает выжженная солнцем земля, где ни капли воды — смочить пересохшие губы, ни тень — хоть на миг укрыться от знойных лучей. Вокруг бескрайняя пустыня, угрюмая и таинственная. Можно месяц идти и не встретить ни души. В этот необозримый безжизненный край и отправились воевать грузинские воины, но, судя по тону записей, они не пали духом, не утратили бодрости. «Мы ехали весело, словно на свадьбу были званы, и только наша малочисленность тревожила нас».

Войско состояло из шестисот воинов, а белуджей, как донесли лазутчики, было до двух тысяч, и к тому же они были привычны к пустыне.

Царевич Леван, младший брат Георгия XI, строчками из поэмы Руставели ободрял воинов:

«Провидение сильнее всех воителей вселенной.
Лишь когда настанет время, я покину мир

мгновенный.

Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни брэнной.
Тот, кто это понимает, тверд душою неизменной».

Спустя пять столетий после создания бессмертной поэмы один эпизод из нее повторился почти точь-в-точь: Автадил, воплощение грузинского рыцарства, защитил караван мусульманских купцов, схватившись с разбойниками, а теперь грузинский царевич должен был избавить жителей Кермана от грабящих их белуджей (Керманскую провинцию населяли в основном гебры — персы-огнепоклонники, не принявшие ислама после завоевания Ирана арабами, упорно сохранявшие свою религию — зороастризм).

Наступили сумерки, рассказывает Сехниа, отряд царевича Левана остановился поблизости от лагеря белуджей возле скал. Белуджи не обратили на них внимания: отряд противника был малочислен, а к тому же они так часто побивали кызылбашей, что уже не принимали их всерьез.

На рассвете начали перекликаться часовые. Белуджи издевались, кричали кызылбашам, что их одурачили, погнали на верную гибель, мало их, мол, били, не то еще будет!

На что те им отвечали: «Аллах обрушил на вас свой гнев — явился сюда грузинский вали Леван, а с ним грузинское войско — растерзают вас!».

Услышав про грузин, белуджи призадумались, «И не знали того, что нас, грузин, и двадцати не было, курицу не растерзали бы», — смеется над ними Сехниа Чхеидзе.

Шутки шутками, но грузинский меч, видимо, и кызылбашам придал уверенность и отвагу — из двух тысяч белуджей разве что пятьсот избежало смерти.

Шутки и стихи сопровождали грузин, измученных боями в пустыне. Ободряли их, вселяли мужество, исцеляли от усталости и уныния, напоминая о том, что «муж в беде стоять обязан неприступною стеной».

Да, стихи всюду сопровождали грузинских воинов, но стихами, увы, не утолить было жажды!

Ведомые Георгием XI грузинские воины шли по пустыне, где не только никогда не сражались, но и ни разу не бывали. Далеко осталась вода грузинских родников, горсть ее — несбыточная мечта в этой проклятой богом пустыне — живой водой показалась бы сейчас грузинским воинам.

Вот что пишет Сехниа Чхеидзе: «Оглядели мы поле боя, но в иссохшей от зноя пустыне воды и в помине не было. Вечером сели на коней и поехали за ханом Систана, был он проводником нам и сказал, что вода в двух агаджах¹, там, говорит, расположимся. Обрадовались, думали источник, подобный грузинскому. Прошли два агаджа и в сумерках дошли до места, где, сказали, есть родник. Стали искать. Показали нам его, и увидели мы — вашему бы врагу увидеть такой родник, столько соли было в воде, что, клянусь вам, заяц бы умер, испив его, горькой была вода от соли. И разобрал нас смех, а иные стали укорять и бранить хана, но что оставалось делать, переночевали мы там».

...Прошло время, и в Кандагарской провинции начались беспорядки. Выручать сефевидский Иран опять-таки должны были грузины.

В 1703 г. Георгию XI вернули картлийский трон и назначили спасаларом Ирана и бегларбегом Кандагара.

«Что было делать, — говорит Сехниа Чхеидзе. — Обрадовались, что возвратили трон царю Картли, но опечалились, что надо было отправляться в Кандагар».

В Картли наместником Георгия XI должен был остаться его племянник, сын Левана, Вахтанг VI, а сам Георгий в мае 1704 г. со своими отборными воинами повел кызылбашское войско усмирять Кандагар.

Почти два месяца ушло на дорогу. Снова шли через безводные пустыни. Достигли Кандагара, но там было не легче.

«Знойно в Кандагаре, — пишет Сехниа Чхеидзе. — К вечеру дул такой раскаленный ветер, что приходилось отворачивать лицо. Я видел, как, взбив яйцо, выливали его на медную тарелку, и оно жарилось на солнце, а на голой крепостной стене лепешка выпекалась».

¹ Агадж — 5—6 км.

Георгий XI навел порядок в Кандагарской провинции, а мятежного вождя афганцев Мир-Вейса заковал в кандалы и отправил в Исфахан, написав шаху Хусейну: «Сей султан не покорен, хочет посеять смуту в этом краю, не отпускайте его назад, не то натворит беду».

Европейские авторы единодушно утверждают, что, если бы шах послушался мудрого совета Георгия XI, возможно, и не закатилось бы солнце сефевидского государства.

...Голландский художник Корнелий де Брейн, приехавший в Иран в начале XVIII в., написал портрет шаха Хусейна. Лицо у повелителя Ирана приятное и даже добродушное, в глазах безмятежный покой. Голландский художник оставил и словесный, куда более красноречивый, портрет сего шаха на страницах своего дневника: «...государь целиком поглощен женщинами, его распуство не имеет предела, о благоденствии страны он нисколько не печется. Его дурной пример причина тому, что в великой сефевидской империи правосудие пало и воцарился произвол, а зло не карается».

Слова голландского художника подтверждает и польский миссионер Тадеуш Крушинский и добавляет: «Шах Хусейн считал свой гарем отдельным царством и единственным, что заслуживало заботы. По числу жен и расходам на них последний сефевидский шах превзошел всех своих предков».

Власть при нем перешла к евнухам.

Что хорошего ждало страну, благоденствие которой зависело лишь от личности такого государя!

Все, что мечом и огнем добыл столетие назад шах Аббас, теперь пускалось по ветру безвольным шахом Хусейном.

В Исфахане Мир-Вейс легко подкупил придворную знать и влиятельных евнухов, завидовавших возвышению царя Георгия и других грузинских деятелей в государстве Сефевидов. Под их нажимом беспечный шах скоро отпустил коварного афганского вождя, Мир-Вейс невредимым вернулся в Кандагар, где показной преданностью и лицемерными речами усыпил бдительность царя Георгия.

Однажды, когда большая часть грузинских воинов отправилась в горы усмирять какое-то взбунтовавшееся племя, афганцы вероломно напали на царя Георгия и его свиту на пиру у Мир-Вейса и всех перебили.

Случилось это 21 апреля 1709 года.

Последние минуты Георгия XI описаны Иосебом Картвели. Заслышав шум, Георгий мигом протрезвел, вскочил на ноги и выхватил меч. В шатер ворвались с полсотни афганцев во главе с Мир-Вейсом. Георгий бросился им навстречу, и во семь человек, попавших под его меч, распростились с жизнью, но одолеть всех ему было не под силу, и ударом копыа грузинский царь был убит.

«Сорвал с него крест и образок Мир-Вейс, взял псалтырь, который был у Георгия, и послал шаху, говоря, так обманывал тебя царь», — рассказывает Вахушти Багратиони.

Года через два в окрестностях того же Кандагара благодаря измене кызылбашей погиб и племянник Георгия XI царь Кайхосро.

Тадеуш Крушинский пишет, что афганцы, хотя и одержали крупную победу, сумели признать правду и воздать хвалу отваге побежденных: «кызылбаши — бабы в сравнении с грузинами, а мы, афганцы, — бабы в сравнении с грузинами».

...И все же не даром была пролита кровь на чужбине. Своими военно-политическими успехами в Иране Георгий XI на десять лет обеспечил Картли передышку от войн и чьих-либо вторжений.

В течение этих десяти лет в Картли успешно правил заменивший царя Георгия XI его племянник Вахтанг, благодаря энергичным усилиям которого страна достигла небывалого для того времени культурного подъема.

В Тбилиси была основана типография, и грузин мог теперь взять в руки печатное издание «Витязя в тигровой шкуре».

Английский картвелолог Д. Ленг замечает: «По правде сказать, этот период пробуждения и возрождения не сравнить с достижениями золотой эпохи Давида и Тamar, но это был истинный ренессанс, серебряная пора грузинской цивилизации».

Кровью грузинских воинов, пролитой на благо Ирана, оплачен был обретенный на короткое время покой и прогресс культуры Картли.

Георгий XI, чьими усилиями судьба этого государства, хотя и ненадолго, озарилась ярким светом, с честью выполнил свой долг перед родиной. Он словно говорит нам из своего далека: Ярем мой был благим, а время мое — легким.

КЕМ БЫЛ ИОСЕБ КАРТВЕЛИ?

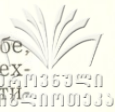
Поэт XVIII в. Иэсе Тлашадзе в поэме «Бакарнани» отвел несколько строк некоему Иосебу — переводчику при французском посольстве в Константинополе. В европейских источниках он упоминается как Иосеб Картвели (Иосеб Грузин).

Шел октябрь 1722 года. Столица некогда могущественного сефевидского государства была осаждена афганцами. Жители голодали. Шах Хусейн решил сдаться на милость афганцев. Он покорно явился к Мир-Махмуду, расположившемуся в великолепном дворце шаха неподалеку от Исфахана.

Долго заставили прождать перед дворцом бездарного и безвольного потомка прославленного шаха Аббаса, сознательно унизили, прежде чем впустить в приемный зал.

«Салам алейкум», — смиренно приветствовал шах Хусейн сидевшего в углу Мир-Махмуда. Грозный предводитель афганцев и не подумал встать и ответить, а ограничился лишь кивком головы. Шаха Ирана усадили в противоположный угол.

Шах Хусейн, прозванный за свою чрезмерную набожность «муллой», и на этот раз обратился к Мир-Махмуду со словами из Корана: «О боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь. В твоей руке благо; ты ведь над каждой вещью мощен!».

Закончив стих из Корана, он добавил: «Покоряюсь тебе, сын мой, желаю тебе править счастливо» (пятидесятичетырехлетний шах Хусейн действительно в отцы годился двадцати четырёхлетнему Мир-Махмуду).

После этого правитель Ирана снял свой венец и передал его афганскому военачальнику Аманулле. Тот поднес его Мир-Махмуду, но предводитель афганцев отмахнулся, и шаху Хусейну пришлось собственноручно увенчать своей короной голову Мир-Махмуда.

Столетие назад самая пылкая фантазия не могла бы представить столь непристойный конец могущественной династии.

В конце этой унижительной «церемонии» побежденному шаху подали кофе и кальян, а Мир-Махмуд, развеселившись, утешил развенчанного государя, сказав: «Не предавайся скорби, царства переходят из рук в руки. На все — воля аллаха».

На этом все и завершилось.

Больше от шаха ничего не требовалось, и афганцы позволили ему вернуться в столицу.

Откуда у нас такие подробные сведения об этом событии?

Мир-Махмуд, разумеется, не вел дневник, а персидские хронисты по вполне понятным соображениям вообще скупо освещают описываемый период. И мы, пожалуй, так бы и не узнали подробностей этой невероятной церемонии, если бы не было очевидца, который и рассказал о последних днях Сефевидской династии, осаде Исфахана и капитуляции шаха.

Этим очевидцем был Иосеб Картвели. Свои записи о так называемых персидских революциях он составил на грузинском, итальянском, французском и турецком языках.

Грузинский и итальянский тексты пока не обнаружены. Турецкий текст хранится в университетской библиотеке в Глазго, а французский — в архиве министерства иностранных дел Франции. Разнообразным материалом Иосеба Картвели широко пользовались историки XVIII в. — француз Луи Мами-Клера, англичанин Джон Ханвей, поляк Тадеуш Крушинский, армянин Саргис Гиланец. На Иосеба Картвели часто ссылаются современные английские ученые Л. Локарт и Д. Ленг. С личностью и деятельностью Иосеба Картвели грузинского читателя впервые познакомил известный исследователь В. Н. Габашвили.

Иосеб Абесаламашвили (такова фамилия Иосеба Картвели) родился в Тбилиси в 1687 г. Родители его были католиками, вот почему отца Иосеба звали распространенным в католическом мире именем Гаспар, в честь одного из трех волхвов, пришедших на поклонение младенцу Иисусу.

Род Абесаламашвили, происходивший из южной области Грузии — Месхети, был известным и влиятельным. Отец Иосеба много лет являлся нацвали — одним из управителей города. На эту должность обычно назначал сам царь.

Начальное образование Иосеб получил в тбилисской католической школе миссионеров, где обучали латинскому и итальянскому языкам, а также грамматике и богословию. Школа пользовалась большой популярностью среди жителей Тбилиси. У миссионеров, кстати, учился и видный грузинский ученый Вахушти Багратиони.

Часть питомцев этой школы продолжала образование в Европе, но поездка туда из Грузии сопряжена была с огромными трудностями, и католические миссионеры добивались от папы римского открытия высшей школы в самой Грузии. Там одаренные юноши изучали бы как светские, так и духовные науки.

Передовая часть грузинского общества стояла за распространение в Грузии католичества и подчинение грузинской церкви римской курии, лишь бы обеспечить таким путем политико-экономическую помощь со стороны Западной Европы в борьбе с Ираном и Турцией. Однако, кроме поборников, было и много противников распространения католичества.

Когда Георгий XI, борющийся за независимость Грузии и оказывавший покровительство католикам, был закинут судьбой в Иран, а на троне Картли обосновался сторонник персидского влияния Назарали-хан, католикам в Грузии пришлось худо.

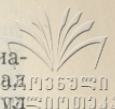
Сулхан Орбелиани, с 1687 г. ставший католиком, укрылся в монастырских стенах, приняв имя Саба. От Гаспара Абесаламашвили потребовали отойти от католичества. Он отказался, и тогда его сместили с поста нацвали, а затем выдворили из Тбилиси. «Стал франком отец его, был он нацвали города, выгнали его горожане, разорили его очаг», — пишет Иясе Тлашадзе, а зарубежная летопись («Кармелитская хроника») называет Гаспара грузином благородного происхождения, у которого за приверженность католичеству отобрали все имущество. Разоренная семья Гаспара попала в Иран. В 1699 г. Гаспар отправился в Европу с посольством католического епископа Исфахана Эльяса и повез послания Георгия XI государям европейских стран. Вместе с отцом поехал и двенадцатилетний Иосеб, которому отец решил дать образование в Европе.

Поездка длилась почти три года. Путь посольства от Исфахана до Рима пролегал через Шемаху, Астрахань, Москву, Киев, Львов, Варшаву, Краков, Вену и Венецию. Так довелось Иосебу еще подростком повидать незнакомые города, чужие края.

В Москве Гаспар оказал посольству Эльяса большую помощь через находившегося там в эмиграции царя Арчила, который был близок к Петру I. Посольство продолжало путь, но Гаспару не суждено было попасть в Рим: в 1701 г. он скоропостижно скончался в Варшаве, не оставив сыну иного наследства, кроме псевдонима — Гаспара на чужбине называли Гаспаром Картвели.

Прошло совсем немного времени, и сын его стал известен и в Риме, и в Париже, и в Исфахане, и в Константинополе как Иосеб Картвели. Кости Гаспара приняла варшавская земля, а осиротевшего мальчика взяли под свою опеку епископ Эльяс и итальянский миссионер.

В 1702 г. Иосеб попал в Рим. Его зачислили в Монтефиасконскую семинарию, а через год допустили в Урбанский колледж, где готовили миссионеров разных национальностей. Пройдя курс обучения и получив благословение, они возвращались на родину и распространяли там католическую веру. В этом колледже два места предназначалось для юношей из Грузии.

Лет через десять колледж посетил Сулхан-Саба Орбелиани вместе с кардиналами и епископами Рима и присутствовал на уроке богословия (Иосеб к этому времени уже покинул Рим). Сулхан-Саба сообщает, что среди учащихся были грек, русский, немец, армянин, араб, перс, турок, египтянин, эфиоп, босниец. «Их епископ даже пошутил со мною: нам недостает грузина, пришли к нам юношей, обучу их и верну тебе. Но это была не только шутка — он просил меня об этом по повелению папы».

В Урбанском колледже Иосеб изучал философию и теологию, в совершенстве овладел европейскими языками и получил прекрасное для своего времени образование. Однако, по-видимому, его не привлекала карьера католического миссионера.

Для Иосеба вопрос распространения католичества был скорее вопросом политической ориентации, как и для грузинских царей, царевичей и феодалов. В Грузии богословские проблемы не очень-то занимали умы, здесь больше интересовались светскими науками. И Иосеб тоже не выдержал атмосферы Урбанского колледжа — да и как было вытерпеть в четырех стенах юноше, жаждавшему деятельной жизни, приключений!

В 1709 г. он попросил дозволения вернуться на родину. Ему разрешили и даже снабдили на дорогу некоторой суммой. Иосеб покинул Рим, а в журнале Урбанского колледжа навсегда сохранилась суровая аттестация: «Воистину мятежный и непокорный дух, бог весть, что с ним приключится».

Пожив некоторое время в Венеции, он перебрался в Константинополь, где совершенствовался в турецком языке. Здесь Иосеб познакомился с Сулханом-Саба Орбелиани (возвращаясь из Европы в Грузию, выдающийся грузинский писатель и ученый на полтора года задержался в Константинополе дорабатывать свой лексикон, названный «Букетом слов»).

Иосеб принял участие в составлении грузинско-итальянского словаря.

Способности молодого человека требовали более активного выражения, его манили новые дороги, неведомые страны...

В 1716 г. Иосеба Картвели зачислили переводчиком французского посольства, направлявшегося в Иран. Возглавлял его Анже де Гардан.

Посольство Гардана сначала направилось в Алеппо и остановилось за городом. У Гардана была инструкция от французского правительства скрыть, куда и зачем он ехал, ибо Франция не желала, чтобы Турция знала о ее отношениях с Ираном. Для отвода глаз Гардан проводил время в развлечениях, охотился, а сам меж тем приобретал для членов посольства и слуг лошадей и турецкую одежду. Иосеб, конечно, был чрезвычайно полезен Гардану, не знавшему восточных языков, обычаев и нравов.

Месяца через два посольство Гардана тайком пустилось в путь дальше. Но турецкие власти не дремали. Узнав о тайном отъезде Гардана, послали вслед погоню. Военный отряд настиг посольство через двадцать дней. Всех членов посольства арестовали, обвинив в шпионаже в пользу Австро-Венгрии (Турция тогда находилась с ней в состоянии войны) и заточи-

ли в алеппскую тюрьму, где с ними обращались прескверно, хотя Гардан и сопровождавшие его лица были подданными Франции. В конце концов их перевели в Константинополь. Там французский посол добился наконец освобождения и снова отправился в путь.

Из Константинополя посольство морем добралось до Трапезунда, откуда направилось в Эрзрум, а затем летом 1717 г. через Эрван прибыло в Иран.

Шах Хусейн дважды принял Гардана. Переводчиком у них был Иосеб Картвели, прекрасно знавший несколько восточных языков.

Но он был не просто переводчиком. В документах министерства иностранных дел Франции он упоминается как секретарь-переводчик консула Гардана. И действительно, Иосеб активно участвовал в дипломатических переговорах. Благодаря ему Гардан сумел установить контакт с грузинами, занимавшими при дворе шаха высокое положение, в частности с Вахтангом VI, тогдашним спасаларом Ирана.

Прошло время, в начале 1722 г., как уже известно читателю, в Иран вторглись афганцы и, разбив в битве под Исфаханом парадно-нарядное, но не подготовленное к войне иранское войско, осадили столицу Сефевидов.

Когда стало очевидно, что Исфахан не получит помощи извне, Гардан понял, что держава вот-вот падет, и 20 октября велел Иосебу Картвели любой ценой пробраться в лагерь афганцев и попросить их предводителя оказать покровительство подданным Франции.

Иосеб без колебаний взялся выполнить ответственное и опасное задание. Ему удалось пересечь линию огня и передать Мир-Махмуду вместе с дорогими подарками просьбу Гардана. Афганский предводитель, польщенный тем, что представитель европейской страны признал его власть раньше шаха, обещал французам свое покровительство и заверил, что не отнимет пожалованного им шахом дворца в Исфахане и не станет запрещать католическим миссионерам богослужения.

Афганцы оставили Иосеба Картвели в своем лагере на несколько дней, и таким образом он оказался свидетелем встречи Мир-Махмуда и шаха Хусейна.

Грузинский писатель сохранил для истории детальное и достоверное описание падения сефевидской державы.

Что касается миссии, возложенной Гарданом на Иосеба Картвели, то она была успешной, дипломатическое посредничество оказалось плодотворным: Мир-Махмуд обошелся с французскими подданными значительно мягче, чем с английскими, голландскими, индийскими и армянскими купцами, которых он обложил безбожными поборами, французы же отделились всего тридцатью туманами.

Иосеб не стал долго задерживаться в Исфахане, где царил безудержный произвол завоевателей. В 1724 г. он уже находился в Константинополе и служил во французском посольстве переводчиком.

Здесь он встретился с католиком Грузин Доменти, младшим братом Вахтанга VI, и помог ему получить аудиенцию у великого визиря Турции, хотя и пытался доказать ему, упо-

1935320
01321110333

вашему лишь на Турцию, что «Франция лучше Турции». То же самое он пишет и в своем сочинении на итальянском языке, приводя грузинскую поговорку: «На османа надеяться что на волну морскую опираться». Сочинение это использовано французским историком Мами-Клера, который познакомился с Иосебом Картвели там же, в Константинополе, и сохранил для нас больше всего сведений о личности и деятельности этого грузина.

Мами-Клера пишет, что невероятные события, происшедшие в Иране, так всполошили весь Константинополь, что там ни о чем больше не говорили, хотя никто толком не знал, взяли афганцы столицу Сефевидов или нет. Историк уже располагал некоторыми материалами об осаде Исфахана, но знакомство с сочинениями Иосеба Картвели, где детально описывается падение сефевидского государства, и с самим автором привело его в восхищение.

Мами-Клера был по профессии военным инженером, а мысль приняться за исторический труд пришла к нему внезапно. «Я беседовал относительно этого с господином Иосебом, — пишет он. — и он одобрил мое намерение».

В течение полугода Иосеб Картвели почти ежедневно виделся с Мами-Клера, давая ему подробные пояснения и делая необходимые по работе замечания. Вот почему французский историк называет его своим «проводником» и данные Иосеба Картвели считает самыми ценными для своих исследований. Он отмечает, кроме того, что у «этого грузина» поразительная память, живой и трезвый ум, он знает множество европейских и восточных языков, обладает глубокими познаниями в области истории и географии.

Трехтомное сочинение Мами-Клера «История Персии с начала этого столетия» вышло в Париже в 1750 г. В нем значительное место занимают отрывки из сочинения Иосеба Картвели на итальянском и французском языках.

Как сложилась дальнейшая судьба Иосеба Картвели в точности не известно. Можно предположить, что он вернулся в Иран помочь Гардану. По словам самого Гардана, когда он покидал Исфахан в 1730 г., в резиденции французского консула оставались миссионер-капуцин и переводчик грузин, которым наверняка и был Иосеб Картвели.

Перевод Элисо ДЖАЛИАШВИЛИ

В последнее время все более многогранный и целенаправленный характер приобретают литературные взаимосвязи грузинских и литовских писателей. В этом русле — и беседа за «круглым столом» грузинского критика Зазы Абзианидзе с его литовскими коллегами, опубликованная в позапрошлом году на грузинском языке в альманахе «Критика», а затем на русском — в журнале «Литературная Грузия», а также проходившая весной этого года в Каунасе творческая встреча литераторов Грузии и Литвы, плодотворность которой подсказала необходимость на этот раз принять у нас в Тбилиси наших литовских друзей.

В преддверии этой новой встречи представителей грузинской и литовской литератур мы и предлагаем вниманию наших читателей статью Альгимантаса Бучиса об основных тенденциях литовской прозы последних лет.

Альгимантас БУЧИС

«БЕССЮЖЕТНОСТЬ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМНОСТЬ ЛИТОВСКОЙ ПРОЗЫ

Нелегка и ответственна любая попытка одним взглядом, а тем более для читателя другого народа, в данном случае — грузинского, обозреть более широкие пространства литературы, на которых трудятся наши писатели, время от времени прощающиеся с уходящими в родную землю соратниками и постоянно принимающие в свою среду всех, начинающих непредсказуемый творческий путь. Нелегка и ответственна, ибо приходится обозреть десятки произведений, мысленно их обсудить и хоть словом-другим определить в общем урожае вес наи-

более интересных за пятилетие или десятилетие созданных ценностей, ставших теперь собственностью духовной жизни нашего народа.

Но вместе с тем такая попытка и привлекает — она освобождает от надоевшей необходимости педантично подсчитывать плюсы и минусы каждого рецензируемого произведения, составлять мелкие мозаики литературных месяцев, готовить из имен и названий угрожающе раздувающиеся годовые отчеты литературы и очень уж рискованно радоваться их утешающей весомости по сравнению с не менее утешающими прошлогодними.

Очевидный результат развития прозы последних лет — это примерно сто или полтораста оригинальных книг, самых различных с точки зрения и темы, и жанра, и проблемы, и стиля; так что у каждого любителя, желающего иметь в своей библиотеке полку с близкими сердцу книгами, есть из чего и что выбрать. Но литература не является ни личной библиотечкой, подбираемой по собственному вкусу и усмотрению, ни «отправлением» субъективно выделенных и иногда даже вслух «единственно талантливыми» объявленных книжек в соседние страны или в вечность... Сама история нашей литературы не раз показывала, насколько временны списки поспешно составляемых так называемых репрезентационных произведений, как часто их корректируют не только новые творческие открытия или звучные дебюты нового поколения, но и быстро изменяющиеся обстоятельства жизни общества и его культурные потребности. Литература существует не в литературных кулуарах, не в придуманном антиземном асоциальном пространстве вечных эстетических ценностей, а в быту народа, в нас самих — именно здесь современная литература предстает не как «сумма» своевольно рекламируемых «шедевров», а как совокупность произведений современных писателей, органически объединяемая в одно целое жизнеспособными политико-общественными тенденциями эпохи, лучшими традициями национальной культуры, наиболее плодотворными современными ее проявлениями.

Подбодрив себя таким вот пониманием литературы, хотелось бы, не пускаясь в разбор уже проанализированных критикой отдельных произведений, окинуть взглядом новую литовскую прозу, представить в нескольких ракурсах наиболее характерные ее черты, проявившиеся за последние годы одновременно с довольно отчетливой сменой социального и эстетического характера действительности.

ВСЕОБЩНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ

Внешне, наверно, наиболее характерной, значительно проявившейся, по сравнению с более ранними пятилетиями или десятилетиями, чертой охарактеризованного нами единства следует считать дальнейшее распространение литовской литературы — прозы за последние годы даже больше, чем поэзии — по миру. Здесь, конечно, я не намерен утомлять читателя впечатляющими цифрами переводов произведений литовской про-

зы на другие языки, вызывающими гордость списками изданных за пределами республики наших книг, — все это легко найти. Просто давайте взглянем на путь, по которому новая наша проза вышла на международные широты.

Сегодня очевидно, что не путем внешней «модернизации» повествования или создания универсально абстрагированных форм происходит включение в круг проблем современной мировой литературы и художественных поисков. Это мнение наглядно подтверждают наиболее живучие традиции литовской прозы, да и новейший ее опыт свидетельствует: единственная колыбель всеобщности литературных идей и форм может и должна быть сплетена только из аутентичного, глубоко прочувствованного и понятого материала национальной жизни, из породившей нас и постоянно окружающей реальности. Именно поэтому первое и самое сильное впечатление, которое производит сегодня так широко в стране признанный и свидетельствующий уже не только о достижениях литовской, но и новых победах всей советской литературы роман Йонаса Авижюса «Потерянный кров», отмеченный Ленинской премией 1975 г., для многих из нас связывается, как метко замечает наш прозаик Витаутас Пяткявичюс, с личным опытом: «Это книга, чем-то связанная с каждым из нас, это произведение, в котором мы ищем себя, свои победы и потери, свои подъемы и спады, историческую необходимость и обиды времени; это роман, в котором вся наша крестьянская Литва и вышедшая из нее интеллигенция останавливается и задумывается на перекрестке истории.

И такое эпическое полотно человек мог создать не понаслышке, не начитавшись своих и чужих произведений, не запрягши моду, но все по-крестьянски просеяв через собственное сито...». В многочисленных статьях и «местных», и «центральных» критиков уже было детально рассмотрено это «необыкновенное сито», через которое просеянное И. Авижюсом «сырье» фактов и проблем национальной жизни стало художественной правдой, волнующей людей разных национальностей. Не желая повторяться, я, может, где-то штрихом-другим и присоединюсь к уже известным выводам критики, но прежде всего с удовольствием подчеркну, что в характеризуемый период не только И. Авижюс, но и другие наши прозаики были особенно внимательны к эпическому опыту народной жизни. Когда заметно иссяк поток психологической прозы внутреннего монолога, такой популярной с 60-х годов, мы как бы ярче ощутили традиционную ценность эпических средств изображения и их красоту, увеличенную новыми находками (в основном той же психологической прозой). Традиционную, так как, например, наши романисты успешно углублялись не в «просто так видную», «очерково обозримую» жизнь народа, а в существенные, роковые события этой жизни, в повороты, эпизоды, где противоречивыми политико-общественными тенденциями перекрещивались пути прошлого и будущего нашего края, вырисовывались идеологические основы настоящего.

На это наиболее яркое время новой эпохи роковых испытаний литовского народа и откликнулся вышеупомянутым рома-

Р135320
С1110333

ном Ионас Авижюс. Ведь в истории нашего века этот период и вместе с ним так быстро пролетевшие одна за другой три волны противоречивейших политических «зарядок» (падение буржуазного строя, восстановление Советской власти, нашествие гитлеровского фашизма) следует отнести к наиболее драматическим моментам переживаний и самоопределения целого народа и одновременно отдельного человека. Несомненно, эти моменты фиксировали не только часы нашей национальной, но и мировой литературы, и уже только потому роман И. Авижюса может вызвать широкий интернациональный резонанс. Но важная тема обычно является лишь «визитной карточкой» произведений, которая может заинтересовать, но не может гарантировать будущей глубокой дружбы и очень часто, как известно из практики, даже разочаровывает. Между тем «Потерянный кров» быстро и прочно вошел в литературный кругозор разных народов — ведь писатель сумел найти важной теме и крупномасштабные, и глубоко художественные решения: он охватил самые различные группировки социального общества с их прогрессивными или регрессивными позициями, острой идейной междоусобной борьбой, впечатляюще показал метаморфозы внутреннего мировоззрения и души густо вырисованных характеров, вызываемые не только чувством долга, но и угрозой смерти, инстинктом самосохранения; наконец, открыл основы бытия человека и народа и осмыслил опирающиеся на них разнослойные этические заветы литовского народа, успешно сопоставил их в свете новой эпохи с самыми различными ветвями мировой этики и философии. Твердо опираясь на активный гуманизм, который и следовало бы определить как квинтэссенцию драматического опыта литовского народа, он решает вопросы судьбы человека и народа у самых истоков бытия, где в годы войны столкнулась человечность мирных землепашцев с фашистским культом уничтожения, и одновременно предупреждает, насколько важно каждому человеку и народу не поддаваться эффектам видимости истории, какое роковое значение имеет выбор передовых позиций.

Такие проблемы всеобщей важности и масштаба, звучащие в разных плоскостях структуры и клетках поэтики романа Ионаса Авижюса, заметно выделили «Потерянный кров» не только из истории литовского советского романа, но и из многонациональной советской прозы, позволили литературным критикам обоснованно сравнивать его с «Хождением по мукам» Алексея Толстого, с новыми наиболее знаменитыми литературными эпопеями братских народов.

ПАНОРАМА ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Наряду с Ионасом Авижюсом, как уже упоминалось, и другие наши прозаики в обсуждаемый период проявляли очень большое внимание к эпическому опыту жизни народа, к моментам роковых его переживаний. Это внимание, думается, не уменьшится и в будущем, и именно поэтому сегодня, признавая большую ценность и значение произведения И. Авижю-

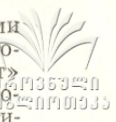
са, мы не можем канонизировать форму его романа или искать в других эпических произведениях впечатляющих эпопейных основ его романа. И, понятно, не только потому, что мы постоянно должны помнить толерантный лозунг, что нам нужно много и разных романов. Решающее слово здесь имеет специфический характер социальной современности и наш сегодняшний, обогащенный накопленным более чем за четверть века общественным и философским опытом, взгляд на историю.

Этот взгляд со временем становился и становится все менее эмпирическим, все более синтетическим и обобщенным, следовательно, все более актуальным, все чаще и эффективнее нашими прозаиками вовлекаемым — как будто на правах какой-то лаконично обобщенной формы — в художественные осмысления известных событий прошлого или современности. Эта емкая — как сама память народа — формула нашего исторического опыта составляет и должна составлять важную часть менталитета современного человека, или точнее — подвижный, активный элемент, который осмысленно углубляет оценку событий прошлого и настоящего, освобождая от необходимости собирать и эмпирически группировать обильный исторический материал.

Может быть, синтетическое понятие исторического опыта не всегда сразу заметно, но именно оно помогло, по-моему, появиться таким романам, как «Жаждающая земля» Витаутаса Бубниса (1971), «Агнец божий» Римантаса Шавялиса (1974), «Братья Шалны» Юозаса Пожеры (1978).

Поставив перед собой задачу воссоздать и осмыслить важнейшие события довоенной и послевоенной жизни народа, Витаутас Бубнис мог смело отказаться от традиционных и, например, в первом послевоенном десятилетии обязательных для романиста принципов панорамного изображения. И не только потому, что тема его романа (исторический путь крестьянства) более узка. Главное то, что, художественно развивая эту тему, писатель мог воспользоваться уже выкристаллизовавшимися в нашей прозе сюжетными «узлами». Его герой Андриус проходит весь крестовый путь безземельного крестьянина, по которому в нашей прозе с первых советских рассказов шел крестьянин Литвы — в буржуазные годы работает в хозяйстве кулака, инстинктивно жаждет собственной земли, получает ее после восстановления Советской власти в Литве, пугается создаваемых колхозов, пытается лавировать между указаниями новой власти и ночным террором бандитов, буржуазных националистов, от которого и погибает... Так что в этом романе опять же роковые события жизни народа становятся важнейшими ступенями политического и духовного созревания человека, а так как они все очень обобщены, конденсированы, то и само произведение приобрело компактную балладную форму.

Еще смелее апеллирует к традициям нашей прозы и вытекающим из них ассоциациям Римантас Шавялис, когда в своем произведении, посвященном драматическим послевоенным событиям, заменяет панорамные картины эпохи воссозданием аутентичной атмосферы той поры: множество сжатых эпизодов или намеков — разговоры людей об устроенной бандитами резне крестьянских семей, тайные сходки «освободи-

телей» Литвы, борьба народных защитников с вооруженными буржуазными националистами — все подобное, как бы мимоходом вырастающие эпизоды сразу исторически «заземляют» воображение и сознание читателя в конкретном времени и пространстве, и перед нами вырастает сочная историческая ситуация, в которой в противоречивые послевоенные годы очутилось все село и каждый его человек в отдельности.

Немного уже в отношении исторического пространства, но не меньшего эмоционального напряжения и роман Юозаса Пожеры «Братья Шалны» (1978), в котором тоже отражаются известные и не раз прозвучавшие в более ранних прозаических произведениях события вооруженной послевоенной классовой борьбы. Однако новый и довольно неожиданный поворот сюжета — младший Шална, коммунист, по специальному заданию становится членом банды буржуазных националистов — опять же действительно сосредоточивает, конденсирует настроения, эмоции той поры. И темы традиционной «золотой середины» или активного сопротивления достигают в романе степени трагизма единственной судьбы, своего идейного крещендо. Еще дальше в конденсированной интерпретации известных исторических событий идет Саулюс Шальтянис в повести «Дускишкис» (1977) — только здесь решающую роль приобретает не логическое «уплотнение» хода истории, а больше присущая С. Шальтянису демонстрация великих исторических событий, истин и «ключевых» явлений, ситуаций сквозь призму инфантильного восприятия жизни и мира, претендующего на чисто чувственную, идеально непосредственную, никакими идеологическими влияниями не тронутую проверку ценностей и немного необычное их прямое выражение, какое часто встречаем в примитивной народной живописи и имитирующих ее модернистических произведениях.

Так оценивая синтезирующий исторический опыт, художественный мир прозаических произведений крупной формы, нельзя, конечно, опираться только на мелькающие иногда в них сжатые эпизоды классовой борьбы, забывая другие компоненты изображения и осмысления жизни. В таком случае мы можем не обнаружить «настоящего драматизма и истинной исторической аутентичности», и начнет казаться, что автор историческую тему классовой борьбы направляет по довольно абстрактному пути общечеловечности. Например, по мнению критика Альфредаса Гуцюса, в романе Римантаса Шавялиса этой общечеловечности на самом деле немало, и поэтому возникает сомнение, «не заслоняет ли она классовый взгляд молодого автора на явления истории, не искажает ли объективную историческую правду»? Тревога понятна, но ведь она продиктована нашей старой привычкой рассматривать историческую правду только в панорамно-широких, адекватных событиях изображаемой действительности. А разве в романе Р. Шавялиса не приобретает особого значения грозная атмосфера послевоенных лет, так и пропитывающая сюжет и мироощущение главного героя Титаса, его внутренний мир, сплошь ставший драматичным полем боя именно послевоенной классовой борьбой выдвинутых противоречивейших идей? Разве не горькая правда истории собрана во всем образе Титаса, в символической раз-

вязке, когда исключительная личность, все время пытавшаяся подняться над историческим процессом и остаться с глазу на глаз с вечно гармоничным бытием природы, сама себя приводит к трагической гибели?

Думаю, что, оценивая подобные романы и повести о послевоенном времени с новой, удаляющейся от панорамы структурой, сегодня мы должны искать более гибкие и точные критерии для определения и высказывания понятий традиционных исторических истин и аутентичности.

Хотя в общем-то, разумеется, еще рано говорить о каких-то резких и очень уж новых структурных изменениях прозы крупных форм на послевоенную тематику. Несмотря на явный уклон к более свободному и решительному историческому обобщению, наши новейшие романы, посвященные осмыслению крупных проблем народа, в своей композиции сохраняют компонент очень популярных в первом послевоенном десятилетии панорамных романов: наброски фабулы и линии жизни героя здесь предрешены ходом всем известных исторических событий. Главные повороты жизни народа как обозначали, так и продолжают обозначать важнейшие сюжетные перекрестки, на которых происходит политическая, идеологическая конфронтация или консолидация различных действующих лиц, а поступки личности все еще оцениваются объективными координатами исторических событий. Отсюда — новая и нелегкая структурная проблема для романистов: а как конструировать роман о сегодняшнем, о повседневном, обыденном, мирном быте, отнюдь не всегда отличающемся крупными эпохальными событиями, которые могли бы стать сюжетной «осью» романа?

РОКОВЫЕ СОБЫТИЯ, РОКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В седьмом десятилетии попытки решить эту проблему были увенчаны даже несколькими, позднее приобретшими широкую известность, психологическими романами внутреннего монолога Альфонсаса Беляускаса, Миколаса Слуккиса, Йонаса Микелинскаса, которые позволили критикам говорить о новой и оригинальной школе литовского романа во всесоюзном масштабе.

Но со временем стало ясно, что художественная форма, предложенная этой школой, очень тесно, просто неразрывно связана со специфичной, присущей ей проблематикой: ответственность человека за свое прошлое, зависимость духовной полноты человека от согласия личности со своими инстинктами, призыванием и чувством общественного долга и т. д. Едва только Витаутас Гирдияускас в своем романе «Люди были добры ко мне» (1973), скомпонованном как сумма внутренних монологов разных героев, использовал формальные приемы вышеупомянутых романов для описания проблем крупной проектной организации и забот ее сотрудников, его произведение застряло на стилистическом перекрестке. Прежде всего — проблемы творческой организации, борьба ее сотрудников с рутинной и бюрократизмом, борьба за более прогрессивные про-

екты и методологию труда как-то рассыпались своими мелкими отблесками в этих многочисленных, быстро сменяющих друг друга монологах; а во-вторых — эти короткие, обыденно-сконцентрированные вокруг проблемы труда, монологи не позволяют глубже и шире раскрыться личности рассказчика, его характеру, глубинным слоям сознания. Жанровая эклектика во многом, видно, мешала писателю успешно воплотить творческую задумку.

Так что начало, организующее сложный, непослушный и рассыпчатый жизненный материал, прежде всего надо искать не в формальных новшествах повествования, а в самом характере действительности, который лучше всего определяется центральными проблемами социально-этической действительности. В военные и послевоенные годы, как говорилось, главные проблемы жизни народа проявлялись во внешне ярких эпических событиях, а теперь они скрываются как бы в подтексте повседневности, не в ряду каких-то внезапных событий, а в ходе повседневного напряженного труда. Это свойство современности уже давно начало тем или иным образом отображаться в нашей прозе: сколько было споров и разговоров о повседневном «маленьком» герое, спокойно живущем своей жизнью и не совершающем никаких особенных подвигов; сколько защищались права новой бессюжетной прозы и возможности отобразить повседневное ровное и поверхностно сравнительно спокойное течение жизни... За многое мы хватались и, может, еще и сегодня продолжали бы инстинктивно и довольно неопределенно оглядываться, если бы сама действительность не выявила свои более значительные новые экономико-социальные контуры.

Прежде всего они начали очень разными и противоречивыми аспектами проявляться в жизни нашей современной деревни, которая всегда была центром внимания литовских писателей. Здесь напомню, что примерно двадцать лет назад деревня сошла с перекрестка экономических трудностей, вступила в новый этап развития, характеризуемый значительно возросшим уровнем жизни, местами обгоняющим даже городской, интенсивной научно-технической революцией и др.

Неудивительно, что именно этот этап жизни деревни и связанные с ним крупные, воистину исторические изменения социально-этического характера в жизни всего народа стали все сильнее и шире отображаться в произведениях наших прозаиков — сначала в более мелких — рассказах, новеллах, а потом и в более крупных — повестях, романах. В одних случаях, особенно в новеллистике, новые изменения чаще показывались только одной более яркой стороной, например, невозвратным изменением пейзажа и ритма жизни старого села, который отзывается живой грустью, глубокой человеческой задумчивостью в рассказах о старых людях деревни Юозаса Агутиса («По горизонту бегут кабаны», 1970), Эугениуса Игнатавичюса («Тишина прокосов», 1971; «Серебряный развод», 1976), Ромуальдаса Грананускаса («Едоки хлеба», 1975) и других. В иных случаях наши прозаики стараются не столько выразить и осмыслить быстрое и сильное воздействие новых изменений на быт и этические нормы старой деревни, сколько

торопятся зафиксировать новые социальные типы людей, заново прорезающиеся черты жителей села, которые заметно меняют характеры и старых, и молодых людей, меняют их светлые стороны и темновые, так красиво оживающие в миниатюрах Вите Вилимайте («Тяжелая ноша яблонь», 1975), в традиционных рассказах Альгирдаса Поцюса («Растаявшие во мгле», 1973), Владаса Даутартаса («За радугой», 1974), Альгимантаса Зурбы («Город чудаков», 1973), Игнаса Пиктурны («Морские ветры», 1975), Рамунаса Климаса («Каникулы под небом Аукштайтии», 1976), в вызвавшей немалое смывление повести Йонаса Мачюкявичюса «Райский уголок» (1971).

Но особенно знаменательно, что в последнее время новые исторические изменения в селе, яркие и зачастую неожиданные их социальные и моральные результаты в жизни людей все чаще и смелее осмысливаются нашими прозаиками не только как ряд отдельных, новых, интересных, трагических или комических бытовых и психологических деталей, а как сложное общее, как исторический комплекс существенных явлений жизни народа. Понятно, что для достижения этой цели наиболее удобны крупные жанры прозы; и на самом деле в обсуждаемый период мы дождались нескольких более крупных повестей и романов, в которых новые исторические явления выступают не только как актуальная тема, но и как структурная ось произведения, как существенный ракурс обрисовки бытия и создания героев.

Эти довольно новые в смысле содержания принципы изображения деревни прежде всего, наверно, стали вырисовываться в новеллистике Витаутаса Римкявичюса, и именно они придали этой новеллистике и новые черты формы: недостижимая в одном рассказе широкая панорама социальной жизни должна была вырасти на сей раз в крупные циклы рассказов, составляющих две книги («Гиренай», 1971; «27 исповедей», 1975). Изображая в обоих сборниках ту же деревню Гиренай, В. Римкявичюс поставил перед собой цель широко рассмотреть актуальные проблемы современной деревни.

И все-таки как рассказы вышеупомянутых новеллистов, так и оба цикла Витаутаса Римкявичюса дают нам прежде всего довольно пеструю и в тематическом, и в художественном отношении штриховую картину современной деревни. Придать этой картине более ценный и широкий размах, силу более смелого синтетического обобщения могли и отчасти уже придали емкие крупные формы прозы — повесть и роман, которые самой своей структурной природой призваны решать кардинальные проблемы народа и человека. Появление трилогии романов Витаутаса Бубниса «Жаждающая земля» (1971), «Три дня в августе» (1973) и «Цветение несаянной ржи» (1976) или выход как-то незаслуженно не попавших в поле зрения критиков повестей Раймондаса Кашаускаса (кн. «Мотоциклисты», 1973), вовремя и весомо опровергло кое-где раздававшиеся намеки на антиэпический характер современной действительности, на ее осерение и измельчание по сравнению с годами внезапных и сильных исторических потрясений, даже на мнимую социальную ее беспроблемность и стагнацию, которая вроде бы должна объяснить и тематическое измельчание новел-

листки, и очевидное уменьшение количества романов о современности.

Очень высоко оцененный критикой роман Витаутаса Бубниса «Три дня в августе» и привлекает именно эпически многоплановой картиной современности, в которой убедительно и драматично переплетаются названные и не названные важные социально-этические линии жизни современной деревни, примыкающие к ним судьбы людей, предопределяемые исчезновением старого образа жизни деревни (старые Крейвенасы), и расчеловечивающим культом материальных ценностей (Винчас), и миграцией сельской молодежи (Шаруне), и крепнущей, часто сознательно даже не понимаемой жаждой истинных духовных ценностей, гонящей человека с места на место (Стяпонас)... Все эти и родственные проблемы сегодня, со стиранием старых граней между городом и деревней, уже распространяются не только в деревне, но и в маленьких городках, городах, куда смело идут и Витаутас Бубнис, и Витаутас Сириос-Гира в своих изящных (по стилю повествования, затрагиваемым проблемам жизни), с энтузиазмом встреченных нашей критикой и читателями романах «Атлантические идиллии» (1973), «Бегство от тени» (1975), и Раймондас Кашаускас в своей повести «Мотоциклисты» и в романе «Маленькие наши грехи» (1975).

Здесь нет возможности детально рассмотреть «Цветение несеянной ржи», тем более что этим романом В. Бубнис завершает цикл всех трех своих романов о «земле и человеке», перенося тематический «центр» в город. Отдельного разбора заслуживает и новаторская в идейном отношении (в данном случае можно обоснованно говорить о новаторском освоении новых социальных и духовных укладов действительности!) повесть Р. Кашаускаса, так как, по точному замечанию М. Слуцкиса, «только в более объемистом исследовании можно было бы, препарировав живую, очень единую и какую-то болезненную ткань произведения, разобрать эти противоречия», социальные и психологические, осмысленные и пришедшие из подсознания, которыми живут герои повести Р. Кашаускаса. Примерно так же и Р. Кашаускас со своим первым романом решительно становится рядом с В. Римкявичюсом и В. Бубнисом, во весь голос говорит о роковых переменах в современной деревне, о реально выросшей опасности культа материальных ценностей, когда любовь к вещам угрожает вытолкнуть любовь к человеку, нередко превращает самого человека в раба вещей. И надо сказать, что Р. Кашаускас в этом процессе художественного познания нашего села сделал новый шаг: другие наши прозаики до сих пор пытались иронизировать, насмехаться над тенденциями материализации, «овеществления» и сопровождающим их духовным обеднением, а Р. Кашаускас уже обращает внимание на трагические последствия этих явлений.

Здесь можно было бы и детальнее рассмотреть упомянутые произведения, но, во-первых, это уже сделали рецензенты, а во-вторых — в данном случае для нас важны не детали, а довольно интенсивное и плодотворное проблемное обновление крупной литовской прозы, ее традиционная и так красиво

проявившаяся решительность и умение охватить важнейшие проблемы прошлого и настоящего народа, в которых никогда не было недостатка на роковых перекрестках истории и, как видим, достаточно и в повседневности современного человека, и во внутреннем мире человека, углубиться в них.

ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ФАБУЛА

Современность выдвигает свои, довольно специфичные требования к сюжетам прозаических произведений: чем больше писатель приближается к настоящему дню, тем заметнее исчезают в ткани сюжета опорные точки более крупных исторических событий, и поэтому значительно изменяются координаты этической оценки героев.

В романе «А нас так мало» (1973) К. Марукас, сохраняя верность своей военной теме искренне и с гражданской смелостью анализирует уроки войны настоящему дню. Композиционный принцип романа (параллельное сопоставление эпизодов прошлого и настоящего) не нов в нашей прозе (вспомним, например, роман Альфонсаса Беляускаса «Мы еще встретимся, Вильма!»), но он вызывает множество новых осмысленных ассоциаций. В годы войны, когда жизнь человека, каждое мгновение зависели от «запрограммированной случайности» («На войне, кажется, с огромной точностью подсчитано, чтобы ты не остался в живых... вся военная машина нацелена на тебя одного, бедного солдата») и когда великие вопросы свободы и бытия народов решались в героической борьбе всего народа, герои К. Марукаса, бойцы Литовской дивизии, учились вошедшим со временем в кровь нормам жизни: «...первым никогда не хватал ложку, он был сыт, когда мы были не голодны, ему бывало тепло, когда мы бывали хорошо одеты, а если надо было — мы мерзли и голодали вместе». Простой и ясной была жизнь героев книги на фронте: там они все выполняли строгие и краткие приказы командиров и точно так же едино придерживались неписаных законов боевого содружества, ибо там «мы были членами одной семьи, связанные крепчайшими в мире узами».

Однако те, которым судьба позволила снова переступить порог родного дома, очень быстро ощутили, как ярко принципы их взаимоотношений на фронте не соответствуют требованиям мирной жизни: кто «на войне не научился заботиться только о себе, тот не умел побеспокоиться о себе и после войны», между тем многие делали карьеру, неизвестно на какие средства строили себе дома, покупали машины... К. Марукас с горечью и живой человеческой тревогой рассказывает, как часто не пристроившиеся или гордо отказавшиеся пристроиться к несложным новым «правилам игры» («...немного гибкости, ловкости, плечами отталкивая более слабого, вовремя чмокнуть кое-кого в белейшее место тела...») оказывались «без паруса и компаса» в широком и тревожном океане современности, ощущали себя одиночными, словно брошенными на произвол судьбы: «Иногда мне кажется, что в какой-то день меня позо-

вут выполнить важную, ответственную работу, кому-то я буду очень нужен... Но никто меня не зовет и не позовет, никому я не нужен».

Перед нами отдельные — прошлого и настоящего — главы повествования, и они раскрывают два довольно разных образа жизни, оказывающих очень разное влияние на поведение и судьбы людей. В одном случае человек полностью зависит от окружения, ему надо лишь выполнять приказы и святые, незыблемые заветы общения, а в другом — он как бы освобождается от строгого диктата обстоятельств, начинает зависеть прежде всего от себя, может свободно избрать направление и цель своего движения и сам ответить за направление, какое бы оно ни было. Но писатель ясно показывает, что это ощущение абсолютной свободы есть лишь видимость — он сдержанно, но впечатляюще рассказывает о нелегкой судьбе бывшего взводного Виктораса, показывает его настойчивые, но неудачные попытки самостоятельно устроить жизнь, сопротивляться лицемерию, перестраховщине, эгоизму, которых не было в забываемой, населенной живыми и погибшими товарищами по оружию стране дружбы, отваги, самопожертвования, по которой он теперь ностальгически тоскует, — на фронте.

Многопоточная, придающая герою довольно широкие возможности внешне свободного движения современная действительность значительно увеличивает и роль самого писателя в создании сюжета, которая в романах и повестях о войне и послевоенной классовой борьбе сильно зависела от хронологии исторических событий, диктовавшей конфронтацию героев, перспективы их социальных путей и часто приводившей к смысловой развязке. Теперь прозаику приходится уже самому конструировать и самому глубоко социально и этически осмысливать повороты сюжета, а это не так легко, как кажется, ибо мы говорим не об интриге произведения, а о сюжете и его главных фабульных акцентах, осмысливающих правду жизни.

...В романе К. Марукаса Викторас трагически погибает, а может, сам обрывает свой жизненный путь — автор не объясняет нам этого подробно, но разносторонне охарактеризованный им образ действительности оправдывает оба возможных варианта, так как и в одном, и в другом случае они были бы закономерны в отношении Виктораса, безнадежно заблудившегося в настоящем и покинутого друзьями.

Правда жизни здесь гармонично откликается в развязке.

Интересны в этом отношении финалы обоих романов Бубниса, потому что в них воссоздаются очень разные ритмы жизни. Андриус из «Жаждающей земли» весь свой век просто живет окруженный прозными историческими обстоятельствами, довольно часто резко изменяющими его судьбу, и мы не очень-то удивляемся, когда он погибает от руки буржуазного националиста — погибает не только как случайная жертва приговоренных к смерти политически-социальных сил, но и как жертва собственных нейтралистских иллюзий. Между тем смерть старого Крейвенаса (во втором романе, «Три дня в августе»), в пламени горящего леса — не столько следствие неизбежной исторической необходимости, сколько эффектный финальный акцент автора, в некотором смысле, правда, символический; но

уже сам характер смерти — жертва стихийного бедствия, даже такой символический акцент позволительно применять только очень редко, ибо смерть героя в мирных условиях современной жизни должна быть особо глубоко и всесторонне обоснована.

В противном случае пришлось бы говорить о мелодраматическом самоуправстве автора. И следует сказать, что отнюдь не во всех наших крупных прозаических произведениях о современности писателям одинаково глубоко удается оправдать эти роковые события фабулы, которые внезапно осмысливают жизнь героя, драматически изменяя ее или трагически обрывая. Так, Витаутас Мартинкус в первом своем романе «Камни» (1972), изображая жизнь современных студентов и просто молодежи с ее более или менее привычными заботами и конфликтами (любовь, создание семьи, защита диплома и др.), очень часто прибегает почти к детективным поворотам фабулы, которые наводняют повествование обилием несчастий (гибель брата Жильвинаса от выстрела бандита, автокатастрофа актера Чесловаса, авария Юлюса и т. д.). Да и пытаюсь решить главную этическую проблему романа («Человек — не его анкета, не то, что о нем думают другие, и не то, что о себе думает он сам»), пытаюсь остро по-граждански оценить мещанское и бюрократическое отношение к человеку, автор пользуется трагической развязкой: талантливый будущий архитектор Жильвинас погибает на острове, желая выяснить назначение каких-то таинственных колодцев... Случайная смерть, и она — как развязка окончательно запутавшихся к концу романа взаимоотношений людей — наверняка понималась бы нами как дидактический упрек автора равнодушию близких и друзей Жильвинаса.

К счастью, автор придает смерти Жильвинаса еще один смысловой аспект: практически Жильвинас погибает по вине контуженного на войне, психически не совсем здорового своего помощника Юргиса, который в припадке галлюцинации забывает падающего в колодец Жильвинаса, так что смерть современного, способного, духовно богатого молодого человека мы понимаем как еще одно патетическое обвинение бесчеловечности войны и фашизму, косвенной жертвой которого становится Жильвинас. Понимаем, но одновременно не можем так уж легко избавиться от сомнений: а как же автор решил бы жизненные конфликты Жильвинаса, порожденные настоящей действительностью, если б не это воскрешенное эхо давно прогремевшей бури войны?

Подобные сомнения, как можно судить по откликам критики, вызывает и финал нового романа Миколаса Слудкиса «Солнце к закату» (1976), где погибает (самоубийство или смерть во время автокатастрофы) один из главных героев романа юный Ригас, пытавшийся самостоятельно разрешить загадки современности, создать собственную иерархию настоящих и мнимых ценностей жизни, «расчистить» в противоречивой связи положительных и отрицательных тенденций современности собственные принципы и цели жизни. Такая ноша оказалась не по плечу молодому герою, он сломался, погиб, хотя его жизненная капитуляция состоялась значительно раньше, когда

Ригас увидел вызывающие сожаление, даже отдающие подлостью результаты своих максималистских стремлений... Но в контексте проблематики всего романа вопросы его путаного бытия так и остаются без ответа, на полпути.

Однако мне бы не хотелось, чтобы читатель вообще усомнился в обоснованности трагической развязки при изображении сегодняшнего дня и вернулся во вчерашний день нашей эстетической мысли, когда многие критиковали финал «Белого парохода» Чингиза Айтматова и утверждали, что мирная современная действительность не может дать писателю материал для трагических тем, так как она прямо не связана с мощными потоками и событиями истории. В данном случае я лишь хочу обратить внимание на особую идейно-художественную ответственность писателя при употреблении такой сильной художественной меры, как смерть основного героя. В таких случаях нельзя положиться только на полет воображения — необходимо опираться на глубочайшую творческую интуицию, к которой так настоятельно апеллировал Василий Шукшин, объясняя внутреннюю драму и судьбу героя своей киноповести «Калина красная» Прокудина:

«Скажу еще более странное: полагаю, что он своей смерти искал сам. У меня просто не хватило смелости сделать это недвусмысленно, я оставлял за собой право на нелепый случай, на злую мстительность ответных людей... Я предугадывал недовольство таким финалом и обставлял его всякими возможностями как-нибудь это потом «объяснить». Объяснять тут нечего: дальше — в силу собственных законов данной конкретной души — жизнь теряет смысл. Впредь надо быть смелее». («Вопросы литературы», 1974, № 7, с. 87).

Думаю, не раз этой смелости не хватало и нашим прозаикам — иначе откуда же столько «розовых» финалов в наших романах и повестях — и, увы, уже не только в произведениях по всей своей проблематике и конфликтам поверхностных...

Но глубокое ощущение жизненной правды и ведомая ею смелая творческая интуиция, сплавленная с чувством тончайшего художественного чутья, обязательны для писателя, конечно, не только при выборе финала для своего произведения, который следует считать смысловым акцентом его. Каждый прозаик, решая запутанные социальные или моральные конфликты «бессюжетной» современности и хватаясь за все решающий или символически осмысливающий фабульный акцент (трагического или героического), всегда рискует соскользнуть в беллетристическое фантазирование, против которого громкоподобно воевал еще Эмиль Золя, призывавший романистов отказаться от «сказочного элемента, бесконечных историк, бесконечной интриги, водящей героев по лабиринтам монотонных случайностей, чтобы в развязке закончить все или смертью, или счастливым браком...». Сколько можно было бы только из появившихся за пять лет произведений отобрать этих бурной фантазией пущенных в свет ошеломляющих случайностей, неожиданных, но, оказывается, очень удобных для сведения концов бессильно расплывшихся сюжетов, всерешающих встреч в кафе, роковых попок, ломки костей, прозрений и т. д. и т. п., но оставим это для литературных пародий.

Самое неприятное, что глубоко жизненно и художественно не обоснованные фабульные акценты всегда могут прозвучать очень двусмысленно: им можно поверить, если будем руководствоваться внешней аналогией пестрой фабулы (или еще более пестрой жизни («Ведь в жизни еще и не такое бывает!»), но точно так же спокойно можно и не верить. Читая роман Ромуальдаса Ланкаускаса «Час неожиданных свершений» (1975), мы, например, очень по-разному можем реагировать на особенно значительный в смысловом отношении эпизод, когда молодой герой романа Дарюс, рискуя жизнью, спасает из горящего дома ребенка. У одних этот поступок вызовет уважение, поможет осмыслить (чего автор, думаю, и добивался) состояние успокоившегося на природе и окрепшего в первоначальном бытии деревни героя, а другие, по словам нашего прозаика Л. Яцинявичюса, только пожмут плечами: «Из дальнейшего хода повествования, увы, так и не узнаем, как Дарюс Миналга понимает «вину других» (какую и перед кем?) и свою искупительную позицию — быть мучеником или героем? Кажется, он сам не очень-то ломает голову над такими вопросами, и тогда автор бросает его в огонь спасать ребенка, желая одним махом решить проблемы самопонимания Миналга, социальным поступком осмыслить его неудовлетворение окружающим и как бы одним ударом карты выиграть начатую игру, которую можно назвать так: индивидуализм и недостатки общества. Удар эффективный, сильнодействующий, но настоящая ли игра?».

И каждый раз такая двойная оценка одного «решающего акцента» будет зависеть, увы, не только от настроения или вкуса ценителя — скрывающийся в подобных поворотах или развязках фабулы элемент «незакономерной» случайности в реалистических произведениях всегда порождает и случайные, «незакономерные» оценки, логически спорить с которыми настолько же имеет смысл и надежду, как бороться с ветряными мельницами...

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Специфический характер действительности в последние годы поощрял, думаю, и то стилистическое направление нашей прозы, в основном — новеллистики, которая ведет поиск более выразительных, часто сильно обобщенных условий, а иногда и фантастических форм, отчасти обязанных выполнить и существенные функции осмысления судьбы человека, которым, например, соответствовали детерминирующие мышление и поведение человека, крупные события военных и послевоенных лет.

Это не является, конечно, каким-то совершенно новым направлением в литовской прозе — не так давно появившийся сборник рассказов Юозаса Грушаса «Счастливец — это я» (1973) напомнил нам об усилиях писателя расширить идейно-художественный диапазон реалистической новеллы и, по его словам, «на первое место поднять духовный мир, отношение человека к человеку, найти сложную внутреннюю правду, трагические начала бытия», «за видимой эмпирической действи-

тельностью искать другую, невидимую, иногда трудно понимаемую, но дающую возможность раскрыть природу страстей «подземные течения», вечно живые инстинкты, неудержимые до невроза доходящие чувства».

Добываясь этого, Ю. Грушас отказывается от обязанности скрупулезного летописца истории, его как бы не интересуют ни исторически конкретные штрихи войны, ни более далекого прошлого, ни настоящего, ни детальные картины — он только мастерски выделяет в исторической действительности самые сильные или крутые ее социальные факторы, которые в изображаемые писателем годы правления буржуазии или войны больно бьют по душе человека, часто разбивают социальные иллюзии, личные мечты, а иногда и само сознание человека. Зато его рассказы часто отличаются условными сюжетами, парадоксальными фабулами, рациональными контрастами мысли, склонностью к моделированию, к сведению пестроты жизни к противоположностям первородных красок, к всеобщим ситуациям (в таких случаях писатель, правда, местами многословен, «играет» афоризмами, окунается в лирически-патетические рассуждения), а герои этих рассказов сталкиваются с крупнейшими общественными и этическими проблемами эпохи, и чувства их проверяются великими вопросами бытия; они сами никогда не утопают в тине мелких психологических конфликтов — наполненные строгостью противоречивой эпохи и нежным стремлением к счастью, постепенно стремятся к полноте своей души.

Может, не так ярко и широко, но довольно последовательно разведывают идейно-художественные возможности синтетизирующей, обобщающей, условной новеллы и наши более молодые рассказчики, которые, как кажется, особенно остро чувствуют специфические черты мирной действительности, сопровождавшей их, возможно, с самой колыбели, ее внутренние законы и модельные ситуации.

Пытаясь осмыслить ее, они довольно часто опираются на масштабные понятия пространства и времени, которые позволяют им схватить в целом жизнь человека. «Главное — пространство, — размышляет в повести братьев Диргел «Порт Швентойи» (кн. «Молнии гаснут осенью», 1971) молодой писатель Пригас. — Создать широкое, высокое — бесконечное — пространство, в котором плавают мысли каждого человека, тоска, радость и грусть, отблески и судьбы, маленькие точки в этом пространстве — сами люди. У самой земли их тельца и домики. Надо создать такое пространство!».

Эта мечта героя повести, конечно, довольно абстрактна, но в первой книге братьев Диргел создаваемый художественный мир абсолютно конкретен, и «широкое—высокое» пространство приобретает в нем осязуемый идейно-эстетический вес, из которого отнюдь не исключаются социальные слагаемые, ибо большинство рассказов вдохновенно утверждают духовную красоту рабочего человека, потом и кровью орошенный путь человека к более светлому будущему для себя и детей, ибо, наконец, само пространство в лучших рассказах понимается как историческая арена нашего бытия, как дом ос-

мысления наших дел, надежд, судеб, как родина, в которой всегда звонко звучит тема судьбы народа.

Не всюду, правда, удается авторам удержаться на рубежах теми самими поднятых важных и больших проблем, и тогда они поэтически декларируют свою программу, начинают создавать — особенно в романах «Судьба, ступай прочь» (1976), «Пагодаль» (журн. «Пяргале», 1976, № 8, 9) — очень уж общие, прямолинейные, более трезвым критицизмом легко ранимые и только добровольно принимаемые читателем модели проблем бытия, оживленные любительскими историческими параллелями, отдающими художественной абстракцией того сорта, который уже прямо примыкает к литературному схематизму. Вся ценность произведения в таких случаях конкретизируется только в более оригинальных характерах людей, красиво «заземленных» психологических состояниях, поэтически вдохновленных видениях жизни.

Эти опасности, кажется, очень хорошо понимает Юозас Апутис, который еще третьей своей книгой рассказов «По горизонту бегут кабаны» (1970) и особенно в «Возвращении вчерашними полями» (1977) удачно преодолевает, например, прежде не всегда художественно результативную склонность так сильно «очистить» и рационально обобщить действительность, что от нее оставалась голая аллегория.

Теперь в его рассказах все тверже акцентируются и выдерживаются принципы реалистического изображения действительности, которые помогают ему поднимать великие, загадочные вопросы бытия человека, глубинные, инстинктивные комплексы, порывы и полеты человека современности, не прибегая ни к аллегорической дидактике, ни к так часто некоторыми нашими прозаиками эксплуатируемой поэтике фатальных случайностей, аллогических событий, сознательно запрограммированных «иррациональных снов».

Современная действительность в лучших его рассказах отличается нехваткой исторически закономерно редких и строго детерминирующих человека событий: действие новелл так и продирается — словно какой-то ручеек — по просторам как бы равнодушной к человеку, не зависящей от него окружающей среды, которые, однако, всегда сохраняют живой, даже сгущенный колорит и ритм современной жизни: «Машины летели по шоссе в одну и другую сторону, на повороте поднимая тучи пыли, летели грузовики, ревя и задыхаясь, ибо были перегружены, они везли бетон, камни и огромные блоки, людей и скот, кирпич и торф. Летели автомобили большие и маленькие, полные и пустые. Машины сотрясали воздух» (рассказ «Тик-тик-тик», сборник «По горизонту бегут кабаны»).

Писатель использует очень точные пейзажные мазки, так и рисует типический отрезок современного шоссе, по которому идут герои рассказа «старушка, ребенок и корова», но мы понимаем, что это и не традиционный пейзаж, и не образный фон действия — это лаконично осмысленная, строгая, детерминируемая современной индустриальной цивилизацией окружающая среда, в которой хочешь или не хочешь приходится жить современному человеку и в которой уже так нелегко услышать его человеческий пульс, биение его сердца, ритм его

единственной судьбы. («Теперь сосредоточимся и послушаем, как бежит ребенок: тик-тик-тик...»).

Всю свою гражданскую заботу Юозас Апутис и направляет на осмысление судьбы прирожденных аспираций человека и его духовных ценностей в современном мире, на довольно болезненные столкновения человека нашего села с последствиями этой механизированной среды (где вместо кабанов на горизонте уже двигаются тракторы), нередко вызывающими у человека острую грусть, боль.

При поверхностном взгляде на художественный мир лучших рассказов сборника (или раздувании неудач автора) можно было бы говорить об абстрагированных пессимистических настроениях, абсолютизированной тотальной безнадежности или утверждать, что «угол зрения Ю. Апутиса в конце концов раскрывает трагически запутанное положение современного человека, в котором он превращает землю в страшное место». Но в каждом таком случае мы сделали бы недозволительную ошибку — сознательно или несознательно пытались бы вырывать человека в рассказах Ю. Апутиса из существующей в лучших из них исторически конкретной действительности, отвергнуть его яркие, унаследованные от веков черты национального мироощущения, саму его сущность, которая позволяет даже в эти часы резкой скорби почувствовать, «что являешься часами мира, и не такими, какие заводят, а такими, от которых все зависит: ты излучаешь свет и краски, поишь в реках животных и людей, строишь птицам гнезда и охраняешь от ястреба их серых малышей, ты управляешь умнейшими вещами, и не будь тебя, встало бы все на колени — и живые, и неживые вещи...» (рассказ «На горизонте бегут кабаны»). Это глубоко традиционное (и одновременно совершенно чуждое концепции экзистенциализма и человека абсурда) для литовского характера духовное состояние, становящееся для крестьянских героев Ю. Апутиса живым источником ощущения красоты и любви к человеку.

Условные формы обобщения действительности, как видим, могут быть, несмотря на вышеупомянутую очень сильную опасность рационалистического схематизма или наивного аллегорического фантазирования, эффективным художественным средством для нащупывания и выявления важных проблем современной жизни и человека, его переживаний. Он позволяет писателям создать более внушительный колорит среды действия, отмеченный духом и ритмами нашей эпохи, позволяет органически трансформировать художественные принципы фольклорного синтеза (впечатляющие рассказы-сказки Р. Гранускаса), позволяет через гротеск выявить невооруженным глазом невидимые стороны действительности, как это пытался сделать в своей повести «Меню образ жизни» (1974) Леонидас Яцинявичюс, поставивший перед собой задачу разоблачения современного мещанина — как псевдочестного чиновника так псевдоинтеллектуала, бесконечно желающего быть и остаться неприкосновенной, загадочной «вещью в себе», показа, как «вещи в пространстве» — и в социальном, и в интеллектуальном, и в моральном плане.

Условные, синтетические формы прозы богаты и другими, известными в мировой литературе, а у нас еще не встречающимися способами — будем надеяться на них в будущем, ибо направление, как говорится, плодотворное и перспективное.

Несколько лет развития литовской прозы — несколько штрихов, которые, конечно, не претендуют на какую-то подробную, классически законченную и всеобъемлющую картину нашей новой прозы. Больше хотелось наметить тенденции, а не нарисовать панораму. Много осталось не упомянутым — и не только в смысле имен писателей или названий произведений, но и важных проблем прозы. Что ж, свое слово скажут и другие, которые затронут более существенные вещи, например, может, кто-нибудь посмелее возьмет да обсудит вопросы преступлений перед духом родного языка и, с другой стороны, примеров прекрасного его обогащения; или займется прополкой обойденных здесь «садики» литературной посредственности, где без опаски пробиваются ростки и уже совсем наглой графомании...

А обойдены они, между прочим, не из преувеличенной осторожности или желания нарисовать более светлую картину современной литовской прозы — просто хочется думать, что на достижениях мы все-таки учимся больше, чем на ошибках и неудачах.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ ИЗ ДНЯ СЕГОДНЯШНЕГО

Вся картина жизни Грузии XVIII века, отображенная в историческом романе Александра Каландадзе «Нейшневская клятва» (изд. «Мерани»), вводит читателя в сферу интересов и устремлений самых разных слоев общества. Перед нами предстают цари, верховное духовенство, князья, крестьяне, горожане, ремесленники и купцы, придворные, воины и кушцы.

Цель произведения — дать наиболее правдивое и полное представление об изображаемой эпохе, о духе и характере людей того времени.

«Нейшневская клятва» показывает тяжкие страдания грузинского народа, угрозу национального перерождения, нависшую над Грузией в XVIII веке. Вызывают ужас описания бесконечных опустошительных нашествий врагов, ограблений и унижений народа.

Действие начинается с описания событий, имевших место значительно раньше, — с отъезда Вахтанга VI в Россию, господства турок, тяжелейшего положения, создавшегося после провала похода на Иран объединенного войска Петра I и Грузии.

Убедительно передана сложность внутренних феодальных противоречий и вследствие этого невозможность объединения в единое государство, что, безусловно, помогло бы Грузии укрепить свое положение. Глубокое впечатление оставляют описания непрекращавшихся интриг и распрей между ксанскими и арагвскими эриставами, князьями Картли и Кахетии, картины ожесточенных боев между ними.

Два образа противостоят друг другу в этом романе — «желтого чудовища» и Чонопорте, символизирующие: первый — феодальное разоб-

щение, губящее страну, и второй — идею объединения Грузии в сильное государство.

Вышедший из низших слоев общества воспитатель царя Ираклия Чонопорте олицетворяет бессмертный, мудрый и неустрашимый дух народа.

Желание автора быть по возможности ближе к исторической правде вынуждает его переносить акцент на борьбу династий в Картли и Кахетии не только потому, что в политике завоевателей она была главным очагом распри, но и в силу того, что именно она сыграла роковую роль в судьбе страны.

Друг друга сменяют эпизоды острой борьбы между прогрессивно - объединительной политикой Ираклия и реакционно - сепаратистской тенденцией феодалов, без конца устраивающих заговоры против царя. Ни на минуту не остывает в душе истинных сынов Грузии горячее стремление к ее объединению.

Писатель не обходит стороной горьких картин измены, ренегатства и вероломства.

Сложность созданных им образов обусловлена и тем обстоятельством, что все действие романа проходит в неослабевающих обострениях социальных взаимоотношений, на фоне национальных и классовых выступлений и восстаний.

Повествуя об этом, автор ничего не добавляет к исторической правде. На первый взгляд, он вовсе даже не причастен к сложнейшим ситуациям, им же созданным, предоставляя читателю воз-

можность самому делать выводы.

Вследствие этого, мы бы не ощущаем исторических событий, необходимого для четкости изображаемых характеров и ситуаций, рожденных фантазией писателя, и целевого анализа описываемой действительности.

Обогащая наше представление о политической, духовной и интеллектуальной жизни Грузии XVIII века, «Нейшневская клятва» доказывает, что в век Разума и Просвещения страна наша не была оторвана от великих духовно-идейных устремлений человечества и прочно связанная с европейско-русским духовным миром не оставалась глуха к происходившим там преобразованиям, к достижениям цивилизации и культуры.

Восторжествовавшая в Грузии XVIII века рационалистическая - просветительская идеология противопоставляется здесь «восточному» гедонизму, патриархальной отсталости и теологическому догматизму. Идеологи «просвещенного абсолютизма» царь Ираклий и Антон, источником подлинных знаний считающие разум, энергично борются за внедрение разных наук в общественную жизнь страны, за установление европейских порядков.

Взаимное преследование двух враждующих лагерей, доносы, политические интриги, группировки, костры у Сиони и Светицховели, убийства и аресты, демонстрации в Тбилиси и Мцхета, горячие дебаты на церковных собраниях, острая полемика в семинарских прениях, крово-

пролитные стычки между идейными врагами представляют духовную и политическую действительность Грузии восемнадцатого столетия, во многом созвучную с панорамой идеологических столкновений, характеризовавших политическую жизнь тогдашней Европы.

Образ духовника царя — Захария помог писателю показать нерасторжимость идейной и политической борьбы. Схоластик, догматик, столп патриархального уклада, враг науки, он является ярым противником европейской ориентации.

Новое произведение А. Каландадзе убеждает в том, что для Грузии выбор европейско - русской ориентации значил гораздо больше, чем только естественную потребность самосохранения. Это было прежде всего проявлением стремления к утверждению в цивилизованном мире.

Основным достижением «Нейшневской клятвы», без сомнения, являются ментальные образы Ираклия и Антона, что во многом обусловлено новым пониманием их исторической роли и удачным литературным воплощением.

Образ Теймураза Второго (отца Ираклия II) обрисован с легкой иронией. Автор не скрывает от читателя слабых сторон его характера. Он как будто и мужествен, и умен, и нравственно чист, но по мере развития действия в романе становится ясным, что стране, находящейся в крайне критическом положении, нужен был более энергичный, волевой, смелый и прозорливый правитель и военачальник.

Патара Кахи (Ираклий II) является выразителем общенародной мечты о единстве и независимости, политическом укреплении и культурном возрождении Грузии. Он заслужил, чтобы народ верил в его слово и деяния.

Начиная с фольклора, у нашей литературы богатые традиции в воплощении образа царя Ираклия. Это создавало для романиста определенные трудности, преодоленные умением проникнуть во внутренний мир героя углублением анализа его деятельности. Автор рисует Ираклия не сверхчеловеком и не святым. Он не боится приносить жертвы, слыть жестоким и беспощадным. Очарование этому образу придает близость к народу, забота о его благосостоянии, решительность и мужество в борьбе за народные интересы. Перед нами предстает не царь, а человек, истинный покровитель своей страны, боец, рассматривающий войну как ратный труд. В момент страшного испытания он убежденно говорит: «После долгих раздумий я пришел к выводу, что ни один враг Грузии еще не оставался безнаказанным».

В центре романа А. Каландадзе стоит образ незаслуженно забытого большого национального деятеля, ученого и писателя Антона Багратиони. Это произведение как бы возвращает грузинскому народу образ славного его сына. Так сбывается предсказание Ильи Чавчавадзе: «Я понимаю громадное значение католикоса Антона. Он займет большое место в нашей литературе как представитель

грузинского просвещения того времени».

Человек, чьи заслуги перед родиной так высоко ценили С. Додашвили, Д. Чубинашвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, С. Месхи, А. Хаханашвили, вся прогрессивная пресса Грузии («Цискари», «Сакартвелос моамбэ», «Дрозба», «Иверия», «Театри», «Квали» и др.), в один из периодов нашей истории был несправедливо оклеветан. Правда, в последнее время грузинские ученые немало сделали для восстановления истины в отношении Антона Багратиони («Грузинской мысли XVIII века тон задавал Антон Багратиони, он был олицетворением грузинского самосознания» — Ш. Нуцубидзе), но во всей полноте личность этого крупного деятеля впервые предстала перед нами в романе А. Калададзе, раскрывшего его характер на фоне больших исторических событий и бурной, мучительной, полной сомнений внутренней борьбы.

Формирование сознания и психики Антона проходит в романе ряд исполненных острой внутренней борьбы стадий, каждая из которых психологически убедительна и интересна.

Это — острейший конфликт между служением богу и человеку, христианской идеей всепрощения и человеческой жаждой борьбы, христианскими догмами и человеческой природой.

Главное и самое ценное, чего Антон достиг в поисках нравственных идеалов, чему он верно служил до последнего вздоха, — это потребность борьбы за един-

ство и возрождение Грузии, верность Ираклию, служение народу, науке, просвещению, культуре.

Беспримерный патриотизм Антона проявился в факте самопожертвования, выразившегося в отказе этого законного наследника престола от короны в пользу Ираклия ради единства и счастья родины. В показе нравственного совершенства этого истинного сына Грузии и состоит идея романа «Нейшневская клятва».

Пример Антона показывает также, какую большую роль сыграла русская духовная культура в преодолении восточного влияния. Ученый и политический деятель с европейским образованием, он ставил себе целью ту же миссию, которую выполнил в свое время кардинал Ришелье при дворе Людовика XIII, но тяжкая судьба Грузии не позволила ему до конца осуществить ее. Поэтому фигура этого героя представляется нам трагической.

Благодаря тому, что каждый персонаж и каждый эпизод романа осмыслен и осуществлен в обобщенном морально-этическом плане, Ираклий, Антон, Гиви Амилахвари, Захарий, Анаханум и другие — это уже не только исторические личности, но и яркие литературно-художественные образы.

Писатель бескомпромиссно судит о недостатках общественной жизни того времени. Так, герой, возмущенный правлением Иесе, говорит: «В этом проклятом мире закон все запрещает, а взяткой можно сделать любое дело. Если даже когда-нибудь жизнь станет лучше,

что же будет с этими испорченными людьми?». Но достоинство романа в том и заключается, что в нем утверждены неистребимая сила интеллектуальной энергии, нравственная активность, глубокая ответственность и сознание долга перед народом, проявленные в момент крайней опасности.

Поэтому и доставляют читателям такую радость встречи с честными, благородными предками. Это не только царь Ираклий, Антон, Леон, но и вышедшие из низших слоев общества Чонопорте, Шио Сидамонидзе, Ниния Папуашвили и другие.

Большую моральную, политическую и художественную функцию романист возложил на сюжетную линию Таplo и Голы, развитие которой показывает, что грузинский народ подходит к новому столетию духовно стойким и нравственно непреклонным.

Воплощая свой замысел, А. Каландадзе прослеживал напряженную, полную противоречий и конфликтов судьбу Картли, обогащая ее собственной фантазией. Он обильно использует летописи, грамоты, воспоминания, записи путешественников и дипломатов. Документальный материал естественно вляется в развитие сюжета. Видоизменяясь в ходе художественного воплощения, он способствует раскрытию замысла, логики характеров персонажей.

Поскольку в «Нейшневской клятве» отражена сложнейшая жизнь целого столетия, нетрудно предположить масштабы научно-

художественного труда, вложенного в поиски, изучение и осмысление материалов, из которых автором отобрано только самое необходимое.

Схематизм повествования преодолен его многогранностью, драматическими диалогами, дневниками, внутренними монологами, ассоциативным объединением происходящих в разное время событий, стремительно-кинематографическими переходами и другими приемами современной прозы.

А. Каландадзе избегает орнаментирования стиля, романтизации и архаизации материала. Переменяя тогдашний народный говор с классическим «штилем» антоновой речи, автор показывает переходный характер эпохи, тенденцию развития и дух нового языка.

Роман о кровопролитных войнах и нашествиях пронизан одинаковым сочувствием и уважением ко всем народам.

Картины борьбы с внутренним и иноземным врагом, бесконечные разрушения и беды, наталкивая на горькие раздумья о будущем родины, не порождают тем не менее чувства обреченности, так как в описании ужасающего хаоса, царившего тогда в стране, все же ощущается стремительное приближение новой эпохи.

К XIX столетию Грузия подходит притесненная, кровоточащая ранами, но не сломленная, не обессиленная. Нравственно непоколебленная, преисполненная неисчерпаемой энергии и стремления отстоять себя,

одолеваемая жаждой знания и просвещения, экономического возрождения, она не утратила надежды на исполнение своей давней мечты — объединиться в полнокровное, сильное государство. Порукой осуществления этого — закаленные в боях сыны ее, которыми

грузинский народ вправе гордиться всегда. Значение романа «Нейшневская клятва» не ограничивается литературными достоинствами. Его художественно воплощенный историзм преломляется в особое осмысление затронутых автором проблем.

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

„ГОРГАСАЛИ“

Заголовок этой заметки, видимо, введет читателя в заблуждение. Сразу может возникнуть мысль о том, что удалось разыскать новые материалы или сведения о могущественном грузинском царе—основателе Тбилиси. Увы, пока дополнить даже незначительными новыми деталями то, что уже известно исторической науке, не удалось. Но в данном случае разговор не о Вахтанге Горгасали, хотя упоминание его имени здесь неслучайно.

Студенты тбилисских высших учебных заведений создали при Обществе охраны исторических памятников добровольное объединение, названное «Горгасали», и взялись за весьма важное и ответственное дело: они решили полностью посвятить летние каникулы выявлению расположенных на территории республики исторических памятников, восстановительным работам и заботе об их охране.

Сейчас уже трудно установить, кто начал это движение, в каком именно высшем учебном заведении родилась эта патристическая инициатива, которую горячо поддержали Центральный Комитет комсомола Грузии, Общество охраны памятников, руководители местных партийных организаций. Были выделены необходимые средства, транспорт, жилые помещения, созданы условия, чтобы студенты разумно использовали каждую минуту труда и отдыха.

Желающих ехать на работы по восстановлению памятников среди студентов оказалось очень много. Нельзя это не отметить специально и не сделать достоянием общестственности.

Недавно на одной из реставрированных фресок Светицховели руки каких-то трех ничтожеств нацарапали свои имена. По принятым в последнее время законам это классифицируется как уголовное преступление, которое не должно оставаться безнаказанным. Мы часто выступали против подобного святотатства и высказывали свой гнев и возмущение и впредь не будем оставаться к этому равнодушными. А как же не оценить благородный порыв студенческой молодежи, взявшей в руки кирки, лопаты, ломы, топоры и пилы и направившейся к веками забытым историческим памятникам, чтобы заново «открыть» и восстановить их.

Сейчас выбор студентов-энтузиастов пал на древнейший памятник грузинского зодчества, город-крепость Уджарма. Памятник этот, как известно, расположен в Гаре-Кахети в Сагареджойском районе. Если вы едете в Телави по гомборской дороге, то непременно проезжаете Уджарма и еще издали видите высящиеся на скалистом гребне горы величественные развалины, заросшие лесом и кустарником.

Страницы летописи Грузии...

Город-крепость Уджарма и его величайшее стратегическое значение в войне против персидских захватчиков. Вахтанг Горгасали. Варскен Пятиахши. Мученичество Шушаник. Последние минуты царя Вахтанга, пронзенного копьем собрата в какой-то из башен города-крепости. Живая история нашего народа...

Руки юношей и девушек, движимых глубоко осознанной любовью к родине, прикоснулись к незаслуженно покрытой прахом забвения Уджарма. Они обрезают и осторожно сжигают проникшие внутрь залов и закрывшие стены дерева, рубят кустарник, очищают развалины, освобождают от земли лестницы из тесаного камня, переходы из зала в зал, потайные ходы, подсобные помещения, огромные чаны, обеспечивавшие запас воды.

Небольшая группа писателей и ученых—Отар Чхеидзе, Гайоз Имедашвили, Арчил Сулакаури, Коба Имедашвили, сотрудница Музея истории комсомола Грузии Марина Кипиани и автор этих строк тоже по зову сердца поехали к развалинам города-крепости. Здесь уже побывал Реваз Инанишвили, уроженец Уджарма, и проработал не зная отдыха четыре дня бок о бок со студентами.

Вступив в развалины, мы сразу же столкнулись с отирающими пот со лба юношами и девушками, чувствовавшими себя в этом страшном пекле совершенно счастливыми — им довелось здесь поработать в первое же лето. Там же мы встретились с комсомольским руководством района.

Я сразу же отметил, что местные руководители горячо встретили почин молодых энтузиастов, среди которых много будущих специалистов разных отраслей: врачи и инженеры, историки и филологи, художники и артисты, и сделали все, чтобы для них в этот период были созданы хорошие условия для работы и досуга.

Недалеко то время, когда по следам горгасальцев пойдут реставраторы укреплять и восстанавливать цитадель. Но до этого предстоит сделать еще немало—ведь деревья и кусты нужно вырвать не только внутри крепости, но и на горных склонах...

Начало патриотическому почину положено. И это несравненно больше и значительнее, нежели охрана какого-либо отдельно взятого памятника.

Надо надеяться, что начинание столичных студентов поддержат кутаисская, батумская, сухумская, телавская, горийская, цхинвальская молодежь, которая сделает заботу об охране исторических памятников делом чести.

Совсем недавно в небольшое горное село Хаиши в Сванетии прибыла первая группа строителей и проектировщиков, которая приступит к сооружению Худонской гидроэлектростанции.

Она будет расположена на расстоянии тридцати двух километров от Ингурской ГЭС и вместе с двумя другими электростанциями, строительство которых начнется несколько позже, создаст Ингурский каскад.

Если самая высокая в мире арочная плотина — ИнгуриГЭС приближается к отметке 300 метров, то Худони ненамного уступает ей — бетонная арочная плотина Худонской ГЭС достигнет 196 метров.

Очерк Медея Шавлиашвили — о работе над проектом Худонского гидроузла, обо всем, что предшествовало началу большой стройки.

Медея ШАВЛИАШВИЛИ

ХУДОНИ

Природа Грузии щедра. Один из ее даров — многочисленные большие и малые реки, неприступные горы, подобно рачительным хозяевам с ранней осени собирающие по пригоршнякам обледенелый снег, а весной посылающие бурлящие потоки в долины.

Дешевая энергия этих рек и помогла Грузии превратиться из отсталой аграрной страны в республику с высокоразвитой индустрией.

Сколько скрытой силы и энергии таится в этих больших и малых реках, но как необъезженного коня не каждую можно обуздать, и потому многие из них все еще не покорены.

Вот бы приручить, например, Бзыбь, чьи скалистые берега, общающиеся с небесами, стали бы надежной опорой высоким плотинам. Тогда неумная река собралась бы в глубоком водохранилище, степенно выстроилась бы в ряд гидроэлектростанции. Но...

Дело в том, что на принесенных с вершин гор наносах прекрасно чувствуют себя пицундские реликтовые сосны. Ес-

ли же перекрыть Бзыбь, то нанесенные с водами галька и песок остались бы в водохранилище и река оказалась бы безоружной перед натиском моря. Оно тотчас же хлынуло бы на Пицунду, затопляя и поглощая все вокруг.

Из Черного моря в устье реки Риони для нереста поднимается осетр, ныне уже почти исчезающий. Рыба мечет икру именно там, где строится плотина Варцихской ГЭС, не выше и не ниже. И тут уж ничего не поделаешь! А плотину строить надо! Чтобы умиловить работников рыбной промышленности, гидротехники построили дорогостоящий завод для воспроизводства рыбных запасов и занялись искусственным разведением мальков.

Но река это не только вода. Это — направляющая воздушных течений, причина возникновения или исчезновения тех или иных видов растений и животных, своеобразный регулировщик натиска и отступления моря. Благодаря реке земля цветет, как сад. Нет ее — и вокруг пустыня.

Вмешательство человека, меняющего русло, нарушающего законный режим, наряду с пользой, навлекло немало бед. Как исчислить, например, убыток только лишь от погибшей в запруженных и изменивших свое русло реках рыбы!

Ну а как же не вмешиваться?

Развитие техники, промышленности, сельского хозяйства сегодня уже немислимо без энергетики.

Строить гидроэнергетические сооружения на этих своеобразных и часто меняющих режим реках всегда было крайне трудно и хлопотно. Авторы проекта Худонского гидроузла оказались не меж двух, а меж многих огней.

В Западной Грузии две больших перекрытых реки с извилистыми руслами — Риони и Ингури. Поэтому стараются максимально использовать все возможности этих рек. На Риони выше РионГЭСа завершается строительство Варцихской ГЭС, еще выше — НамахваниГЭС-1 и НамахваниГЭС-II собираются затопить огромную территорию. Не все ладно и у авторов этого проекта водохранилища. Затоплены будут виноградники редких и дорогих сортов. Строители обещают разбить новые — выше, на склонах гор. Но даст ли пересаженная лоза такие же вина? Из всех горных рек Грузии — у Ингури наибольшая высота падения (2.600 метров на коротком двухсоткилометровом участке от начала до падения). Поэтому такое значение придают максимальному использованию ее срединного тела.

Работа по освоению реки началась в конце тридцатых годов. Над первой схемой энергетического использования среднего течения реки Ингури работали известные грузинские гидротехники — Александр Чиковани, Галактион Джимшелеишвили и другие.

Эта схема предусматривала строительство Худонского гидроузла у верхней части Ингурского водохранилища. Сооруженная тут плотина должна была превратить Ингури в огромное море (оно было бы вторым, так как первое море образовалось бы от арочной плотины ИнгуриГЭС). Выше предполагалось построить другие электростанции — ТобариГЭС-1 и ТобариГЭС-II.

По этой схеме родился Худонский гидроузел, что было прямым следствием самоотверженного, беззаветного труда и забот Павле (домашние и многочисленные друзья, невзирая на возраст и должности, звали его Бичико) Джапаридзе и чуткого руководства крупного гидротехника Александра Лосаберидзе.

Проект был еще далек от завершения, когда смерть унесла обоих. Сперва скончался Александр Лосаберидзе, а в 1973 году — Павле Джапаридзе.

Судьба проекта оказалась в руках молодого инженера Важа Кобахидзе, который тогда был заместителем главного инженера Варцихского проекта.

В 1970 году Важа вернулся с Кубы, где руководил проектированием и строительством оросительной системы. Вдоль и поперек объездил он эту интересную страну. Этого требовала и работа, и неиссякаемая любознательность. Важа и страну хорошо изучил, и опыт накопил.

И все же молодому инженеру возглавить работу над таким серьезным проектом — очень большая ответственность.

Гидроузел — это не скульптура, и один человек не может быть автором его и решать все. За проектом каждой гидроэлектростанции стоит целая армия работников — от директора проектного института до простого чертежника.

В прямую обязанность директора института не входит решать все технические вопросы. Но тбилиским отделением института «Гидропроект» руководит человек, вся сознательная жизнь которого отдана проектированию и строительству гидроэлектростанций. В Грузии мало таких электростанций, к проектированию или строительству которых так или иначе не приложил бы рук Ираклий Мгебришвили. И сам этот институт — учреждение с солидным стажем, известное не только в нашей стране, но и за рубежом, где по его проектам построено немало гидроэлектростанций.

С самого начала было запроектировано два варианта строительства Худонского гидроузла. Первый вариант предусматривал строительство плотины в 24 километрах от Джварзени — от арочной плотины ИнгуриГЭС, высота которой должна была достигнуть трехсот метров. Она покрылась бы водой Ингурского водохранилища почти на сорок метров, и напором воды с такой высоты, разумеется, нельзя было пренебречь, но выше по руслу для плотины нет такого удобного места. Предназначенное для строительства арочной плотины место должно отвечать бесчисленным требованиям: во-первых, русло реки должно быть узким, чтоб плотина не была очень длинной, а берега — высокими и скалистыми. А это не так уж часто встречается в природе. Еще более трудная задача — найти полностью «здоровый» (без трещин) горный массив берегов. Правый же берег избранного места в довольно больших трещинах, но геологи предполагали, что они поверхностные и после соответствующей обработки под ними откроется целая скальная порода.

Второй вариант предусматривал перекрытие реки в 8 километрах от первой плотины и обещал в год около 500 тысяч

киловатт электроэнергии. Первый же вариант проекта обещал в четыре раза больше энергии. К тому же энергия энергии рознь... Как известно, она вырабатывается и днем, и ночью. На первый взгляд, энергия есть энергия, — что дневная, что ночная. Киловатт во всех случаях стоит четыре копейки. Но ночная и дневная электроэнергия отличаются одна от другой, как день от ночи. Дневная энергия не удовлетворяет возросшей потребности нашей промышленности и хозяйства, нужда в ней постоянна. Ночью же большинство фабрик и заводов стоят, поэтому нет в ней такой острой нужды. Турбины все так же не устанно вертятся, но ток, идущий по проводам, не нужен. Если бы электроэнергию можно было, как воду, запастись, а затем использовать! Таким образом большая часть энергии, вырабатываемой ночью, бесполезна. Она так и называется — бесполезная энергия.

Чтобы удовлетворить растущую потребность в электроэнергии днем, с полной нагрузкой работают теплостанции. Ночью же, когда потребление сильно сокращается, резко падает напряжение на теплостанциях. Сразу отключаются установки, которые вследствие такого режима работы раньше срока выходят из строя. Ремонт же этих установок обходится почти как строительство новой станции. Потому проектом и предполагалось у нижнего бьефа построить гидроаккумуляционную электростанцию — ГАЭС. Она, как и другие станции, трудилась бы весь день, вырабатывая энергию, щедро тратя собранную в водохранилище воду. А ночью, когда резко снижается потребность в энергии, она становится гигантским насосом, который льющуюся днем воду из верхнего хранилища в нижнее, перебрасывает, не теряя ни капли, снова наверх.

Именно на каскаде Ингури станции такого типа имеют особенно большое значение, потому что отсюда по проводам ток высокого напряжения, миная Кавказские горы, идет к южным промышленным районам России, которые так нуждаются в дешевой энергии горных рек.

Но не зря ведь сказано: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Комиссия из Московского гидропроекта, прибывшая вместе с авторами проекта к выбранному месту створа, отправилась вверх по течению Ингури. Бетонированная дорога следует за голубой лентой реки, затерявшейся в ущелье, повторяя ее причудливые изгибы. И даже эти выдавшие виды, солидные гидростроители не могли сдержать восторга при виде величественных скал.

Члены комиссии, сами гидротехники и геологи, всю дорогу ругали гидростроителей за то, что они посягнули на такую красоту.

Но авторы проекта пообещали, что ущелье станет еще красивее, когда там засверкают голубыми жемчужинами рукотворные моря. Ингурское водохранилище протянется до подножия Худонской плотины. Новая дорога пройдет на высоте пяти метров от поверхности моря. Худонский гидроузел перенесет новую сорокачетырехкилометровую дорогу на вершины гор, приблизит ее к обители горных коз и орлов, а в конце соединит с дорогой, ведущей в Местиа.

Худонское водохранилище затопит Хаиши и его окрестности. А жителям тех мест предложат переселиться в любое место, в какое они пожелают, в готовые уже дома, либо возместят им стоимость их жилищ с приусадебными участками.

Худонский гидроузел даст возможность добираться до Сванетии по дороге, каждый километр которой обходится в полмиллиона рублей.

Все сказанное выше касается строительства как верхнего, так и нижнего вариантов плотины. После осмотра местности чаша весов стала склоняться в пользу строительства верхней плотины. Если узость русла реки создавала благоприятные условия для работы арочной плотины, она же делала невозможным развертывание здесь фронта строительных работ. Правда, не нужно было бы строить новый бетонный завод и новые жилые дома, так как решено было Худонскую станцию возводить на базе уже организованного хозяйства ИнгуриГЭС. Но, помимо этого, требовалось еще многое другое, а на этих острых вершинах трудно было бы поставить даже будку.

Статические расчеты обеих плотин делали доктор технических наук ГрузНИИЭГСа И. И. Гудушаури и заведующий отделом Института строительной механики и сейсмостойкости Академии наук Грузинской ССР доктор технических наук Андро Александрович Лосаберидзе. То, что блестяще начал отец, обладавший великолепным чутьем гидротехника, достойно завершил сын.

Но выбор варианта строительства решают не только статические данные. Необходимо и технико-экономическое обоснование. Главный инженер проекта Важа Кобахидзе, начальники отделов Ш. Мерабишвили и В. Габричидзе и сотрудники отдела А. Геворкян, Г. Фалькович, И. Тер-Семенова, М. Чохели, Г. Коридзе, Г. Шеклашвили и другие пережили горячие деньки.

Проект строительства Важа Кобахидзе согласовывал то с Институтом паразитологии и тропической медицины имени проф. Вирсаладзе Академии наук Грузии, то с Государственным комитетом по охране природы, который этот проект должен основательно изучить, то совещался с районным руководством, то с работниками Министерства автомобильных дорог и еще бог знает с кем.

Главный инженер проекта советовался и с археологами — не предполагают ли они где-нибудь начать раскопки, не покроет ли вода участки, интересные для них, и с геологами — не сокрыто ли где в этом районе какое богатство.

Ведь из-за Дизского мраморного карьера пришлось переделывать проект сооружения Тобарского гидроузла, отчего подорожало и усложнилось его строительство. Но зато от затопления был спасен карьер мирового значения, где добывают мрамор редчайшей породы.

Важа Кобахидзе приходилось склоняться к согласию и лесоводов, и работников рыбной промышленности. От каждого жителя ему необходимо услышать «добро». Уже рассчитанное сотни раз проверить снова, так как девятибалльное Чхалтское землетрясение сильно взволновало гидротехников: сызнова про-

веряли сейсмостойкость не только будущего сооружения, но и уже построенных.

Большую помощь в нынешней стадии разработки проекта оказывают геологи. Выбор типа сооружения, места строительства не в последнюю очередь зависит от их кропотливой работы.

Более четверти века геологов, работающих в этих местах, возглавляет Ростом Мдзинаришвили. Кто знает, сколько раз зимовали его парни в этих горах и ущельях. Элизбар Джапаридзе знает эту местность, как собственные пальцы. С 1962 года работает тут Шота Кикнадзе. А Гизо Тавадзе только трижды видел весной разъяренный Ингури. По шаткому мостику они ловко, как канатоходцы, переходят на другой берег Ингури, по узкой тропинке поднимаются вверх и, уточняя для будущего соединительного тоннеля геологию скал, бурят гору.

Часто ущелье негостеприимно встречает своих гостей: главного геолога проекта, опытного, много повидавшего специалиста Георгия Джигаури, заместителя главного инженера института Григория Пирцхалаишвили и начальника отдела инженерной геологии Александра Маститского. Они живые свидетели и участники бурного роста и развития грузинской гидроэнергетики.

Хмурятся высокие неприветливые горы. Соперничают с ними гигантские плотины (Ингури). Огромные моря, как жемчужины, сверкают голубизной. Ни зимой, ни летом не иссякают запасы воды.

И вот проект одобрен. Арочная плотина будет строиться в средней части реки Ингури. Скоро проект, осуществленный пока лишь на бумаге, превратится в строительные леса и опалубки, а многотысячная армия гидростроителей приступит к работам.

Гурам ГВЕРДЦТЕЛИ,
Рамаз ГВЕРДЦТЕЛИ

СОЮЗНИК

ИЛИ

СОПЕРНИК?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ

ЗАМЕТКИ ПО

ПОВОДУ

• ВЗАИМООТНОШЕ-

НИЙ КИНО И

ЛИТЕРАТУРЫ

Одна из главных сегодняшних проблем киноискусства, нам думается, — это обуздание, подчинение слова, его согласованность с общей задачей кинематографического искусства, когда слово, прежде всего, — закономерная необходимость, а не прием для упрощения задачи.

Действительно, магическая сила слова беспредельна. И с точки зрения художественного раскрытия бытия, психологии, внутреннего мира это поистине мощнейшее и универсальное средство. Слову присущи форма и цвет, музыкальность и обобщенность. Горький называл литературу «словесной живописью», а музыкальность в литературе преимуществом не одной только поэзии, но в не меньшей степени и прозы. Андрей Белый совершенно точно почувствовал музыкальность гоголевской фразы.

Эти качества действительно присущи слову. Но провозглашать его глубоко синтетичным и универсальным именно в аспекте специфики кинематографа, признать его основой киноискусства было бы неправильно. В этом снова и снова проступает стремление наделить слово большей функцией, увидеть в нем большую значимость, чем это есть в действительности. Цвет и музыка, заключенные в слове, возможность не только

Окончание. Начало в № 7.

слышать, но и видеть через слово вовсе не означает, что оно в той же степени синтетично и так же связывает вселишь компоненты различных искусств, как это делает кинематограф. Со всеми своими качествами и возможностями слово, во всяком случае, лишь составная часть того единственного в своем роде синтеза, который представляет собой кинематограф.

«Не только синтетичность, но и художественные приемы движения во времени и пространстве киноискусство перенимает у литературы, усваивая и развивая их в соответствии со своей природой». — убеждает нас Маневич.

Но и этим не исчерпываются, оказывается, зависимость кино от литературы и масштабы заимствования. «Монтаж — эту третью специфическую особенность кино — мы легко обнаруживаем в поэзии и прозе. Трудно найти приемы монтажа, которые бы не существовали в литературе. Литературная природа его очевидна» (И. Маневич).

Стремясь обосновать подобные соображения и их достоверность, киноведы снова и снова ссылаются на опыт и высказывания Эйзенштейна и других известных кинорежиссеров. Но здесь, на мой взгляд, таится одна серьезная ошибка. Создавая советское киноискусство, закладывая его фундамент, Эйзенштейн с чувством глубокой признательности использовал прежде всего опыт литературы. Своим талантом и интуицией он отбирал у других отраслей искусства необходимое для кинематографа, определяя специфические его черты для обоснования полноправного его существования, и накапливал собственный опыт для передачи последующим поколениям. Будучи одним из пионеров нового искусства, Эйзенштейн видел в литературе главное подспорье. Сегодня же такие функции литературы если и неполностью утрачены, то, во всяком случае, значительно ограничены.

Можно говорить о той или иной степени воздействия, здесь трудно определить точные дозы. Тем более что многие известные кинорежиссеры по-деловому и искренне, может, и несколько преувеличенно, это понятно, сами подчеркивают свое благоговение перед силой художественной литературы и ее большим влиянием. Но попытки лишить кино синтетичности, преимущества движущегося изображения и монтажа, то есть определяющих специфических его свойств, означают выбить из-под него в отдельности или вместе с тех «трех китов», на которых оно зиждется. И если внять упорным версиям некоторых, что эти три кита, оказывается, давно проглочены ненасытной литературой, то становятся понятными проявления антагонизма между кино и литературой.

Можно предположить, что этот неприятный пережиток окончательно исчезнет тогда, когда киноискусство сумеет полностью овладеть способами использования литературы, а литература будет довольствоваться принадлежащей ей весьма значительной, но несамостоятельной ролью на экране. С удовлетворением можно отметить, что процесс такого творческого сближения развивается все более энергично и интенсивно.

И одним из убедительных фактов этого служит все более профессиональное использование слова по необходимости и по назначению. Оглядка на «немое кино», новое осмысление его достоинств и достижений означает не возврат к прошлому, а использование великих традиций для покорения новых кинематографических высот.

В зависимости от жанра фильма слову отводится разная роль. Власть слова безмерна в фильмах такого типа, как «Двенадцать разгневанных мужчин», «Мари-Октябрь», «Премия», «Незванные гости». В фильмах такого рода, когда в основе лежит театральная драматургия, слово, является опорой, и именно ему отводится в значительной степени роль посредника между художником и зрителем, затем только всем остальным средствам. Но в этом нельзя усматривать закономерность, точнее, единственную и универсальную форму взаимоотношений между киноискусством и его потребителем.

Марсель Мартен, известный теоретик кино, в своей работе «Язык кино» пишет: «Изображение является основным материалом киноязыка... Это первичный кинематографический материал и в то же время чрезвычайно сложная реальность».

Нет ничего удивительного и неожиданного в том, что после всестороннего освоения и использования этого феномена — слова — и порожденных им больших сдвигов в киноискусстве кинематограф вновь повернулся к основному своему средству — изображению — с тем, чтобы разумно, в пределах необходимого, применить эту хлынувшую в кино лавину — слово. Эта тенденция по закону и логике развития рано или поздно должна была проявиться, поскольку «лавина» одинаково сметает и разрушает на своем пути нужное и ненужное.

Эта тенденция сполна проявилась в прелестных короткометражных фильмах без слов Михаила Кобахидзе («Свадьба», «Зонтик» и другие), обративших на себя внимание и снискавших всеобщее признание во всем мире (надеемся, что и сценарии этого замечательного художника для полнометражных фильмов рано или поздно обретут свою жизнь на экране), в интересном фильме Александра Рехвиашвили «Художник», где мы слышим лишь поэтический комментарий Беллы Ахмадулиной (да и то прозвучавший наперекор первоначальному замыслу режиссера), в его же «Нуце» с исключительно рациональным, кинематографическим использованием слова.

Прекрасным образцом киновыразительности служит интересный, на наш взгляд, большой фильм Отара Иоселиани «Пастораль». Здесь я хочу остановиться лишь на одном обстоятельстве, которое вызвало живые, скорее даже нервные крикотолки в кулуарах. В этом фильме максимально, с большим мастерством и интересными находками использованы средства изображения и очень скупо звучит с экрана слово. Значительная и глубокая философская мысль режиссера совершенно четко доходит до зрителя, если, конечно, у него хватает вкуса и есть желание постичь поэтику этого фильма. Мингрельский диалект, обильно звучащий с экрана и часто непонятный даже для большинства грузинских (не говоря о

других) зрителей, здесь привлечен не ради иронии или желателно пренебречь словом, а служит скорее шумовым фоном.

Именно это и кажется наиболее интересным, и, к сожалению, часто лексическое значение слов не воспринимается, смысл фраз и выражений не доходит до зрителя, но ясность и богатство кинематографического языка делает абсолютно доступным для нас этот «чужой» материал. Не было нужды добавлять к информации, ясно выраженной изобразительными средствами, еще и речевую характеристику. Это было бы излишне. И не надо усматривать в фильме Отара Иоселиани обильное применение мингрельского диалекта как святотатство, как нечто оскорбительное для грузинской литературы. Наоборот, это воспринимается как прекрасно найденный чисто кинематографический художественный прием.

Интересно отметить, что, наверное, ту же цель, что и Отар Иоселиани, преследовал известный американский режиссер Роберт Олтман, которого называют «лидером новой плеяды», обратившийся к аналогичному приему. Американские кинокритики признают, что и Роберт Олтман, наподобие многим европейским кинорежиссерам, отрицает традиционные формы, даже последовательную передачу фабулы. Он старается максимально отшлифовать собственный, сугубо индивидуальный стиль, и в этом его фантазия и мастерство неисчерпаемы. Одну из наиболее отличительных особенностей творчества Роберта Олтмана видят в том, что, стремясь к особо выразительным, зрелищным эффектам, он отодвигает речь на задний план: его персонажи, как правило, говорят с экрана очень быстро и непонятно. Там, где Роберт Олтман обходится без слов и достигает цели чисто выразительными средствами, он заставляет героев говорить невнятно, чтобы не перегружать фильм.

Сила и прелесть искусства в том и заключается, что многообразии художественных приемов, средств, методов стилистики неисчерпаемо. Ведь никто не требует, чтобы было узаконено что-то одно, раз и навсегда найденное и решенное. Никто не требует, чтобы снимались только фильмы без слов, или же использовались диалекты, или же прибегали к невнятной речи. Просто все, о чем здесь говорилось, стало уже художественным фактом, образцом искусства, и очень высоким образцом. Не узаконивая это, все же следует сделать выводы.

В современном киноискусстве все более настоятельно идут поиски чисто кинематографических выразительных средств.

Современный кинематограф со всей определенностью доказал, причем после того, как использовал содержание величайших сокровищниц смежных областей искусств, в том числе и литературы, что он имеет собственный киноязык и, несмотря на синтетический характер киноискусства, любой компонент, в том числе и речевой, исключенный из его фактуры, никак не отразится на жизнеспособности кино.

Но неверно думать, что раз кинематограф безболезненно может отказаться от слова, то его существование возможно.

вообще без литературы. Кинодраматургия тем и отличается от театральной драматургии, что она основывается не только на диалогах, что у нее есть для выражения замысла и другие средства. Учитывая специфику кинематографических и образительных средств, она способна раскрыть замысел и через описание, когда диалог, монолог или живая речь вообще могут быть исключены из ее арсенала. Так что, существование кинематографа без драматургии невозможно. Поэтому мы и начали эту статью категорическим заявлением, что кино и литература, подобно сиамским близнецам, неразрывно связаны друг с другом, и искусственное отторжение кинематографа от литературы невозможно.

Мы хотим коснуться одной из специфических форм взаимоотношений литературы и кино — экранизации, ее общего плана и конкретной практики грузинского кинематографа. К нашему удовлетворению, связь грузинского кино с национальной литературой глубока, органична и многообразна. Но экранизация как форма взаимоотношений грузинского кино и литературы уже давно ждет своего вдумчивого исследователя, пристального внимания и историка, и теоретика. В данной же статье мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми замечаниями по поводу отдельных проблем и отдельных фильмов и нацеливаемся в основном на те фильмы, которые представляются нам этапными с точки зрения экранизации.

Нужна ли экранизация?

Почти все, кто хоть немного углубился в проблему экранизации, ставят этот вопрос, заранее рассчитывая на единственно возможный положительный ответ. Однако дело обстоит сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Весь дальнейший пафос утверждения, что экранизация нужна, обязательна, что она как воздух необходима киноискусству, уже свидетельствует о спорности данного положения.

И все-таки существуют два ответа на этот вопрос. Одни (меньшинство), которых мы условно назовем утопистами, в той или иной степени смело и категорично заявляют, что экранизация не обязательна. Другие (абсолютное большинство), названные нами реалистами, ревностно утверждают, что даже постановка этого вопроса является излишней (хотя чаще всего сами же его и ставят), настолько ясна необходимость и польза экранизации. Интересно то, что обе стороны для подтверждения своих взглядов приводят убедительные аргументы.

Если рассуждать теоретически, вернее абстрактно, экранизацию и в самом деле не стоит одобрять. Экранизация подразумевает вторичность. В ней должно повториться однажды уже высказанное и выраженное в художественной форме, только в ином виде. Жизнь человека в данном случае уже не является объектом непосредственных наблюдений кинокамеры, а опять-таки воспринимается через литературу. Р. Юренев изложил эту мысль следующим образом: «Кинематограф как все младшие братья долго ходил в перелицованных одеждах литературы и театра, он вырос, надо шить ему заново...».

Другой убедительный аргумент, на который опираются противники экранизации, заключается в том, что процесс пересадки в искусстве не приводит к добру. В связи с этим можно воспользоваться такой аналогией: как стало известно, Кристиан Барнард, этот «кейптаунский волшебник», как его принято называть, в настоящее время отказался от пересадки сердца, так как не смог преодолеть барьер несовместимости. Принцип несовместимости в большей или меньшей мере существует и в искусстве, так как каждое художественное произведение — это по-своему живой и тонкий организм, детище своего, определенного мира, имеющее твердую почву, взращенное в жизненной для него среде, и пересадка его в другой мир может оказаться для него если и не смертельной, то, безусловно, вредной.

И еще: путь экранизации препятствует активному развитию кинодраматургии, поскольку киноискусство привыкает к жизни за чужой счет и становится инертным.

Если рассуждать чисто теоретически — все это звучит весьма убедительно. Если предаться мечте, то лучше чем оригинальная кинодраматургия киноискусству опоры не найти. Здесь все с самого начала будет нацелено на специфику и средства кино, и таким образом в самой основе кинодраматургии будут обозначены и кинообраз, и поэтика будущего фильма. Но достаточно трезвого реалистического взгляда на эту утопическую мечту, чтобы все высказанные аргументы рассыпались подобно карточному домику.

Известно, что искусство и его теория базируются на уже сложившемся опыте. Его прогнозирование, если только оно вообще возможно, представляет собой трудность необычайную. Наступит ли время, когда кино будет обходиться без экранизации? Впрочем, категорическое возражение против этого тоже не представляется мне абсолютно бесспорным. Сторонники экранизации обычно ссылаются на авторитетных лиц, скажем на Г. Товстоногова (с точки зрения принципиального отношения к пересадке в искусстве проблема экранизации и инсценировки может опираться на одинаковые аргументы и контраргументы), который заявил, что «художественная литература всегда была и всегда будет могучим репертурным резервом театра. Инсценировки — не вынужденное зло, а великое благо театра».

Не знаю, как насчет «великого блага», а тем более насчет «всегда будет», но то, что экранизация и инсценировка были, существуют сегодня и, видимо, еще долго будут питать и театр, и кино, — это бесспорно.

Требование для «младшего брата» — кино — «новой одежды» само по себе естественно, но насколько реально существование кино без «ношенной одежды» даже сегодня, не говоря уже о вчерашнем дне? Советский кинематограф ежегодно выпускает примерно до двухсот фильмов, — одних только грузинских выходит в среднем пятнадцать, а то и более. Это значит, что в масштабе Союза одновременно должно быть готово до пяти-шести сотен сценариев, а в республике самое меньшее — четыре-пять десятков. Призывать в этой ситуации к отказу от экранизации было бы попросту медвежь-

ей услугой кинематографа, и хорошо, что никто всерьез не ставит этого вопроса.

Правда, некоторые напуганные опасностью пересадки, как, скажем, Я Харон, делают конкретные и категорические выводы, например, о том, что: «...золотой фонд киноискусства — это, вне всякого сомнения, произведения оригинальные, а не экранизации». Но как же вычеркнуть из памяти и из истории кино такие фильмы, как «Мать», «Чапаев», «Петр Первый», «Судьба человека», «Братья Карамазовы», «Сорок первый» или же грузинские — «Элисо», «Лурджа Магданы», «Алавердоба», «Мольба», «Древо желания», «Мачеха Саманшвили» и другие?! И разве они хуже любого фильма, созданного по оригинальному сценарию? И разве эти фильмы не вошли в золотой фонд киноискусства?

Позиция реалистов куда более приемлема для кинематографа, нежели благородные, но несбыточные мечты утопистов. Однако признание экранизации, ее роли в киноискусстве не исключает многих сложностей, о которых не следует забывать. К сожалению, чаще всего — от первых фильмов и по сей день — образцы экранизации не оправдывали наши надежды, хотя в редких случаях доставляли подлинную радость. Так обстоит дело и в грузинском кинематографе, и в союзном, и тем более на Западе. Это имеет свои субъективные и объективные причины, разобраться в которых просто необходимо.

Существует множество форм и методов экранизации, но в каждом случае необходимо соблюдать одно обязательное условие. В частности, нужно глубоко проникнуть в основной замысел первоисточника, в его философский смысл или проблематику, систему его образов и поэтики и найти всему этому соответствующее выражение на экране. В противном случае будет утрачена душа оригинала и глубокая внутренняя связь с ним окажется прерванной.

Если это главное условие соблюдено, то форма или метод, которые режиссер избирает для экранизации, представляются уже менее сомнительными — будь то модернизация литературного произведения или лишь использование его мотивов, точно соответствующее первоисточнику иллюстрирование или творческое освоение и переработка, собственная постановка акцентов и концентрация художественного замысла на одном или нескольких мотивах, а, возможно, и еще более свободный и смелый подход.

Не думаю, чтобы прав был тот, кто пытается узко ограничить творческие масштабы экранизации, кто требует строгого соблюдения рамок первоисточника и таким образом исключает, скажем, модернизацию или создание фильма по мотивам произведения. Такой односторонний подход к экранизации чаще объясняется тем, что свободное обращение с первоисточником обычно ведет к поражению.

Большой и горький опыт в этом отношении имеет заграничное киноискусство. Модернизация классики там стала модой. Созданное по этому принципу множество фильмов, как правило, было неудачным.

Поток модернизированной классики, хлынувший на западные экраны, развеивает даже непритязательные надежды, но есть и счастливые исключения. Все мы хорошо помним фильм Марселя Карне «Тереза Ракен», снятый по роману Эмиля Золя. И хотя на экране это произведение современено, а изменения в сюжете и свободное обращение режиссера с оригиналом налицо, фильм все-таки оставляет сильное впечатление, так как он явно опирается на характерную для Золя социальную и нравственную основу. В нем в основном сохранены дух и поэтика творчества писателя. Во многом спорен, но в целом интересен фильм французского режиссера А. Мишеля «Колдунья», в котором использован сюжет повести А. Куприна «Олеся». И здесь действие перенесено из России в Скандинавию, в иной социальный мир, но фильм, как говорят в таких случаях, состоялся.

Если эти фильмы и вызывают разные мнения, то, думается, «Вестсайдская история» Роберта Уайза, поразительной силы и красоты американский фильм-мюзикл по мотивам «Ромео и Джульетты» Шекспира, — явная и бесспорная победа. Здесь действие перенесено из старой Вероны на улицы современного Нью-Йорка, и трагическая история молодых влюбленных порождена не враждой знатных семей, а раздором и борьбой между двумя соперничающими бандами. То, что автор так дерзко замахнулся на самого Шекспира, смело модернизируя классическую пьесу, ни профессионалам, ни широкому зрителю не показалось кощунством. Наоборот, фильм завоевал всеобщее признание и восхищение, был воспринят как один из лучших американских фильмов и заслужил бесчисленное множество наград и премий.

Известно, что в процессе модернизации классики, наряду с особым талантом и оригинальностью кинорежиссера, необходимо еще глубокое проникновение в дух, поэтику, художественные образы, в моральные и философские пласты первоисточника, поскольку такой простой вид связи с оригиналом, как внешние признаки иллюстрации, в этом случае исключается. Вместе с тем зритель относится к модернизации классики настороженно и с недоверием, срабатывает его преданность оригиналу, крайне обостренный консерватизм. И это вызывает особые сложности в работе автора экранизации. Но поскольку уже существует прецедент и один-два образца модернизации классики увенчались успехом, категорически отвергать, как это делают многие киноведы, этот принцип нельзя. Отвергнуть следует то самоуверенное и поверхностное отношение, которое характерно для режиссеров, подверженных слепому следованию моде, и тот коммерческий подход, которым неприкрыто руководствуются на Западе.

Одним из приемов модернизации является перенесение «чужой» литературы на свою почву и затем уже и на экран, даже если она и не осовременена. Такой прием использовал французский режиссер Жан Ренуар в своем фильме «На дне», снятом по одноименной пьесе Горького, где действие перенесено во Францию. К сожалению, и этот фильм не получился по той простой причине, что пересадка типично русской по духу, характеру и быту пьесы на французскую почву про-

творественна. Фильм не спасло даже актерское мастерство Жана Габена.

Образец подобного переложения есть и в грузинском нематографе, и, думаем, не ошибемся, если скажем, блестящий образец. Мы имеем в виду фильм режиссера Георгия Данелия «Не горюй» (автор сценария Резо Габриадзе). Отношение советской кинематографии к модернизации отличается глубокой почтительностью к оригиналу. Это проявляется и в том, что произведения писателей таких масштабов, как Достоевский, Толстой, Горький и другие, не подвергаются у нас переложению и видоизменению. Всемирная классика требует большего уважения и благоговения. Переработка и переложение их, независимо от результатов, воспринимаются как святотатство, и только в случае величайшего успеха (как это произошло с «Вестсайдской историей») можно простить такую экранизацию ее авторам. А подобная победа почти исключена, так как творчество великих писателей, наряду со всеми другими достоинствами, настолько глубоко национально и неповторимо, что пересадка его на другую почву и повторение в другом мире почти невозможны.

Наши кинематографисты не осмелились, например, «осваивать» подобным образом ни творчество Флобера, ни Гюго, ни Бальзака, поскольку вне сугубо французской среды они не мыслятся.

Решимости хватило обратиться к имени менее популярному и не столь значительному в истории литературы. Кроме того, роман французского писателя Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен» был так мастерски и естественно воссоздан на грузинском экране, что возникла полная иллюзия оригинальности. Трансплантация героя благородной души, беззаботного, веселого и гордого из французского мира в грузинский получилась удачной. А благодаря сходству почв была исключена опасность несовместимости. Это и было залогом удачи, а высокое мастерство и талант автора сценария, режиссера и вообще всего творческого коллектива превратили этот залог в реальность, в художественный факт, и в результате такого слияния всех компонентов мы получили один из прекрасных фильмов, преисполненных человеческого естества — добра, юмора, грусти, благородства, красоты.

В отличие от большинства мы не являемся принципиальными противниками модернизации классики (не известно, во что это может вылиться в будущем: быть может, новая ступень киномышления даст нам уже не один-два, а значительное число хороших фильмов) и категорически не отрицаем, подобно некоторым, возможность использования литературы других стран и народов, о чем говорилось выше. Но в то же время мы глубоко убеждены, что для нас это останется «заморским фруктом», и увлекаться экранизацией чужой классики, даже не модернизируя ее, не стоит, это малоэффективно. Сколько бы ни хвалили, скажем, фильмы Ромма, Юткевича, Козинцева и других, снятые по произведениям Мопассана, Шекспира, Сервантеса и так далее, лучшие образцы экранизации в русском кинематографе — прежде всего фильмы, созданные по классическим произведениям русской литературы,

связанные с творчеством Пушкина, Достоевского, Толстого, Горького, Шолохова и других.

Итак, в любом национальном кинематографе главным и определяющим материалом экранизации может быть только национальная литература. Этого требуют не только национальные интересы (хотя и с этим нельзя не считаться), но и диктует сущность самой литературы и искусства. Поскольку литература по своей природе исключительно национальна, начиная от материала, то есть слова, и кончая характерами, то глубокое, вплоть до нюансов, проникновение в них, проникновение не только сознанием, но и, что самое главное, сердцем, душой и нервами, дано лишь национальному кинематографу, художнику только определенной национальности, и в этой способности с ним никто не может конкурировать, даже при наличии большого таланта и профессионального мастерства.

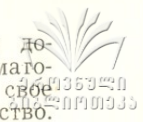
Трудно вспомнить более убедительный пример, чем известный итало-американский фильм «Война и мир». Режиссер Кинг Видор своим талантом и искренней любовью к русской культуре, к Толстому, безграничной преданностью первоисточнику с помощью замечательного творческого коллектива, особенно актеров, создал действительно изумительный, запоминающийся фильм. Несмотря на то, что прошло уже немало лет, перед нами и сегодня словно живые встают Наташа Ростова, Пьер Безухов, Андрей Болконский (в исполнении Одри Хепберн, Генри Фонда и Мэла Ферера). И все-таки мы ощущаем, что русская душа и характеры в фильме не раскрыты с полной глубиной и силой. Особенно это почувствовали русские и потому были так сдержаны в оценке картины Кинга Видора.

Грузинский кинематограф, обращаясь к экранизации, питается преимущественно национальной литературой.

Экранизация в грузинском кинематографе осуществляется при исключительно бережливом отношении и верности оригиналу, но с удовлетворением должны отметить, что это вовсе не означает слепую покорность первоисточнику. Призыв «не выходить из рамок» литературного произведения, который звучит довольно часто в защиту метода иллюстрирования, редко обеспечивает истинный успех.

Фильм «Отарова вдова» (по одноименной повести Ильи Чавчавадзе) явно пострадал именно от этого принципа. Даже необычайно эмоциональное воплощение образа главной героини таким большим мастером, как Верико Анджапаридзе, не смог поднять фильм на желанную высоту. Так же как и актерский талант Спенсера Трейси не восполнил слабостей фильма, снятого методом простого иллюстрирования, по повести Хемингуэя «Старик и море».

К сожалению, есть еще примеры куда более слабой экранизации. Естественно, невозможно создавать только прекрасные фильмы, но оправдывать этим неудачу, если не сказать провал фильма, нелепо. Тем более недопустимо творческую несостоятельность прикрывать такими высокими материями, как реализм, верность первоисточнику, неприкосновенность авторских прав писателя.

Творчество отдельных писателей, наряду с другими достоинствами, настолько лаконично, динамично и кинематографично по сути своей, что само по себе подсказывает свое воплощение на экране, будто напрашивается в киноискусство. Разве случайно грузинское кино так последовательно обращается к творчеству Давида Клдиашвили? Начиная с 1927 года, когда Котэ Марджанишвили снял «Мачеху Саманишвили», не один фильм был создан по рассказам и пьесам Давида Клдиашвили, в том числе «Потерянный рай» Давида Рондели, который «и сегодня считается вершиной грузинского кинокомедийного искусства». Сейчас Эльдар Шенгелая вновь обратился к экранизации «Мачехи Саманишвили» и снял блестящий фильм по этой повести.

Прекрасным образцом кинематографичности служит творчество Нодара Думбадзе. С чувством глубокого удовлетворения мы можем сказать, что вклад Нодара Думбадзе в грузинское киноискусство весьма значителен, но и грузинские кинематографисты не остаются перед ним в долгу.

У грузинского кинематографа есть немало достижений в области экранизации. Хотя часто верность первоисточнику носит характер иллюстрирования, однако и в этих случаях идут поиски кинематографического лица литературного произведения, которое не требует основательной реконструкции в кино, и иллюстрирование рождается не в результате творческой инертности или несостоятельности режиссера, а диктуется самим первоисточником. Такими были фильмы «Каджана» Василия Пипинашвили, «Клад» Резо Чхеидзе, «Голуби» и «Княжна Майя» Ланы Гогоберидзе, «Миха» Мераба Кочашвили, «Похищение луны» Тамаза Мелиава, «Епископ на охоте» и «Ферма в горах» Лиан Элиава, «Незванные гости» Валериана Квачадзе и другие.

Большинство грузинских, да и вообще советских фильмов с той или иной степенью точности оригиналу и художественных достоинств чаще всего основаны на принципе иллюстрирования, носит ли он упрощенный характер или является серьезным режиссерским поиском.

Это и порождает все сомнения. Естественно возникает вопрос, а нужно ли подробное дублирование? В этом усматривают и некоторое ущемление роли литературы, поскольку ей трудно конкурировать с популярностью кино. После просмотра фильма у вас уже может не возникнуть желания прочесть книгу. Польский критик Анджей Кийовский, оказываясь, горько пошутил в одной своей статье, сказав, что на экранизацию не продавал бы билеты без справки о том, что книга прочитана. Существует и другое, противоположное мнение: фильм служит популяризации литературного произведения, привлекает к нему больше внимания. Наверное, в определенной степени правы и те, и другие. Но суть не в этом.

Главное то, что, как справедливо замечает Иосиф Маневич, «...популяризация, а тем паче реклама, никогда не являлась задачей искусства. Фильм лишь тогда привлекал внимание зрителя, когда он сам был произведением искусства и доставлял эстетическое удовольствие. Книга на экране обретает новую жизнь, а не получает дополнительный тираж».

Достаточно вспомнить «Княжну Майю» Лео Киачели и одноименную киноновеллу Ланы Гогоберидзе, повесть Демны Шенгелая «Клад» и фильм Резо Чхеидзе, «Я, бабушка, Ильич» и «Илларион» Нодара Думбадзе и картину Тенгиза Абуладзе или еще несколько лучших образцов грузинской литературы и кино, чтобы справедливость этого положения стала для нас совершенно очевидной.

Случается и так, что режиссер открывает литературному произведению новые горизонты, превращает его в образец большого искусства или же, исходя из собственной философской концепции и художественного видения явлений, придает классическому произведению новое звучание, способствуя этим возникновению новых обобщений и аналогий.

Первым образцом подобной экранизации в грузинском кино был фильм «Элисо» Николая Шенгелая, лента, оставшаяся классической не только для грузинской, но и для всей советской кинематографии. Это — яркая страница в истории киноискусства, не утратившая и сегодня активного воздействия на зрителя, поражающая эмоциональной напряженностью, лаконичностью и сконцентрированностью художественной мысли, безграничностью творческой фантазии режиссера, богатством оригинальных художественных приемов и средств выразительности.

Посмотрев фильм, вы ни на минуту не усомнитесь в том, что это экранизация рассказа «Элисо» Александра Казбеги. Но если, обратившись к первоисточнику, попытаетесь сравнить литературное произведение с фильмом, сразу обнаружите огромное различие между ними.

И все-таки это — экранизация рассказа «Элисо», в которой торжествует не столько буква конкретного литературного произведения, сколько дух всего творчества Казбеги. Этот фильм — первый образец кинематографического освоения литературы, когда творчески свободный подход режиссера не только не искажает произведения, а, наоборот, облекает в новую форму дух первоисточника, расставляет не только новые акценты, но и предлагает плоды нового художественного осмысления.

В основе рассказа «Элисо» — трагедия несчастной любви. Николай Шенгелая взглянул на эту трагедию под другим углом зрения, выдвинув на первый план жестокость и несправедливость угнетения национальных меньшинств, все ужасы преследования народа.

В основе рассказа Казбеги — конфликт между отцом, старым чеченцем, и дочерью, полюбившей мохевца — представителя чужого рода и племени. В основе же фильма Николая Шенгелая — насилие, жестокость, беспощадность в подавлении элементарных прав человека. Такой радикальный поворот в осмыслении произведения повлек за собой и изменение сюжета. В фильме противопоставление любви отца и Важи к Элисо вообще опущено, разве что эпизод в финале, когда Элисо отказывается остаться в родных горах с Важи и следует за своим отцом, за своим народом на чужбину, свидетельствует о торжестве отцовской любви. И на фоне трагедии масс это лишь печальная деталь, а не главная боль,

пронизывающая рассказ. Расхождение между рассказом и фильмом было точно подмечено кинокритиком Корой Церетели в книге «Грузинское советское кино».

Прошло более двух с половиной десятилетий, и в грузинском кино после «Элисо» появился фильм, имеющий эгалное значение. Это был дебют тогда еще молодых режиссеров Тенгиза Абуладзе и Резо Чхеидзе — «Лурджа Магданы». В этот длительный, трудный и мало продуктивный для грузинского кино период были созданы две-три интересные экранизации, но фильм «Лурджа Магданы» положил начало обновлению и возрождению национального кинематографа.

По сравнению с Николаем Шенгелая авторы его как будто более «покорны» литературному материалу, одноименному рассказу Екатерины Габашвили, проявляют большую верность ему. Даже введенные в фильм по воле режиссеров новые персонажи, скажем купец Митуа или только лишь упомянутые в рассказе староста, свидетели и другие, получившие на экране полноправную жизнь, или такая серьезная трансформация, в результате которой угнетатель-угольщик предстает угнетенным человеком, не то что не вызывает протеста, а воспринимается как составная часть целого.

Не сразу распознаешь и то принципиально новое, что привнесли авторы фильма в образ главной героини Магданы. Магдана — вдова, живущая в нужде, привыкшая к лишениям, — в рассказе наделена и целым рядом отрицательных черт: ей не чуждо приспособленчество, пронырливость, в ней энергично бьется торгашеская жилка. Авторы фильма полностью «очистили» образ Магданы от всего этого, показав ее заботливой труженицей, доброй, чистой, порядочной, поскольку лишь такой образ отвечал их творческой задаче. Так что, «покорность» авторов фильма оригиналу всего лишь кажущаяся.

Естественно возникает вопрос: почему Тенгиз Абуладзе и Резо Чхеидзе обратились к экранизации рассказа не столь уж значительного в грузинской литературе, какую творческую задачу ставили они перед собой?

В 50-е годы в советскую литературу и искусство ворвалась сильная освежающая струя, это были годы обновления. Одной из характерных черт нового веяния явилось обращение к обыкновенному рядовому труженику, к так называемому «простому» или «маленькому» человеку.

Кинематограф стал первым мощным выразителем этой тенденции, характерной не только для грузинского и вообще советского искусства, но и мирового искусства вообще. Итальянский неореализм, ставший целой эпохой в мировом кинематографе, был прекрасным тому свидетельством.

Думаю, что рассказ «Лурджа Магданы» Екатерины Габашвили привлек внимание авторов фильма не столько впечатляющей силой и художественными достоинствами, сколько тем, что в нем были сюжет и настрой, необходимые для творческой задачи молодых режиссеров.

Успех этого фильма был определен главным образом его искренностью, правдивостью, художественностью. Документально точная и строгая фактура, сосредоточенность внима-

ния на бытовых деталях, непосредственность характеров, художественная цельность и гармоничность поставили этот фильм в ряд грузинской киноклассики.

Большая правда фильма опиралась на искренность и талант исполнителей главных ролей — известной актрисы Дудухан Церодзе, создавшей классический образ Магданы, и очаровательных детей — Наны Чиквинидзе и Михо Мелощвили, поразивших не только непосредственностью, но и артистизмом.

Актуальность идеи, ее обобщающее, непреходящее значение, глубокий и подлинный гуманизм, исключительная художественная правда, богатство средств выразительности, высокое эмоциональное напряжение, поэтический дух, который авторы вдохнули в этот фильм, принесли ему мировое признание. Фильм был удостоен такой высокой награды, как Большая премия Каннского кинофестиваля. Это было подлинной сенсацией, открытием для всего мира грузинского кинематографа и началом нового этапа в развитии грузинского кино.

В «Лурджа Магданы» впервые был осуществлен своеобразный метод поэтического осмысления действительности. Слияние двух плоскостей — документальной жизненной правды и поэтического обобщения впоследствии стало одной из самых характерных примет современного грузинского киноискусства» (Кора Церетели).

Так высокий творческий настрой и подлинное профессиональное мастерство превратили совершенно ординарное литературное произведение в шедевр кинематографии.

Между прочим, примеров такого «счастливого несоответствия» между литературным первоисточником и его отображением на экране достаточно много. Так что в истории грузинского кинематографа есть не только печальные факты, когда большие литературные произведения принижались и блекли на экране, но и факты, когда ординарные художественные произведения способствовали созданию образцовых кинолент. Конечно, не все эти фильмы одинаково значительны для грузинского кино, но благодаря своим художественным достоинствам они причислены к ряду лучших образцов экранизации.

Так, например, роман Антона Пурцеладзе «Мацн Хвятия», мало значительный даже для своего времени и не столь уж несправедливо забытый нашими современниками, послужил основой для одноименного приключенческого фильма Георгия Шенгелая. Благодаря высокому мастерству режиссера фильм снискал большую популярность у современного зрителя.

Нечто еще более удивительное произошло с рассказом Михаила Джавахишвили «Безродная», по которому Александр Рехвиашвили снял фильм «Нуца». Этот рассказ не показателен для творчества писателя. Он принадлежит к ранним прозаическим произведениям Михаила Джавахишвили и по сравнению с другими его рассказами того же периода, например «Чанчура», выглядит достаточно близким и сен-

тиментальным перепевом сюжета, уже давно известного классической литературы.

Но фильм «Нуца» стал весьма интересным и значительным образцом искусства. И это надо полностью приписать глубоко оригинальному кинематографическому осмыслению и видению режиссера Александра Рехвиашвили, его высокому профессионализму.

Скупое и рациональное художественное мышление, лаконичное киноповествование, использование наиболее выразительных средств для создания кинообраза, смена динамичных и фиксированных статических кадров, проникновение в глубинные душевные переживания героев при создании их психологических портретов — вот что обусловило высокие достоинства «Нуцы».

Александр Рехвиашвили многим пренебрег в этом и без того небольшом рассказе, отказался, на первый взгляд, от, казалось бы, выигрышных сюжетных моментов и персонажей. Он не ставил перед собой цель подробно и детально рассказать все перипетии и трагический финал искусства Нуцы. Все это Александр Рехвиашвили оставляет за кадром и сосредоточивает внимание только на душевных переживаниях. И таким путем он превращает социальную мелодраму в драму психологическую.

Прекрасным образцом экранизации является фильм «Алавердоба» Георгия Шенгелая, снятый по одноименному рассказу Гурама Рчеулишвили. Разностороннюю и многообразную грузинскую кинематографию на современном этапе характеризует и философское мышление. Фильм «Алавердоба» Георгия Шенгелая был одним из первых проявлений этой тенденции. Смысл рассказа и фильма заключается в утверждении того, что накал страстей в созиидании, а не в наслаждении созданным. Герой рассказа и фильма приходит к этому выводу во время праздника алавердоба, когда с купола величественного храма наблюдает праздню шатающуюся толпу, потерявшую рассудок от чрезмерных возлияний. Режиссер прекрасно сумел передать на экране сокровенный замысел писателя.

Одним из лучших выражений поиска философских глубин в грузинском кино, масштабного художественного мышления, стремления к метафорическому и символическому обобщению является фильм Тенгиза Абуладзе «Мольба». Этот фильм сразу же был воспринят как явление необыкновенное, приемлемое для одних и неприемлемое для других. Теперь, с высоты сегодняшнего дня, когда «Мольба» стала «старше» годами и успела завоевать Гран-при в Сан-Ремо на Международном кинофестивале, когда утихли страсти полемики, появилась возможность трезвой оценки фильма. Сейчас с еще большей очевидностью выкристаллизовались непреходящие достоинства фильма.

В «Мольбе» с новым блеском проявилось глубоко оригинальное метафорическое мышление Тенгиза Абуладзе, присущий ему талант кинематографической художественной интерпретации сложнейших проблем, способность собрать творческий коллектив, который в состоянии воплотить в жизнь

задуманные и осмысленные им кинообразы, найти истинных художников и с увлечением работать с ними.

Тенгиз Абуладзе избрал сложный способ экранизации, когда на язык кино перелагается не одно какое-либо произведение и цельное произведение писателя, а из всего его творчества выбирается одна определенная проблема и в соответствии с ней производится монтаж сюжетных линий, образов различных произведений, сливающий их в единый художественный организм. Авторы сценария (Тенгиз Абуладзе, Резо Квеселави и Анзор Салуквадзе) и режиссер блестяще справились с этой труднейшей задачей, усложненной своеобразной литературной фактурой и природой творчества самого Важа Пшавела.

Возникшее поначалу раздражение среди части критиков было продиктовано несоответствием уже сложившихся у них представлений о глубоком и прекрасном мире творчества Важа Пшавела с режиссерским замыслом и его видением. Кроме того, широко известен только один ряд произведений писателя, и потому кое-что показалось в фильме чужеродным телом, приращенным под чужим влиянием. В действительности же в «Мольбе» все исходит из творчества Важа Пшавела, причем сценаристы обратились и к малоизвестным и малым произведениям писателя, например к рассказам «Привидение», «Мечта» и другим. И в этом случае знание режиссера и сценаристов мира писателя, их проникновение в творчество Важа Пшавела куда более глубокое, нежели у оскорбленных оппонентов.

В основе «Мольбы» лежит одна важнейшая проблема — противопоставление добра и зла, их несовместимость. Эта общая для фильма линия проходит через все его сюжетные фрагменты, составляет их основу, хотя каждый из них несет свою конкретную нагрузку.

У «Мольбы» есть свой твердый костяк, сюжетная ось и один главный смысл. Именно главный и именно один, который не исчерпывает — да он и неисчерпаем — творческий мир Важа Пшавела.

Потому-то по творческим мотивам этого писателя можно снять еще не один и не два фильма. Вот, например, Нодар Манагадзе снял прекрасный фильм «Как доброго молодца женили» по поэме Важа Пшавела «История Иване Которашвили» (авторы сценария Эрлом Ахвледзиани и Давид Джавахишвили). Этот фильм не отличается столь глубокой смысловой нагрузкой и масштабами обобщения, как «Мольба», но он раскрывает творчество писателя под другим углом. Тенгиз Абуладзе, как он сам объявил читателям, намерен снять фильм «Бахтриони» по Важа Пшавела. Видимо, тогда зазвучит на экране еще один значительный, патриотический мотив творчества писателя, но, к счастью, и этим не будет исчерпан мир Важа Пшавела. Творчество его еще долго будет вдохновляющим источником для художников кино.

Не приходится удивляться и тому, что книга Георгия Леонидзе — сборник его рассказов «Древо желаний» уже стал основой для двух фильмов. Леван и Буба Хотивари сняли весьма любопытную картину «Чирики и Чикотела» (автор

сценария Реваз Инанишвили) по одноименному рассказу Леонидзе. Стараниями авторов небольшой колоритный, с оттенком грусти рассказ превратился в драму, где в комических на первый взгляд, ситуациях приходят в столкновение большие страсти.

А Тенгиз Абуладзе снял фильм «Древо желания» (авторы сценария Тенгиз Абуладзе и Реваз Инанишвили), который пополнил сокровищницу грузинского киноискусства еще одним блестящим произведением.

Для этого фильма непосредственно использованы лишь несколько рассказов — «Древо желания», «Старая дева», «На деревенской улице», «Цицикорэ», «Марита», «Чорехи». Из всей книги использованы отдельные детали, художественные образы, настроение. И все здесь, абсолютно все, идет от первоисточника — творчества Георгия Леонидзе, но силой художественного осмысления режиссера идея его обнажена и обострена.

Тенгиз Абуладзе здесь использует тот же метод экранизации, что и в «Мольбе», — он извлекает из творчества писателя только интересующую его проблему и до предела обостряет ее на экране. Можно сказать, что «Древо желания» развивает на экране пафос «Мольбы». И здесь несовместимость добра и зла, борьба за добро не на жизнь, а на смерть, хотя и проявившаяся совсем в другой сюжетной ткани, в ином материале и образах.

Есть у этих фильмов общее и с точки зрения художественного мышления — эти совершенно разные фильмы близки между собой по своей символике и метафоричности. «Древо желания» не является художественным полотном только социального или психологического плана, оно принадлежит и к жанру философского кинематографа, где борьба двух начал — зла и добра проявляется в столкновении нового со старым, в подавлении духовной свободы личности под покровом традиций и в неукротимом стремлении избавиться от этого гнета.

Грузинское кино имеет богатый опыт экранизации и великодушные ее образцы. Впереди у творческого сотрудничества литературы и кинематографа только радужные перспективы. Это уже диктуют и сложившиеся традиции, и успехи новых фильмов. Залогом тому — творческая атмосфера, пристальный интерес и бережное отношение к грузинской литературе, которые утвердились на киностудии «Грузия-фильм».

Но с точки зрения экранизации грузинской классики счастье по-настоящему пока улыбнулось только Важа Пшавела и Давиду Квдиашвили, хотя и их творчество еще далеко не исчерпано кинематографом. Классика и грузинская литература двадцатого века пока еще остаются для кино богатой и во многом нетронутой сокровищницей. Можно верить, что сотрудничество грузинского кино и литературы принесет нам новые прекрасные плоды.

«ГРУЗИНСКАЯ ЛИРА»

В СБОРНИК под таким названием включены наряду со стихами классиков грузинской поэзии произведения современных советских поэтов. Открывается книжка бессмертным «Мерани» Николоза Бараташвили. Затем следуют стихи Важа Пшавела, Рафиэла Эристави, Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе. Из активно действующих сегодня грузинских поэтов в сборнике представлены Григол Абашидзе, Карло Каладзе, Реваз Маргиани, Хута Берулава, Теймураз Джангулашвили, Нази Киласония.

Все стихи «Грузинской лиры» собраны и переведены на русский язык поэтом-переводчиком Василием Лаперашвили с максимальным приближением к оригиналу как в отношении содержания, так и поэтического инвентаря, художественных красок.

Книжка эта, знакомящая русского читателя с новыми переводами грузинских поэтов, недавно выпущена издательством «Мерани».

«ОБЪЯТИЯ»

—АВТОР—этого поэтического сборника Джемал Катамадзе взволнованно передает

в своих стихах чувства нашего современника. Они вбирают в себя и любовь к отчизне, к родной природе, и уважительно, целомудренно выраженную любовь к женщине. С гордостью вспоминает поэт о своих земляках, сражавшихся против фашизма. А все творчество Д. Катамадзе пронизывает идея нерушимой дружбы народов нашей великой Родины.

В завершающем сборник стихотворении «Не говори» есть такие строки:

**Не говори мне — хватит,
Не говори — довольно,
Душа за все заплатит
И вольно и невольно.
Пока живу, волнуюсь,
Всего мне в мире мало,
Я солнышком люблюсь
Или водою талой...**

Думается, они дают некоторое представление о поэте, которого московскому издательству «Советск и й писатель», выпустившему книгу Д. Катамадзе в этом году, помог представить русскому читателю Г. Корин в авторизованном переводе с грузинского.

«МАНДАРИНОВЫЙ БЕРЕГ»

В ЭТОТ новый сборник Бориса Андроникашвили, изданный «Молодой гвардией» (Москва, 1977), вошли две повести — «Капитаны» и

«Пророк», а также семь рассказов — «Неистовый Бессараб», «Маквала», «Дон Алонсо», «Ужин на рассвете», «Неверный друг», «Обед в полночь» и «Летний день». Все они посвящены людям разных профессий, которые трудятся на берегу солнечной Аджарии. Но все же главный герой книги — это вступающий на самостоятельный жизненный путь юноша, у которого все впереди и от которого зависит как сложится его судьба, как сформируется его личность.

«НИКО НИКОЛАДЗЕ И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»

ЭТА КНИГА Г. Д. Джавахишвили содержит анализ журналистской и публицистической деятельности известного грузинского общественного деятеля Николая (Нико) Яковлевича Николадзе, его участия в русской центральной и тбилисской демократической периодике второй половины XIX и начала XX веков, в таких изданиях, как журналы «Искра», «Современник», «Отечественные записки», «Устой», газеты «Тифлисский вестник», «Обзор», «Новое обозрение».

Особо рассматривается в труде сотрудничество Н. Николадзе с герценовским «Колоколом», его взаимоотношения с Н. Чернышевским, А. Герценом, М. Антоновичем и другими.

Рассказывается здесь также о сотрудничестве в тби-

лиссских изданиях таких известных русских литераторов-демократов, как Н. Сибирский, В. Гаршин, петербуржцы А. Пальма и А. Плещеев, поэт Д. Минаев, поэт-переводчик И. Тхоржевский и другие.

Книга вышла в этом году на русском языке в издательстве Тбилисского университета. В предисловии к ней сказано, что «одной из многогранных фигур литературно-общественной жизни не только Грузии, но и России был Николай Яковлевич Николадзе», что и прослеживается автором на богатом материале, представленном в данном труде.

«НАУКА И ИСКУССТВО»

В ПРЕДВАРЯЮЩЕМ эту книгу доктора философских наук профессора Л. Г. Джаях предисловии «От автора» говорится, что составившие ее работы, написанные в разное время и по разному поводу, «выражают, однако, единую, целостную идею глубокой внутренней, органичной взаимосвязи науки и искусства, как двух форм общественного сознания, без которых немислимо существование человека и человеческого общества».

Все это доказывается на материале анализа результатов анкеты «Литературной газеты» — «XX век, Наука и общество».

Книга выпущена на русском языке издательством «Хеловнеба» (Тбилиси, 1977).

ЮБИЛЕЮ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

В ТБИЛИСИ состоялось торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения русского революционера-демократа, выдающегося мыслителя и патриота, ученого, писателя Николая Гавриловича Чернышевского.

Открывая торжественное заседание, второй секретарь Тбилисского горкома партии Н. Гургенидзе отметила значимость творческого наследия великого писателя и вождя революционно - демократического движения в России 60—70-х годов XIX века.

С докладом выступил министр высшего и среднего специального образования Грузинской ССР, академик Академии наук республики Г. Джибладзе.

На заседании присутствовали секретарь ЦК КП Грузии В. Сирадзе, первый секретарь Тбилисского горкома партии Т. Ментешашвили, заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии А. Алексидзе.

В Тбилисском государственном университете состоялось объединенное заседание кафедр истории русской литературы ТГУ и Тбилисского педагогического института имени А. С. Пушкина, посвященное юбилею Н. Г. Чернышевского.

Доклад о жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского сделал профессор В. Шадури.

Профессор педагогического института Е. Чарквиани выступил с докладом «Теория реализма Чернышевского в интерпретации Н. Я. Николадзе». Преподаватель Телавского педагогического института Д. Сенашвили посвятил свое выступление переводам романа «Что делать» на грузинский язык...

ПРАЗДНИК В ЧАРГАЛИ

БОЛЕЕ пяти тысяч человек собрались в этот день во дворе маленького дома Ризикашвили в пшавском селе Чаргали — на родине Важа Пшавела.

Традиционный ежегодный народный праздник важаоба вылился в яркий праздник поэзии.

Один за другим выступали с чтением стихов поэта народные сказители, поэты.

На праздничном митинге выступили первый секретарь Душетского райкома партии И. Гамрекели, секретари правления Союза писателей Грузии поэты И. Нонешвили и Дж. Чарквиани, болгарская писательница Ивана Славова...

В народных празднествах приняли участие дети писателя — Вахтанг и Тамара Ризикашвили.

НАШИ ГОСТИ — ПИСАТЕЛИ УЭЛЬСА

В ГРУЗИИ гостила группа писателей Уэльса, которую возглавлял литературный директор Художественного союза Уэльса поэт М. Стивенс.

В состав делегации входили известные деятели культуры и литературы Уэльса — профессор Ньюпортского колледжа искусств поэт Джулиан Кларк, критик, прозаик, поэт и переводчик Джеральд Джонс.

Гости из Великобритании побывали в Батуми. В Аджарском отделении Союза писателей Грузии состоялась встреча гостей с ответственным секретарем отделения поэтом Ф. Халваши и поэтом Д. Катамадзе.

В Тбилиси в Союзе писателей Грузии литераторы Уэльса продолжили диалог со своими грузинскими коллегами.

В беседе приняли участие секретарь правления Союза писателей Грузии поэт И. Нонешвили, поэт М. Поцхишвили, заместитель председателя Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным связям при Союзе писателей

республики В. Кахнашвили.
В течение трех дней писатели Уэльса знакомились со столицей Грузии.

НА РОДИНЕ МАЯКОВСКОГО

«МАЯКОВСКИЙ в искусстве» — так называется новая экспозиция в Дземе-музее выдающегося советского поэта в Маяковски.

На ней широко представлены фотоматериалы, повествующие о многочисленных контактах В. Маяковского с современниками — выдающимся поэтами, писателями, театральными деятелями.

После реконструкции восстановлена в прежнем виде мемориальная часть музея — гостиная, кабинет, столовая.

В отдельной комнате выставлены многочисленные издания произведений классика советской литературы на многих языках мира.

Новая экспозиция позволит еще раз окунуться в творческую лабораторию поэта, ближе познакомиться с обстановкой, в которой он жил и работал.

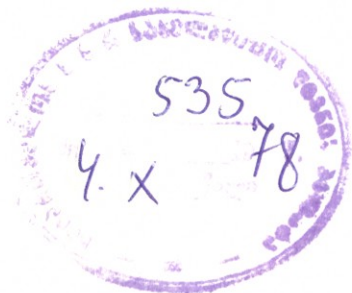
КОБИДЗЕ Рамаз Сергеевич. Род. в 1923 г. Окончил философский факультет Тбилисского государственного университета. Кандидат филологических наук. Автор трех сборников рассказов, романа. Перевел на грузинский язык произведения И. Ильфа и Е. Петрова, В. Вересаева, А. Беляева.

НАТРОШВИИ Тамаз Георгиевич. Род. в 1937 г. Окончил исторический факультет Тбилисского государственного университета. Автор двух сборников рассказов. Первый его рассказ был опубликован в журнале «Цискари» в 1958 г. Предлагает

мье читателю в этом номере главы вошли в книгу исторических очерков «От Маширика до Магриба», выходящую в этом году в издательстве «Наука».

ЧОЛОКАВА Нодар Давидович. Род. в 1924 г. Доктор филологических наук. Автор ряда научных трудов. Работает в области теории литературы.

ШАВЛИАШВИЛИ Медея Семеновна — грузинская писательница, переводчица и очеркист. Автор сборников рассказов «На полпути» (1965) и «Рассказы» (1973).

Сдано в набор 19 июля 1978 г. Подписано к печати 18 сентября 1978 года. 6 печ. листов, усл. листов 10,08. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

2.6-78

78-535

საქართველოს
ბიბლიოთეკები

Цена 40 коп.

ИНДЕКС 76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა